СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции:
119034, Москва, Б. Левшинский пер, д. 10/2.
Тел./факс (495) 927-01-93
Email: histudies@gmail.com

Учредитель журнала
Фонд содействия актуальным историческим исследованиям “Историческая память”.

Отпечатано в типографии “Стрит принт”.
Москва, ул. Дербеневская, д. 20, стр. 2.

Тираж 500 экз.

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках первый номер нового научного журнала, «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований».

Готовя его, мы ставили перед собой амбициозную задачу: создать периодическое издание, на страницах которого специалистами будут обсуждаться самые острые и самые болезненные вопросы истории России и Восточной Европы. Таких исторических сюжетов, становящихся предметом ожесточенных политических споров, очень много. Это и советские репрессии (отождествляемые восточноевропейскими политиками с геноцидом), и трагедия великого голода 30-х годов в СССР, и деятельность антисоветских подпольных националистических движений (поспешно объявляемых символом национального героизма), и нацистская «война на уничтожение» против народов Советского Союза, и трансформации восточноевропейских обществ в результате советизации, и многое, многое другое.

Порою одни и те же исторические сюжеты толкуются историками и политиками разных стран столь противоположным образом, что кажется: к единому знаменателю прийти невозможно. Однако даже тогда, когда это действительно так, можно хотя бы понять аргументацию другого, сблизить позиции, прийти к общему представлению о независящих от трактовок фактах. Мы надеемся, что наш журнал станет площадкой, открытой для дискуссий между российскими, украинскими, белорусскими, латвийскими, литовскими, эстонскими, молдавскими, польскими историками, а также нашими западными коллегами, словом, – всеми, кому небезразлично наше общее прошлое, всем, для кого строгий язык науки важнее субъективных национальных или политических пристрастий.

Первый номер нашего журнала получился российско-украинским как по тематике, так и по составу авторов. Читатель сможет познакомиться с основательными исследованиями о голоде 30-х годов РСФСР и правовых аспектах присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939 году, о специфике работы со статистическими документами советских репрессивных органов, о формировании исторической памяти и о попытках советских властей мирным путем погасить гражданский конфликт на Западной Украине. Под одной обложкой собрались очень разные по своим взглядам историки из Москвы, Днепропетровска, Пензы, Донецка, Львова. И это – наглядное свидетельство, что наш журнал уже состоялся.

С уважением, *Александр Дюков*

FROM THE EDITOR

Dear colleagues,

There is the first issue of the new scientific journal that is called The Journal of Russian and Eastern European Historic Research in your hands.

Preparing it we set ourselves an ambitious task to create a periodical in which experts would discuss the most burning and painful questions of Russian and Eastern European history. There are a lot of such historical topics that are subjects to heated political controversy. For example, Soviet repressions (identified by Eastern European politicians with genocide), the tragedy of great hunger of the 30s in the SU, anti-Soviet underground Nazi movements' activities (hastily proclaimed a symbol of national heroism), Nazi war of annihilation against Soviet peoples, transformations of Eastern European societies as a result of sovietization, etc..

Sometimes the same historical topics are interpreted by historians and politicians in absolutely different ways and it seems that it is impossible to come to a common denominator. However even then you can understand argumentation of your opponent, bring positions closer together and get a general idea about the facts that are independent of interpretation. We hope that our journal will become a ground open for discussions among Russian, Ukrainian, Byelorussian, Latvian, Lithuanian, Estonian, Moldavian and Polish historians as well as our colleagues from the West, in a word, among everybody who is not indifferent to our common past and for whom the strict language of the science is more important than subjective national and political partiality.

The first issue of our journal turned out to be Russian-Ukrainian what its subject matter and authors concerns. The reader can learn about thorough studies of hunger of 30s in the USSR and legal aspects of annexation of Western Ukraine to the USSR in 1939, specific character of working with statistic documents of Soviet repressive authorities, formation of historical memory and efforts of Soviet authorities to settle the civil conflict in Western Ukraine by peaceful means. We gathered radically different opinions of different historians from Moscow, Dnepropetrovsk, Penza, Donetsk and Lvov under one cover and this is the clear evidence of the fact that our journal has already established itself.

With best regards, *Alexander Dyukov*

Статьи

Виктор Кондрашин

Голод 1932 – 1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР)

Одной из актуальных и дискуссионных проблем новейшей истории России является голод 1932 – 1933 гг. В последние годы эта тема вышла за рамки чисто научных споров и приобрела общественно-политическое звучание как в нашей стране, так и за ее пределами. Ее политизация навязана российской и мировой общественности президентской администрацией Виктора Ющенко и рядом украинских, а также зарубежных историков и политиков, которые доказывают тезис об исключительном характере голода 1932 – 1933 гг. на территории Украины, квалифицируют его как «голодомор», «геноцид» украинского народа.[1] При этом украинскими коллегами заявляется, что в российских регионах (за исключением Кубани и Казахстана) в 1932 – 1933 гг. голод был намного слабее, чем в Украине. На этом основании они заключают, что в СССР в то время было как бы два голода: один, настоящий голод («геноцид», «голодомор»), сопровождавшийся всеми его ужасами, – на территории Украины, второй – «просто голод», без его крайних проявлений – в российских регионах. Главную причину такого различия эти исследователи находят в якобы существовавшем у сталинского руководства СССР намерении не допустить выхода Советской Украины из состава СССР. Отсюда и организация «геноцида украинского народа» с помощью «голодомора». В российских же регионах подобной угрозы не существовало, поэтому сталинисты действовали там «мягче», забирали у крестьян в ходе хлебозаготовок только хлеб, оставляя им другие съестные припасы, в отличие от украинских селян, где конфисковывалось все продовольствие.[2] Именно поэтому и оказались несопоставимыми по масштабам жертвы голода в Украине и России. Мы категорически не согласны с подобной интерпретацией обстоятельств голода 1932 – 1933 гг., поскольку она противоречит реальным фактам и направлена на раскол бывших братских народов СССР: России, Украины и других государств, для которых в действительности это была общая трагедия.[3] И в настоящей статье мы попытаемся доказать это.

В центре внимания статьи – голод 1932 – 1933 гг. в российских регионах, на территории бывшей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), его причины, региональные особенности, демографические последствия. Основу источниковой базы составляют архивные материалы, выявленные автором в ходе работы над международным проектом Федерального архивного агентства РФ «Голод в СССР. 1929 – 1934 гг.», а также изученные в предшествующие годы в рамках работы над кандидатской диссертацией и международным проектом РАН «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание».[4]

...Сталинское руководство СССР не хотело голода, но организовало его своими ошибками, а в ряде случаев – и преступными действиями. Итогом стала гибель миллионов крестьян, в основном в зерновых регионах, ставших главным источником для индустриализации.

Мы не будем специально и подробно останавливаться на историографии проблемы. Отметим лишь, что она значительна и представлена трудами историков не только России и Украины, но и многих других зарубежных стран.[5]

В литературе определилось две принципиальные позиции по теме голода 1932 – 1933 гг. в СССР. Первая из них – это уже упомянутая концепция «голодомора», «геноцида украинского народа». Вторая, разделяемая автором настоящей статьи, – идея о том, что данный голод стал закономерным результатом антикрестьянской политики сталинского режима (насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок), разрушившей сельское хозяйство страны. Эта политика проводилась в рамках курса на форсированную индустриализацию за счет мобилизации внутренних ресурсов, прежде всего советской деревни. Сталинское руководство СССР не хотело голода, но организовало его своими ошибками (например, в области планирования хлебозаготовок), а в ряде случаев – и преступными действиями (борьба с миграцией голодающих, замалчивание голода,

отказ от международной помощи). Итогом стала гибель миллионов крестьян, в основном в зерновых регионах, ставших главным источником для индустриализации, а также в Казахстане, где коллективизация разрушила животноводческое хозяйство республики.[6]

На наш взгляд, наибольший вклад в подлинно научное осмысление великой трагедии народов бывшего СССР внесли такие ученые, как В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, Е.Н. Осколков, Р.У. Дэвис, С. Уиткрофт и др. В украинской историографии голода, несмотря на ее очевидную политизацию, несомненным достижением является публикация архивных документов, показывающих масштабы голода 1932 – 1933 гг. в Украине, его ужасы и демографические последствия.[7]

Не претендуя на бесспорность и категоричность суждений, остановимся на ключевых аспектах проблемы применительно к ситуации в российских регионах. Прежде всего, проведенный нами анализ архивных источников и других материалов позволяет пересмотреть хронологические рамки трагедии. Как известно, ее начальным рубежом украинские и другие исследователи считают 1932 год – время наступления смертного голода в Украине, массовых репрессий против крестьянства на почве принудительных хлебозаготовок во второй половине 1932-го – начале 1933 гг. Но в действительности отсчет правильнее начинать не с 1932 г., а с 1929 г., когда на территории СССР, вследствие принудительных хлебозаготовок и уже фактически начавшейся тотальной коллективизации, в сельской местности крестьяне стали умирать от голода. Следует отметить, что и предшествующие годы НЭПа не были «крестьянским раем». Серьезные продовольственные трудности и даже голод сельское население переживало и в 1924 – 1925 гг.[8] Ситуация повторилась зимой – весной 1928 г., как результат проведенных в СССР, впервые после гражданской войны, хлебозаготовок из урожая 1927 г. с помощью административного принуждения и даже, в ряде случаев, прямых репрессий против крестьянства.[9] И если принудительные хлебозаготовки 1927/1928 гг. были спонтанной реакцией власти на возникший хлебозаготовительный кризис, то в дальнейшем политика насилия над крестьянством становится осознанной, а с 1929 г. в условиях свершившейся победы сталинистов во внутрипартийной борьбе за власть в СССР она утверждается окончательно. Поэтому с 1929 г. голод становится «сталинским», как закономерный результат аграрной политики утвердившегося руководства страны.

Смертный голод начинается с территории РСФСР. Именно в российских регионах крестьяне первыми начинают умирать от голода, вызванного политикой сталинского режима. В других регионах СССР также наблюдались серьезные трудности с продовольствием, но факты смертей от недоедания не регистрировались. Весной 1929 г. в письмах крестьян льноводческих губерний РСФСР в «Крестьянскую газету» указывалось: «завоза хлеба нет», «в кооперации нет хлеба», «есть случаи голодной смерти», «есть заболевания от недоедания», «нас пугает призрак голодной смерти», «беднота голодает, продает последнее».

Голод нарастал по мере разрушения сталинской аграрной политикой сельского хозяйства СССР, особенно его зерновых районов, включая Украину, которые стали главным источником получения средств для нужд индустриализации.

Голод нарастал по мере разрушения сталинской аграрной политикой сельского хозяйства СССР, особенно его зерновых районов, включая Украину, которые стали главным источником получения средств для нужд индустриализации (зернового экспорта, снабжения флагманов пятилетки и растущего городского населения). Кульминацией кризиса стал 1933 г., породивший массовый смертный голод в Украине и российских регионах.

Фактором дальнейшего углубления продовольственного кризиса в стране выступают хлебозаготовки 1929 г. План дается в 700 млн пудов, на 11,2 млн пудов больше, чем в 1928 г. Причем И.В. Сталин прямо указывает В.М. Молотову: «Если с хлебом выиграем – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики».[10] При этом усиливается административный нажим на крестьянство («никаких уступок»).

1929-й – неблагоприятный в климатическом отношении сельскохозяйственный год, обусловивший, также как и в 1928 г., гибель посевов в зерновых районах СССР, но еще большую, особенно на территории РСФСР. Вследствие этого хлебозаготовки проходили очень напряженно, особенно в российских регионах (Сибири, Поволжье, на Урале, в КАССР). Невзирая на недород, они выполняются с помощью административного принуждения и насилия над крестьянством. В хлебозаготовительную кампанию 1929 г. именно в российских регионах создаются первые чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам, которые впоследствии станут главным орудием сталинистов в борьбе за хлеб (особенно в 1932 г.).

Всего из урожая 1929 г. было заготовлено 943,8 млн пудов хлеба (на 243,8 млн пудов больше,

чем планировалось). Российские регионы обеспечили 64% от заготовленного объема, остальная часть пришлась на Украину (32,5%).[11] По официальным данным, нормы изъятия составили: в Центральном Черноземном районе (ЦЧО) – 21,5%, Нижне-Волжском крае (НВК) – 25,9%, Северо-Кавказском крае (СКК) – 32,3%, Средне-Волжском крае (СВК) – 16,3%, Казахстане (КАССР) – 26,4%, в Украине (УССР) – 22,1%. Но это средние показатели. В действительности все было по-другому. Например, в Пугачевском районе СВК в счет хлебозаготовок ушло 84% урожая.[12] В Оренбургском округе того же края планы хлебозаготовок превысили валовой сбор зерна.[13] В большинстве регионов заготовки задели и семенные фонды.

...Не вызывает сомнений связь между принудительными хлебозаготовками 1930 г. в российских регионах и зерновым экспортом, осуществлявшимся в СССР в интересах индустриализации. В 1932 – 1933 гг. эпицентры голода будут сосредоточены именно в экспортных зернопроизводящих районах РСФСР.

1930 г. – это время усиления продовольственных затруднений и начала массового голода в отдельных регионах СССР, особенно в РСФСР. Голод наступает в результате хлебозаготовок и на их фоне. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, прежде всего сводки ОГПУ и донесения в Москву местного партийного руководства. Например, в январе 1930 г. на территории Нижней и Средней Волги фиксируются факты опуханий от голода крестьян, употребления в пищу суррогатов, бегства из села учителей, непосещения школ учениками по причине голода и т.д.[14]

Голод усиливается весной. В сельской местности РСФСР люди продолжают умирать от недоедания. В то же время, на территории Украины, где продовольственный кризис также обостряется, подобных фактов не отмечено.

В рассматриваемый период в Сызранском округе Средне-Волжской области регистрируется 9 случаев смерти от голода.[15] По данным ОГПУ, подобные факты имеют место и Самарском округе СВК.[16] Одновременно, в городах Поволжья резко обостряется проблема со снабжением населения хлебом (за ним выстраиваются огромные очереди). Цена пуда ржаной муки на рынке достигает 12 – 15 рублей. В крае снимается со снабжения часть учителей, врачей, служащих.

На территории Центрально-Черноземной области, так же как и в Поволжье, фиксируются случаи опуханий крестьян от голода, употребления в пищу суррогатов, распродажи скота с целью покупки хлеба и т.д. «В результате употребления в пищу суррогатов и недоедания отмечен ряд случаев заболеваний и смертных исходов», – отмечалось в сводке ОГПУ.[17]

Не менее тяжелая ситуация складывается в Северо-Кавказском крае. Факты опуханий от голода и смертельных случаев по этой причине имеют место в Кубанском, Сальском и Ставропольском округах. Голодом поражены неурожайные районы и потребляющие (скотоводческие и горные).[18] Например, в декабре 1930 года особенно сильным голод становится в Рутульском районе ДАССР.[19]

Голод распространяется и на Сибирь и Дальний Восток, где крестьяне растаскивают скотомогильники, пухнут от голода. Так же как и в других регионах, на указанной территории фиксируются единичные факты голодных смертей.[20]

В сентябре 1930 г. продовольственные трудности обостряются в Восточно-Сибирском крае.

Особенно сильный голод наступает в Казахстане, автономной республике в составе РСФСР. В одной из сводок ОГПУ указывалось: «продовольственные трудности охватили новые районы и местами носят характер массового голода». При этом приводятся первые конкретные цифры голодающих – 109 809 человек. Весной 1930 г. в КАССР активизируются массовые переселения казахов-кочевников.[21] В августе того же года начинается массовая перекочевка казахов в Средне-Волжский край. В сентябре обостряется голод в Актюбинском округе КАССР, где регистрируется голодная смертность.[22] Как говорят источники, в общей массе голодающих крестьян большинство составляла беднота.

1930 г. – время ухудшения продовольственного положения также и городского населения РСФСР. Уже начиная с осени 1929 г. в городах снижаются хлебные нормы снабжения по карточкам. Особенно заметным это было в Ивановской промышленной области.[23] Ситуация усугублялась бурным, стихийным в своей массе, приростом городского населения РСФСР за счет сельского (в 1929 – 1930 гг. население российских городов увеличилось на 2883,5 тыс. человек).

Таким образом, в результате хлебозаготовок 1929 г. ситуация с продовольствием в стране не улучшается, а ухудшается. Сталинский голод в СССР начинается с территории Российской Федерации.

Реакцией Центра на возникшие продовольственные трудности и голод стало выделение зерновым районам РСФСР продовольственных и семенных ссуд на проведение посевной из создан-

ного по инициативе И.В. Сталина «неприкосновенного фонда». Их получили Средне-Волжский край, Северо-Кавказский край, Сибирь и Казахстан.[24]

В том же году в СССР началась сталинская сплошная коллективизация на основе политики раскулачивания. Главный ее удар пришелся по зерновым районам страны, в том числе в РСФСР ими стали Северный Кавказ, Поволжье, ЦЧО, Северный Казахстан, Западная Сибирь. Целью коллективизации было, прежде всего, резкое повышение товарности зернового производства для нужд экспорта и растущего городского населения в эпицентрах индустриализации. И ее достижение воплотилось в резкое повышение планов хлебозаготовок для коллективизированных зерновых районов СССР. Так, например, союзный план заготовок хлеба вырос, по сравнению с 1928 г., в 2,1 раза (с 674,4 млн пудов до 1,397 млн пудов). Основная доля заготовок пришлась на зерновые районы, в том числе РСФСР (см. таблицу 1).

Хлебозаготовки 1930 г. были перевыполнены с помощью «встречных планов» (установленных Центром дополнительно, сверх уже выполненных регионом). В результате в СССР было заготовлено 1307,1 млн пудов зерна, из них доля регионов РСФСР составила 62%, УССР – 35%.[25] Результатом стало ухудшение продовольственного положения деревни. Но оно не переросло в голод благодаря хорошему урожаю 1930 г. и наличию у крестьян значительного количества молочного и другого скота на подворьях, которое активно использовалось в этот период для нужд пропитания. Кроме того, решением для многих стал массовый исход из деревни в города на заработки. Наиболее активно он наблюдался в сельских районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги. Только по официальной статистике в 1931 г. отход сельского населения из российских регионов составил 3338,6 тыс. человек, на 455 тыс. человек больше, чем в предшествующем году.[26]

На наш взгляд, не вызывает сомнений связь между принудительными хлебозаготовками 1930 г. в российских регионах и зерновым экспортом, осуществлявшимся в СССР в интересах индустриализации. В 1932 – 1933 гг. эпицентры голода будут сосредоточены именно в экспортных зернопроизводящих районах РСФСР. Как извест-

Таблица 1.

Фактические заготовки хлеба в зерновых районах СССР из урожаев 1929 – 1930 гг., млн пудов

	1929/30 г.	1930/31 г.	Увеличение заготовок в 1930/31 г. по сравнению с 1929/30 г., %%
Северо-Кавказский край	103,3	128,8	20,0
УССР	303,9	436,7	30,0
Нижне-Волжский край	68,5	84,9	20,0
Центрально-Черноземная область	106,0	114,1	7,0
Средне-Волжский край	46,6	72,3	35,0
Татарская АССР	15,7	16,4	4,3
Казахская АССР (КАССР)	37,8	40,7	7,2
Уральская область	42,4	74,0	43,0
Башкирская АССР	15,3	35,6	57,0
В целом по СССР	943,8	1307,1	28,0

Источник: АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84 – 85.

но, сам экспорт зерна был возобновлен из СССР в 1930 г., с началом насильственной коллективизации. Его размеры из урожая 1930 г. были определены в количестве 5146,6 тыс. тонн, или 321,6 млн пудов.[27] Основной вывоз хлеба пришелся на сентябрь – октябрь 1930 года (3730 тыс. тонн). Доля экспортного зерна в фактических хлебозаготовках 1930/31 г. составила: в РСФСР 17% (83,4 млн пудов), в УССР – 24% (105,3 млн пудов). Как и указывалось наркомом снабжения СССР А.И. Микояном, львиная его доля (70%) пришлась на два региона страны: УССР и Северо-Кавказский край, а остальная – на Нижнюю Волгу и ЦЧО. Например, в сентябре 1930 г. из 1600 тыс. тонн зерна, запланированного на экспорт, с Украины предусматривалось взять 875 тыс. тонн зерна (55%), Северного Кавказа – 525 тыс. тонн (33%). Остальное зерно раскладывалось на Нижнюю Волгу, ЦЧО и Крым.[28] В октябре 1930 г. из 1500 тыс. тонн экспортного зерна Украина дала 810 тыс. тонн, Северный Кавказ – 280 тыс. тонн, Нижняя Волга – 175 тыс. тонн, ЦЧО – 140 тыс. тонн.[29] Аналогичная ситуация повторилась и в 1931 г. Из урожая того года за границу планировалось направить 3750 тыс. тонн пшеницы. Постановлением СТО СССР от 17 августа 1931 г. задания по зерновому экспорту были распределены следующим образом: Украина – 1350 тыс. тонн, Северный Кавказ – 1100 тыс. тонн, Нижняя Волга – 830 тыс. тонн, Средняя Волга – 300 тыс. тонн.[30] В 1932 – 1933 гг. именно Украина, Северный Кавказ и Нижняя Волга станут зонами массового смертного голода. В 1930 г. им суждено было оказаться основными зонами сплошной коллективизации, поскольку именно там традиционно выращивались пшеница и рожь на экспорт.

На наш взгляд, именно необходимость обеспечения экспортных заданий придала хлебозаготовительной кампании 1931 года особый, принудительный характер. О связи зернового экспорта, хлебозаготовок и, впоследствии, голода свидетельствует следующая таблица.

Приведенные в таблице 2 цифры показывают, что в основных зерновых регионах РСФСР в ходе хлебозаготовительной кампании 1931 г. на экспорт ушла почти половина заготовленного зерна (47%).

1931 г. сыграл решающую роль в углублении кризиса сельского хозяйства в СССР, поскольку сталинское руководство, не считаясь с засухой в основных зерновых районах, ради получения средств для нужд индустриализации пошло на дачу регионам беспрецедентных в истории СССР планов хлебозаготовок. Первоначальный план составлял 1,612 млн пудов, на 305 млн больше, чем было заготовлено в СССР из урожая 1930 года, в 2,4 раза больше, чем заготавливалось до начала коллективизации.

Лето 1931 г. – дальнейшее ухудшение продовольственного обеспечения городов РСФСР, перебои с поступлением хлеба на Урале, в Западной Сибири. Осенью резко обостряется проблема снабжения мясом Москвы, Ленинграда, уральских промышленных центров.[31] В этих условиях сталинский режим берет курс на безоговорочное выполнение плана хлебозаготовок. Но поразившая зерновые районы РСФСР в 1931 г. засуха и настойчивые просьбы региональных руководителей с мест вынудили Центр пойти на снижение первоначально установленных планов. Однако и окончательные планы (см. табл. 3) оказались чрезвычайно напряженные, а фактическое выполнение хлебозаготовок превзошло уровень самого благоприятного в климатическом отношении в СССР за все годы Советской власти урожайного 1930 г., составив 1371,4 млн пудов. При этом только официальная норма изъятия урожая в счет хлебозаготовок в 1931 г. составила в среднем по СССР 30%, а с учетом уточненного урожая ЦУН-

Таблица 2.

План зернового экспорта и хлебозаготовки 1931/32 г., млн пудов

Регионы СССР	План экспорта зерна	Фактические заготовки зерна	Доля зерна на экспорт в хлебозаготовках, %
УССР (Украина)	84,4	415,4	20,0
Северо-Кавказский край	68,7	161,5	42,5
Нижне-Волжский край	51,9	73,0	71,0
Средне-Волжский край	18,7	68,1	27,0

Источник: ГА РФ. Ф. Р-5674. Оп. 3. Д. 18. Л. 304 – 307.

ХУ СССР (683,7 млн центнеров вместо официальных 779,9 млн) – 32%.[32] По регионам она была следующей: УССР – 41,3%, СКК – 34,2%, НВК – 41,0%, СВК – 38,6%, КАССР – 39,5%.[33]

Результатом хлебозаготовок 1931 г. стало еще большее углубление общего продовольственного кризиса в стране и усиление смертного голода в зерновых районах РСФСР и Казахской АССР. Обычно в литературе о смертном голоде в начале 1932 г. говорится применительно к Украине, где действительно он таковым и был. Но при этом некоторые украинские историки, обосновывая концепцию «геноцида – голодомора», утверждают, что в 1932 г. его не было в российских регионах. Он наступил там только в 1933 г. в результате хлебозаготовок и по своей интенсивности равнялся «украинскому голоду 1932 г.», который в свою очередь в 1933 г. в Украине стал «геноцидом – голодомором».[34] На наш взгляд, подобный подход не верен, поскольку опровергается архивными документами, которые фиксируют смертный голод в 1932 г. на территории РСФСР. Так, например, в сводке крестьянских жалоб «на перегибы в хлебозаготовках, поведших к изъятию семенного материала и продовольственного хлеба», составленной по материалам секретариата ПредЦИК Союза ССР и ВЦИК 2 февраля 1932 г., указывалось, что в Западной Сибири крестьяне «питаются всякими травами, от которых начинают болеть и помирать».[35]

В Северо-Кавказском крае наиболее сильный голод зафиксирован в 5 районах края: Лабинском, Миллеровском, Краснодарском, Тарасовском и Махотевском. В этих районах наблюдались факты смертей от голода, опуханий, употребления в пищу падали и суррогатов.[36]

В Нижне-Волжском крае голодало, пухло с голода, употребляло в пищу павших животных и разные суррогаты сельское население 20-ти районов, преимущественно северной части края. В них были зафиксированы факты голодных смертей. На территории Республики немцев Поволжья (АССРНП) в январе 1932 г. произошли волнения голодных колхозников на почве продовольственных затруднений. Голод поразил и другие регионы края.[37] Голодная смертность, опухание от голода, употребление в пищу суррогатов получили широкое распространение и на территории Средне-Волжского края.[38]

Тяжелейшая ситуация сложилась в Казахстане, где сельское население умирало от голода, и на его почве резко активизировались стихийные откочевки казахов в соседние регионы РСФСР и Китай. Причиной этого были последствия насильственной коллективизации, проведенной в КАССР в крайне сжатые сроки со всеми ее негативными проявлениями. К началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено от 70 до 100%.[39] Бездумная политика обобществления скота в животноводческих колхозах, оседания кочевого населения и завышенных планов скотозаготовок привела к разрушению животноводческой отрасли республики. К февралю 1932 г. 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота.[40] Не менее негативными

Таблица 3.

План и фактическое выполнение хлебозаготовок в СССР из урожая 1931 г., млн пудов

Регионы	Заготовки 1930 г.	Окончательный план 1931 г.	Фактические заготовки
СССР	1307,1	1482,0	1371,4
НВК	84,9	88,0	73,0
СВК	72,3	78,0	68,1
СКК	128,8	200,0	161,5
Урал	74,0	55,0	44,4
КАССР	40,7	55,0	40,4
ЦЧО	114,1	150,0	136,4
ТатАССР	16,4	34,0	32,7
БашАССР	35,6	30,0	27,7
УССР	436,7	430,0	415,4

Источники: АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84 – 85; РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 190, 200 – 201.

были последствия хлебозаготовок в зерновых районах Казахстана.

Документы фиксируют массовый голод также в сельских районах Татарии, Башкирии, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Серьезные продовольственные трудности ощущаются в ЦЧО, Северном крае, Нижегородском крае, а также, в той или иной мере, и других регионах.[41]

Весна 1932 г. – это время обострения продовольственных затруднений в городах РСФСР. Его показателем стали массовые забастовки в апреле на почве перебоев со снабжением хлеба на текстильных предприятиях Вичугского, Лежневского, Пучежского и Тейковского районов Ивановской Промышленной области.[42] Подобные факты недовольства рабочих продовольственным обеспечением наблюдались и в других местах.

Реакцией Центра на начавшийся голод в зерновых районах СССР, также как и в 1931 году, стали семенные и продовольственные ссуды. Российские регионы получили на проведение весенней посевной кампании 1932 г. 40,6 млн пудов. Это позволило засеять поля и вырастить урожай, превосходящий по своим размерам урожай 1931 г.[43] По официальным данным, на июль 1932 г. виды на урожай определялись на 300 – 380 млн пудов больше, чем собранный урожай в 1931 г. Причем для таких российских регионов, как Средняя Волга и ЦЧО, виды на урожай были «выше среднего».[44] Это был вполне нормальный урожай с точки зрения недопущения голода.

Но убрать выращенный урожай не удалось. Как минимум одна его треть осталась на полях из-за крайне некачественной уборки вследствие отсутствия тягла (за 1931 год поголовье лошадей в СССР сократилось на 10%, крупного рогатого скота – на 11,3%) и недобросовестной работы крестьян.

Важнейшим фактором понижения урожая стало крестьянское сопротивление хлебозаготовкам в форме массового воровства зерна с полей, во время уборки, его использования на авансирование и общественное питание. Подобное поведение было закономерным результатом двух предшествующих хлебозаготовительных кампаний, прошедших по принципу «продразверстки» и вызвавших в деревне голод. Кроме того, крестьянское сопротивление хлебозаготовкам стимулировалось сложившейся системой их планирования по принципу «уравниловки» и «встречных планов» для выполнивших их колхозов и районов. В условиях недостатка тягла и оттока в города значительной массы трудоспособного населения выполнение планов было нереальным. Поэтому реакция деревни на хлебозаготовительную политику власти была вполне объяснимой. Налицо был глубокий кризис сельского хозяйства СССР по вине сталинского руководства, развязавшего авантюрную сплошную коллективизацию. О его глубине можно судить по зафиксированным органами ОГПУ разговорам российских крестьян накануне уборочной кампании 1932 г. Зафиксированы их крайне пессимистичное настроение, ожидание катастрофы, страшного голода вследствие развала сельского хозяйства и грядущих хлебозаготовок: «нет скота, рабочих рук, мало засеяли», «зачем работать, если все равно отберут». Крестьяне сомневаются в самой возможности убрать урожай: «некому работать, остались одни калеки», «много пропало лошадей, и люди разбежались», «поло-

Таблица 4.

Планы хлебозаготовок в СССР из урожая 1932 г., млн пудов

Регионы	Заготовки 1931 г.	Первоначальный план 1932 г.	Окончательный план 1932 г.
НВК	73,0	79,0	80,0
СВК	68,1	74,0	72,0
СКК	161,5	140,0	112,4
Урал	44,4	49,0	62,5
КАССР	40,4	39,0	43,0
ЦЧО	136,4	118,0	127,0
ТатАССР	32,7	24,0	27,0
БашАССР	27,7	27,0	27,0
УССР	415,4	364,4	260,0

Источники: АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84 – 85, 149.

вина хлеба погибнет на полях», «урожай пропадет из-за отсутствия четкой работы в колхозах», «уборка пройдет плохо, так как все выкачали, голод, нет хлеба, люди голодные».[45] Колхозниками и единоличниками овладевает идея о необходимости любой ценой сохранить хлеб в деревне: «Нужно копать ямы и прятать хлеб».

Выходом из данной ситуации стали крайне жесткие, несопоставимые по масштабам и глубине с предшествующими годами, меры административно-репрессивного принуждения крестьян к выполнению планов хлебозаготовок и уборке урожая. Результатом их стала трагедия 1933 г.

Планы хлебозаготовок 1932 г., также как и в 1931 г., первоначально были нацелены на максимальное увеличение. В декабре 1931 г. их размер был определен в 1,800 млн пудов, на 429 млн больше, чем заготовлено из урожая этого года. Но в дальнейшем планы были сокращены и в региональном разрезе оказались следующими (см. таблицу 4).

Но и эти планы были неподъемными для находящегося в глубоком кризисе сельского хозяйства страны, не желавшего задаром работать на государство советского крестьянства. Тем не менее, сталинское руководство сделало все, что было в его силах, чтобы заставить крестьян выполнять план.

Обстоятельства хлебозаготовительной кампании 1932 г. достаточно подробно описаны в историографии.[46] Поэтому укажем лишь на ряд принципиальных моментов.

Существовал примерно однотипный механизм репрессий против крестьянства. Чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК по хлебозаготовкам были созданы почти одновременно не только в Украине, но и на Кубани, и в Поволжье.[47] «Черные доски» для не выполнивших план хлебозаготовок районов были введены не только в Украине, но и в Северо-Кавказском крае и Поволжье.[48] Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932–1933 годах не только на Украине, но и в российских регионах. Произвол местных властей в России в отношении сельских тружеников в этот период был не меньшим, чем на Украине, о чем можно судить хотя бы по письмам М.А. Шолохова И.В. Сталину о ситуации в Вешенском районе.[49]

В 1933 г. в РСФСР наступил один из самых сильных в истории России голод. В зерновых районах и КАССР он характеризовался всеми его ужасами. Например, в 1933 г. случаи людоедства и трупоедства имели место в таких селах Саратовской области как Новая Ивановка, Симоновка Калининского района, Ивлевка Аткарского района, Залетовка Петровского района, Огаревка, Бурасы Новобурасского района, Ново-Репное Ершовского района, Калмантай Вольского района, Шумейка Энгельского района, Семеновка Мокроусовского района, в селе Козловка Пензенской области, в таких селах Волгоградской области как Савинка Палласовского района, Костырево Камышинского района, Серино, Моисеево Котовского района, Мачеха Киквидзенского района, Етеревка Михайловского района, Отрог Фроловского района, в селе Кануевка Безенчукского района Самарской области.[50] Подобных примеров можно привести немало и по другим регионам, прежде всего по Северо-Кавказскому краю и Казахской АССР.[51]

Украинские исследователи провели очень большую и заслуживающую высокой оценки работу по сбору и публикации воспоминаний свидетелей голода 1932 – 1933 гг. в Украине.[52] Но эту ценнейшую и имеющую большое нравственное значение информацию они используют как важнейший аргумент в пользу концепции «голодомора – геноцида украинского народа». Более того, воспоминания очевидцев предполагается приобщить к общему массиву документов для «суда над организаторами голодомора», который планируется в Украине,[53] а также направить их в зарубежные организации.

В этой связи представляется целесообразным привести в настоящей статье отрывки из воспоминаний российских крестьян о голоде 1932 – 1933 гг. в Поволжье, записанных автором в ходе его работы над кандидатской диссертацией «Голод 1932 – 1933 гг. в деревне Поволжья».[54]

Вот лишь некоторые из воспоминаний на эту тему жителей Саратовской области:

К.В. Филиппова:

«Ракушки из Хопра съели, лес ободрали, гнилую картошку съели, мышей, кошек, собак. Дохлую конину, облитую карболкой, отмачивали и ели. Люди падали, как инкубаторские цыплаки. Мы однажды с отцом купили холодец, а он оказался из человечьего мяса. Моя бабушка год пролежала без движения. А когда зернеца принесли маленький ломтик, она его прижала к губам и отвернулась. Повернули голову-то, а бабушка мертвая. Только на щеке слезу видно было. Дождалась, значит, хлебушка».

А.А. Краснова:

«У поварихи умерли дети и муж, а она не плакала, только через два года пошла на кладбище и заплакала… Все завалено мертвыми было, сил нет могилы рыть. К сельсовету привезут и бросят…».

В.Н. Крутяков:

«В 1933 г. служил в Красной Армии. Прислала письмо мать сыну. Писала: «Как вы служите? Хоть досыта хлеба ешьте. А вот у нас…». Командир узнал, доложил политруку. Шилова посадили за распространение клеветы. Послали запрос в Ивановский сельсовет. Подтвердилось. Его выпустили, но предупредили, чтобы помалкивал об этом. Рассказывали… среди двора двойня лежала. Один на груди у матери, другой за платье держится».

П.Н. Кузнецова:

«Мертвые валялись на улице. Хоронить некому. Была общая могила. Туда мы ходим молиться…».

А.В. Пугачева:

«Мы работали в поле и ночевали там, а некоторые ездили домой. Они приедут, а мы спрашиваем: сколько там, в деревне, гробов – пять, десять?».

И.А. Горохов:

«Деревня была не описать, заброшена. Ни ауканья, ни петух не кричит… Заросшая бурьяном. Люди на ходу умирали. В соседях смотрим, их нет. Пришли, они лежат…».

И.Н. Юдина:

«Люди самих себя ели… Мальчишка, полтора года, пальцы свои съел. Умер».

А.А. Алексеевская:

«Два гроба было в сельсовете, катали их как скот. С метр могилы. Кресты ставили, а люди их растаскивали, топиться нечем…».[55]

Думается, что приведенные отрывки из воспоминаний саратовских крестьян, подкрепленные многочисленными архивными документами, убедительное доказывают несостоятельность предложенной рядом украинских исследователей концепции о «голодоморе» в Украине и просто «голоде» в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их с опубликованными воспоминаниями украинских крестьян.

Как уже отмечалось, в начале 1930-х гг. серьезные продовольственные трудности и голод переживало и городское население РСФСР. В 1933 г. ситуация в российских городах, как и в сельской местности, еще больше ухудшилась. В ряде городов наблюдались случаи голодных обмороков на производстве, смертей иждивенцев и многочисленных стихийных мигрантов (особенно казахов в СВК и Западной Сибири).[56]

Реакция сталинского режима на голодную трагедию была явно запоздалой, недостаточно эффективной, а на начальной стадии трагедии – просто преступной, с современной точки зрения. Прежде всего, Центр попытался установить жесткий контроль над стихийной миграцией сельского населения с помощью блокады эпицентров голода, и не только Украины и Кубани, как принято считать в историографии, но и других российских регионов. Речь идет о печально известной директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г., установившей блокаду УССР и Северо-Кавказского края.[57] Согласно ей местные органы власти должны были с помощью специальных кордонов остановить массовый выезд крестьян «за хлебом» в другие районы страны. Украинские историки и некоторые политики постоянно акцентируют внимание на этой директиве, утверждая, что именно блокада Украины доказывает факт «геноцида голодомором».[58] Но 16 февраля 1933 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) действие этой директивы было распространено и на Нижне-Волжский край (в настоящее время это территория Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, Республики Калмыкия). Оно гласило:

> *«Обязать ОГПУ распространить на Нижнюю Волгу постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г. о самовольном выезде крестьян из пределов своей области, задержке их и принудительном возврате на старые места жительства».*[59]

Документы свидетельствуют, что решение Центра о блокаде эпицентров голода в стране выполнялась не только на территории Украины, но и в России, где на равных основаниях органы ОГПУ и местные активисты вылавливали и возвращали на свои места украинских и русских крестьян. Об этом можно судить хотя бы по «Директивному распоряжению начальника Орловского оперсектора ОГПУ ЦЧО» от 1 апреля 1933 г. В нем указывалось:

> *«За последнее время усилились выезды крестьян из Украины, СКК, НВК. …выявленные беглецы подлежат немедленному задержанию и водворению обратно на родину…, вагоны с бежавшими с Украины, СКК, НВК направляйте с конвоем на ст. Орел, линпост ТО ОГПУ, откуда …по месту назначения».*[60]

На наш взгляд, концепция «геноцида голодомором» выглядит неубедительно и с точки зре-

...Сила голода в его эпицентрах – и в Поволжье, и на Украине – в 1933 г. была примерно одинаковой. Разными были лишь количественные показатели, связанные с плотностью сельского населения...

ния поведения сталинского режима в 1933 г. Несмотря на преступную политику замалчивания голода и отказа от международной помощи голодающим в СССР,[61] он предпринял серьезные меры по ослаблению голода. Прежде всего, в эпицентры голода, хотя и с опозданием и в явно недостаточном количестве были направлены зерновые ссуды. По нашим подсчетам, основанным на анализе источников, опубликованных в третьем томе сборника документов «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», в 1933 г. российские регионы получили, в общей сложности, в виде ссуд 990 тыс. тонн зерна, т.е. в 1,5 раза больше, чем в 1932 году (650 тыс. тонн), Украина (УССР), соответственно – 501 тыс. тонн зерна, или в 7,5 раз больше (65,6 тыс. тонн). Для выхода из голодного кризиса, наряду с выделением зерновых ссуд, в первой половине 1933 г. сталинским руководством были приняты меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов с помощью политотделов МТС, развитию огородничества и личных подсобных хозяйств колхозников и городских жителей. Кроме того, в 1933 г. изменилась система планирования хлебозаготовок: сверху устанавливались фиксированные нормы сдачи зерна. Эти действия были нацелены, прежде всего, на сохранение колхозно-совхозного строя. Они позволили провести основные сельскохозяйственные работы, собрать урожай и ослабить голод. Но полностью ликвидировать его так и не удалось. В начале 1934 г. голод снова поразил левобережные районы Поволжья и Южный Урал, пережившие сильную засуху 1933 г.[62]

Каковы были жертвы голода 1932 – 1933 гг. в РСФСР? Комплекс выявленных нами источников позволяет заключить, что они оказались сосредоточены, прежде всего, в районах товарного зернового производства, где в наибольшей

Таблица 5.

Зарегистрированная ЗАГСами смертность сельского населения Нижне-Волжского края в 1932 – 1933 гг. в сравнении с данными ЗАГС по УССР

	УССР			Нижне-Волжский край		
	1932 г.	1933 г.	в 1933 г. в % к 1932 г.	1932 г.	1933 г.	в 1933 г. в % к 1932 г.
Январь	31691	43901	138	3408	5390	158
Февраль	35404	60632	171	3416	6892	202
Март	43100	135767	315	3616	12750	352
Апрель	46617	174202	373	3483	18955	544
Май	50401	253155	502	3502	30170	861
Июнь	55293	361195	653	4070	31635	777
Июль	52818	278789	528	5289	28753	544
Август	47939	103319	215	4768	15555	326
Сентябрь	43265	65649	152	4766	9059	190
Октябрь	47083	42820	91	4201	6832	163
Ноябрь	38716	28167	73	3659	4738	129
Декабрь	34801	34421	99	3771	4875	129
В среднем за год	527134	1582017	300	47949	175604	366

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 19, 56, 136; Станіслав Кульчицький. Демографічні наслідки голодомору 1933 р. в Україні. Геннадій Ефіменко. Всесоюзний перепис 1937 р. в Україні: документи та матеріали. Київ, 2003. С. 46.

Таблица 6.

Убыль сельского населения в бывших районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев между переписями 1926 г. и 1937 г., чел.

Бывшие районы Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев			
	Сельское население по переписи 1926 г.	Сельское население по переписи 1937 г.	1937 г. в % к 1926 г.
Куйбышевская область	3704388	2950886	79,7
Мордовская АССР	1212565	1102955	91,0
Оренбургская область	1280852	1196649	93,4
Саратовская область	2032247	1209330	59,5
Немцев Поволжья АССР	495875	366802	74,0
Сталинградская область	1685255	1375596	81,6
Всего по НВК и СВК	10411182	8202218	79,8

Источник: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 48 – 59.

степени сказались последствия коллективизации и хлебозаготовок. В них интенсивность голода была такой же, как и в УССР. Это подтверждается анализом официальной статистики зарегистрированной смертности в 1933 г. в российских регионах. Вышесказанное опровергает позицию ряда украинских ученых, утверждающих, что факт «геноцида голодомором» в Украине доказывается меньшей смертностью от голода в сопоставимых по территории районах РСФСР, в частности, в Поволжье.[63]

Сравним помесячные данные о смертности в сельских районах УССР и Нижне-Волжского края, зарегистрированные органами ЗАГС в 1933 г. (см. таблицу 5).

Из таблицы хорошо видно, что и в НВК, и в УССР пик голода пришелся на весну и начало лето 1933 г., когда смертность в сельских районах достигла максимума. В среднем за 1933 г. уровень зарегистрированной смертности вырос на Нижней Волге, по сравнению с 1932 г., в 3,6 раза, а в УССР, соответственно, в 3 раза. На этом основании можно утверждать, что сила голода в его эпицентрах – и в Поволжье, и на Украине – в 1933 г. была примерно одинаковой. Разными были лишь количественные показатели,

Таблица 7.

Убыль сельского населения в УССР между переписями 1926 г. и 1937 г., чел.

УССР			
	Сельское население по переписи 1926 г.	Сельское население по переписи 1937 г.	1937 г. в % к 1926 г.
Винницкая область	3829831	3456669	90,3
Киевская область	4748237	3786939	79,8
Черниговская область	2444022	2194462	89,8
Харьковская область	4747282	3469456	73,1
Донецкая область	2032386	1392845	68,5
Днепропетровская область	2916426	2152859	73,8
Одесская область	2455291	1899485	77,4
Молдавская АССР	489638	473127	96,6
Всего по УССР	23663113	18825842	79,6

Источник: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 48 – 59.

Таблица 8.

Смертность населения в сельских районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в 1932 – 1933 гг. по национальным группам, зарегистрированная органами ЗАГС

Зарегистрированное число смертей				
Национальные группы	**в 1932 г.**	**в 1933 г.**	**Рост смертности в 1933 г. в %%**	**в 1933 г. в % к 1932 г.**
Русские	116478	241562	207	207
Украинцы	8520	17080	200	200
Немцы	16754	38661	231	231
Мордва	21554	33214	154	154
Татары	5228	10062	192	192
Чуваши	4360	8037	184	184
Казахи	2524	1496	59,3	59,3

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 21. Л. 58, 59, 60об., 61, 62 – 62об., 63, 64 – 64об.; ГА РФ. Коллекция документов.

связанные с плотностью сельского населения УССР, НВК и СВК. В частности, сельское население Украины в 2,3 раза превосходило сельское население Поволжья. Однако демографические процессы развивались примерно по одному и тому же сценарию.

Данный вывод подтверждается и сравнительным анализом материалов всесоюзных переписей 1926 г. и 1937 г., зафиксировавших факт примерно одинаковой в процентном отношении к общей массе населения убыли сельского населения в УССР и Поволжье, соответственно, 79,6% и 79,8% (см. таблицы 6 и 7).

Данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. показывают, что как минимум четыре региона РСФСР – Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область – пострадали не меньше Украины. Сравнительный анализ материалов переписей фиксирует следующие темпы сокращения сельского населения в районах СССР, пораженных голодом в начале 1930-х гг.: в Казахстане – на 30,9%, в Поволжье – на 23%, на Украине – на 20,5%, на Северном Кавказе – на 20,4%.[64]

Известная специалистам текущая демографическая статистика (данные сельскохозяйственного учета и ЗАГСов) также свидетельствует о сопоставимой убыли сельского населения в Украине и основных зерновых регионах РСФСР во время пика голода в 1933 г. Так, например, за период с 1 января 1933 г. по 1 января 1935 г. численность сельского населения в областях УССР сократилась: в Харьковской области на 29%, Киевской – на 28%, Черниговской – на 21%, Винницкой – на 18,5%, Молдавской АССР (входила на правах автономии в УССР) – на 18%, Одесской – на 17%, Днепропетровской – на 16,5%, Донецкой – на 10,4%. За тот же период в основных зерновых регионах РСФСР она сократилась, соответственно, в Саратовском крае – на 32%, Оренбургской области – на 30%, Свердловской – на 22,4%, Азово-Черноморском крае – на 22%, Сталинградском – на 18%, Куйбышевском крае – на 15%, Курской области – на 13%, Воронежской области – на 11%, Северо-Кавказском крае – на 10%.[65]

Сопоставимыми являются и количественные показатели демографических потерь в пик голода, в 1933 г., в зерновых районах РСФСР и Украины. Так, например, по данным ЦУНХУ СССР, в период с 1 января 1933 г. по 1 января 1935 г. общая убыль сельского населения составила в РСФСР 7631 тыс. человек (76,6 млн чел. в 1933 г., 68,7 млн чел. в 1935 г.). Но из них 5554,8 тыс. человек (73%) пришлось на основные зерновые районы без Казахстана (Северный Кавказ, Поволжье, ЦЧО, Урал).[66] В Украине в тот же период общая убыль сельского населения составила примерно столько же, что и в вышеназванных зерновых районах России, – 5395 тыс. человек. Из них украинские исследователи не менее 3 млн человек относят к прямым жертвам голода.[67] Учитывая, что с 1933 г. в РСФСР действовали жесткие методы по борьбе со стихийной миграцией, особенно в Нижне-Волжском крае, российские исследователи из цифры общей убыли сельского населения в 7631 тыс. человек могут выделить непосредственные жертвы голода, и они будут такими же значительными, как и в Украине. Поэтому необходима дальнейшая работа в этом направлении.

Следует напомнить, что в сельской местности Украины численность населения на 1 января 1933 г.

Таблица 9.

Рождаемость населения в сельских районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в 1932 – 1933 гг. по национальным группам, зарегистрированная органами ЗАГС

Зарегистрированное число рождений			
Национальные группы	**в 1932 г.**	**в 1933 г.**	**Уровень рождаемости в 1933 г. в % к 1932 г.**
Русские	239859	179087	74,7
Украинцы	14189	10254	72,3
Немцы	15797	11230	71,1
Мордва	44406	33240	75
Татары	13939	12273	88
Чуваши	9537	6641	70
Казахи	2372	1462	62
Другие	10959	12139	111

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 21. Л. 58, 59, 60об., 61, 62 – 62об., 63, 64 – 64об.; ГА РФ. Коллекция документов.

по данным ЦУНХУ СССР равнялась 24,7 млн человек, а в зерновых регионах РСФСР, на которые пришлась львиная доля убыли сельского населения, соответственно, 33,2 млн человек. Как видим, и эти цифры вполне сопоставимы.

Проблема окончательных расчетов наиболее вероятных жертв великого голода в России остается открытой и должна решаться на основе глубокого и всестороннего анализа всего комплекса источников, доступных исследователям.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать вывод концептуального значения: число жертв голода 1932 – 1933 гг. в конкретных регионах СССР, в том числе в России и Украине, оказалось прямо пропорционально объемам изъятого там зерна в счет хлебозаготовок и экспорта. Это ударило по основным житницам СССР, в которых и наступил массовый смертный голод со всеми его ужасами. Больше всего умирали и страдали от голода в тех регионах России и Украины, где выращивался товарный хлеб. На общем фоне выделяется ситуация в Казахской АССР. Но и там в зерновых районах действовало это правило, хотя главная трагедия произошла в скотоводческих районах из-за преступной политики коллективизации, разрушившей традиционный уклад жизни казахов-скотоводов.

На данный момент, по мнению авторитетного российского демографа В.Б. Жиромской, от голода в начале 1930-х гг. за пределами Украины, на территории РСФСР (без учета Казахстана) погибло не менее 2,5 млн человек,[68] а вместе с Казахстаном – порядка 4-5 млн человек. При этом не учитываются потери населения РСФСР от голодного 1934 г.[69]

Проблема окончательных расчетов наиболее вероятных жертв великого голода в России остается открытой и должна решаться на основе глубокого и всестороннего анализа всего комплекса источников, доступных исследователям.

В РСФСР в 1933 г., в период кульминации трагедии, голод в равной степени коснулся всех проживавших в его эпицентрах народов. Мы не согласны с утверждениями некоторых украинских историков и публицистов о том, что за пределами УССР самый сильный голод был, прежде всего, в украинских селениях, что, по их мнению, является еще одним доказательством факта «геноцида украинского народа».[70] Нами был проведен сравнительный анализ динамики смертности и рождаемости в 1933 г. внутри различных этнических групп в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях (русских, немцев (жители Республики немцев Поволжья – АССРНП), украинцев, мордвы, татар и др.). О его результатах дают представление таблицы 5 и 6.

Представленные в таблицах цифры показывают, что в наибольшей степени голодом оказались поражены селения немецких, русских и украинских крестьян, расположенных в районах зернового производства. Менее пострадали другие народы, проживавшие не в зерновых районах. Так, например, в 1933 г. зарегистрированная смертность в не-

мецких селах, по сравнению с 1932 г., выросла в 2,3 раза, в русских – в 2,1 раза, в украинских – в 2 раза, а рождаемость, соответственно, упала: в немецких – в 1,4 раза, в русских – в 1,3 раза, в украинских – в 1,4 раза. В общей массе умерших доля русских крестьян составляла около 70%, немецких – 11%, украинских – 5%. Но данный показатель не говорил о какой-то исключительности русских на фоне общей трагедии. Просто их было больше, чем других в силу сложившейся в регионе демографической ситуации. Этот вывод подтверждается и материалами ЦЧО, изученными К.С. Дроздовым, где в эпицентре голода в 1933 г. оказались пшеничные районы с преобладающим украинским населением.[71] Неодинаковая интенсивность голода у крестьян разных национальностей объяснялась не этническим фактором, а экономическими и географическими.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что голод в РСФСР в начале 1930-х гг., кульминацией которого стал 1933 г., был не меньшей трагедией для проживавших там народов, чем в Украине. Это была общая трагедия народов бывшего СССР, и общая память о ней должна не разъединять, а объединять их. ■

---

[1] 28 ноября 2006 г. Верховная Рада Украины приняла президентский закон о «Голодоморе», который признал «Голодомор 1932-33 гг.» актом геноцида украинского народа. – **Прим. авт.**

[2] **Кульчицкий С.В.** Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор. Киев: Украинская пресс-группа, 2007. 207 с.

[3] Официальное послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Президенту Украины В.А. Ющенко от 14 ноября 2008 г. URL: http://archive.kremlin.ru/text/greets/2008/11/209176.shtml (дата обращения: 16.12.2009).

[4] Голод в СССР, 1930 – 1934. М.: Федеральное архивное агентство. При содействии фонда «Историческая память», 2009; «…Наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка». Из дневника литературного критика К.Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г. / Подг. к публ. З.К. Водопьянова, **В.В. Кондрашин.** // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 87 – 95; «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932 – 1933 гг. в СССР. / Подг. к публ. В.В. Кондрашин, Е.А. Тюрина. // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94 – 127; Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1927 – 1939. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001.

[5] **Кондрашин В.В.** Голод 1932 – 1933 гг.: трагедия российской деревни… С. 474 – 486.

[6] См. напр.: **Зеленин И.Е.** Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 313 с.

[7] Там же. С. 20 – 35.

[8] См. подробнее: **Поляков В.А.** Голод 1924 – 1925 гг. в Поволжье. Волгоград, 2009.

[9] См. подробнее: Трагедия советской деревни... Т. 1.

[10] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925 – 1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 156.

[11] Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 117.

[12] Там же. Ф. 7446. Оп. 18. Д. 109.

[13] Там же. Д. 101.

[14] Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее: ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 778. Л. 394 – 398.

[15] Там же. Д. 824. Л. 69 – 71.

[16] Там же. Л. 436 – 454.

[17] Там же. Д. 852. Л. 296 – 302.

[18] Там же. Д. 787. Л. 978 – 989.

[19] РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 18. Д. 109.

[20] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 546. Л. 302 – 303.

[21] Там же. Оп. 8. Д. 744. Л. 103 – 105.

[22] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 747. Л. 843 – 843 об.

[23] Государственный архив Ивановской области (далее: ГАИО). Ф. Р-1276. Оп. 3. Д. 7. Л. 52.

[24] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 161, 163 – 164.

[25] РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 18. Д. 103. Л. 85.

[26] Там же. Ф. 1562. Оп. 20, Д. 26. Л. 18.

[27] Там же. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 28а. Л. 10.

[28] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 24, 26 – 27.

[29] РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12. Л. 123.

[30] Там же. Д. 20. Л. 92 – 95.

[31] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 31. Л. 225.

[32] АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 89 – 102.

[33] Там же. Л. 107 – 108.

[34] **Кульчицкий С.В.** Указ. соч. С. 125; Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители. // Родина. 2007. № 8. С. 82 – 89; № 9. С. 80 – 86.

[35] РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 71. Л. 1 – 22.

[36] Трагедия советской деревни… Т. 3. С. 330.

[37] Там же. С. 328; Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 16 – 19, 27 – 32, 37 – 38, 43.

[38] Трагедия советской деревни… Т. 3. С. 327.

[39] **Жалнин Н.** Очередные задачи колхозного движения в Казахстане. // Народное хозяйство Казахстана. 1931. № 8 – 9. С. 92.

[40] **Звонарев А.Г.** О коллективизации аула. // Большевик Казахстана. 1931. № 5. С. 72.

[41] Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 322, 326, 340, 341, 342 – 347, РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 52. Л. 235 – 236; Д. 58. Л. 53 – 56; Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 9. Оп. 36. Д. 338. Л. 63об. – 64.

[42] ГАИО. Ф. Р-327. Оп. 4. Д. 514. Л. 18 – 27.

[43] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 11.

[44] Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Федер. арх. служба России, РГАСПИ; сост.: О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева. М.: РОССПЭН, 2001. С. 217.

[45] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 258. Л. 447 – 448; Д. 338. Л. 63 об. – 64; Д. 391. Л. 7 – 9; Д. 411. Л. 67; Д. 426. Л. 54 – 57; Л. 167– 170.

[46] См. напр.: Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 483 – 634; **Кондрашин В.В.** Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни... С. 94 – 171.

[47] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 880. Л. 7 – 9.

[48] Трагедия советской деревни… Т. 3. С. 598 – 601.

[49] Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 148 – 150.

[50] Там же. С. 174; Трагедия советской деревни… Т. 3. С. 677; Государственный архив социально-политической истории Самарской области. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 8. Л. 5; Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-5883. Оп. 3. Д. 16. Л. 117; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2005. С. 205.

[51] Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 664 – 665; Голод в СССР, 1930 – 1934. М.: Федеральное архивное агентство, 2009. С. 267 – 269, 422.

[52] См. напр.: 33-й: голод. Народна Книга – Меморіал / Упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Маняк. Київ: Рад. письменник, 1991. 584 с.

[53] Украинский суд общей юрисдикции может провести судебный процесс над организаторами Голодомора 1932-33 годов в Украине после того, как Генпрокуратура расследует соответствующее уголовное дело. Такое мнение высказал исполнитель обязанностей главы Службы безопасности Валентин Наливайченко. // Украина. 3 дек. 2008 г. URL: http://rus.newsru.ua/ukraine/03dec2008/sudnadgolodom.html (дата обращения: 17.12.2009).

[54] **Кондрашин В.В.** Голод 1932 – 1933 гг. в деревне Поволжья // Автореф. дисс.канд. ист. наук. М., 1992.

[55] **Кондрашин В.В.** Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни… С. 488 – 514; Известия. 2008. 22 окт.

[56] Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 87 – 94.

[57] Трагедия советской деревни… Т. 3. С. 634 – 635.

[58] **Кульчицкий С.В.** Указ. соч. С. 100.

[59] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. С. 644.

[60] Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[61] Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 249 – 265.

[62] Там же. С. 299; ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 747. Л. 337 – 338.

[63] **Кульчицкий С.В.** Указ. соч. С. 85 – 87.

[64] **Зеленин И.Е.** Сталинская «революция сверху» после «великого перелома»… С. 120.

[65] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 3 – 4.

[66] Там же. Л. 161 – 162.

[67] **Кульчицкий С.В.** Указ. соч. С. 86, 158 – 162.

[68] Российская газета. № 4240. 2006. 6 дек.

[69] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 1. Д. 747. Л. 337 – 338.

[70] **Кульчицкий С.В.** Указ. соч. С. 85 – 87.

[71] Об этом К.С. Дроздов (научный сотрудник ГАРФ, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова) заявлял в своих выступлениях на международных конференциях в Москве и Харькове в ноябре 2008 г. – **Прим. авт.**

Владимир Никольский

Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР в 1937 – 1938 гг.

Основу предлагаемой публикации составляют документы фонда 42 «Оперативно-статистическая отчетность» Государственного отраслевого архива Службы безопасности Украины (далее: ГОА СБ Украины) и материалы Архивов временного хранения документов Управлений Службы безопасности Украины в Донецкой и Луганской областях.

Прежде чем приступить к изложению результатов нашего исследования по указанной теме, считаю необходимым дать краткую характеристику состояния документов, которые использовались в работе. Нужно отметить, что определенную трудность при подсчете количественных данных представляли имеющиеся в документах различия. Так, сводные данные в отчетах не всегда совпадают с результатами подсчетов по протоколам заседаний областных троек УНКВД. В последних часто встречаются механические опечатки, ошибки в нумерации, пропуски, выявленные нами при ручном подсчете. Нередки погрешности при итоговом суммировании данных в ряде протоколов, что проявляется в разного рода исправлениях, добавлениях, подклейках и т.п. В целом же, только тщательная перепроверка данных из различных документальных источников, являющаяся по сути дела самостоятельным исследованием, позволяет нам с уверенностью утверждать, что анализируемые показатели в конечном итоге достоверны как первичные источники.

Одной из наиболее продолжительных и многоплановых составляющих кардинальной политической чистки страны была так называемая «кулацкая операция», регламентированная оперативным приказом НКВД СССР № 00447

В 1937 – 1938 гг. в Советском Союзе была проведена невиданная по масштабам карательная операция органов госбезопасности, получившая название «большая чистка». Толчком к ее развертыванию были итоговые документы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), получившие развитие в решении Политбюро от 2 июля 1937 г. (протокол № П51/94) и последующие документы высших партийных органов. Технология проведения «массовой операции» (по терминологии чекистов) конкретизировалась приказами, меморандумами, шифротелеграммами и другими документами Народного комиссариата внутренних дел СССР.

Одной из наиболее продолжительных и многоплановых составляющих кардинальной политической чистки страны была так называемая «кулацкая операция», регламентированная оперативным приказом НКВД СССР № 00447.[1]

Целью нашего исследования является выяснение механизма массовой подтасовки данных по социально-классовому составу арестованных и осужденных в Украине в 1937 – 1938 гг. «бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовных преступников».[2]

Реализация приказа НКВД СССР № 00447 в предельно сжатые сроки, спешная подготовка информации о предполагаемых контингентах репрессированных (на это давалось пять дней) определили дальнейший ход всей «массовой операции».[3]

В НКВД УССР были разработаны два документа – «Оперативные планы изъятия кулаков и уголовников...» по 1-й и 2-й категориям, представляющие собой первоначальную, достаточно детальную проработку действий по подготовке и проведению «операции».[4] Согласно первому, «подлежали аресту по 1-й категории (расстрел. – **Прим. авт.**) кулаков – 3749 и уголовников – 1232».[5] По другому документу под названием «Оперативный план изъятия кулаков и уголовников по 2-й категории» (заключение в лагеря на срок от 8 до 10 лет) предполагалось по Украине арестовать 18953 человек 10364 кулаков и 8589 уголовников.[6]

Мы обобщили данные указанных выше планов по областям республики в сводной таблице (см. табл. 1).

Таблица 1.
Суммарные данные по количеству кулаков и уголовников, подлежавших репрессиям по Украине[7]

Области	Количество подлежавших изъятию по 1-й категории	Количество подлежавших изъятию по 2-й категории	Всего по «Оперативным планам…»
Харьковская	1983	4080	6063
Киевская	1095	5527	6622
Днепропетровская	234	1971	2205
Винницкая	550	2999	3549
Одесская	400	1400	1800
Черниговская	244	1379	1623
Донецкая	466	1355	1821
МА ССР	11	248	259
По Украине	4983	18959	23942

Судя по характеру документа, это были предварительные наметки, цифры, собранные за пять дней, установленных решением политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. и шифротелеграммой наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова.[8] Данные таблицы показывают, что общее количество подлежавших репрессированию составляло 23942 чел., при этом к расстрелу было намечено 20,8 %. Расстрельный показатель был различным по областям: Харьковская – 19,8 %, Киевская – 16,5 %, Днепропетровская – 10,6 %, Винницкая – 15,5 %, Одесская – 22,2 %, Черниговская – 15,0 %, Донецкая – 25,6 %, Молдавская автономная республика (МА ССР) – 4,2 %. То есть, наибольшие «расстрельные проценты» намечались по Донецкой и Одесской областям.

Если исходить из предположения, что эти данные базируются на соответствующих реальных учетах областных управлений НКВД, как того требовали постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. и шифротелеграмма Н.И. Ежова, то можно считать эти показатели исходными и контрольными для дальнейших действий по реализации приказа № 00447.

Таблица 2.
Суммарные данные по количеству кулаков и уголовников, подлежавших репрессиям по Украине по приказу НКВД СССР № 00447[9]

Области	Количество подлежавших репрессии по 1-й категории	Количество по приказу № 00447 по 2-й категории	Всего по приказу № 00447
Харьковская	1500	4000	5500
Киевская	2000	3500	5500
Днепропетровская	1000	2000	3000
Винницкая	1000	3000	4000
Одесская	1000	3500	4500
Черниговская	300	1300	1600
Донецкая	1000	3000	4000
МА ССР	200	500	700
По Украине	8000	20800	28800

Таблица 3.
Суммарные данные по количеству кулаков и уголовников, подлежавших репрессиям по Украине[10]

Области	Количество по «Оперативным планам…» по 1-й категории	Количество по приказу № 00447 по 1-й категории	Количество по «Оперативным планам…» по 2-й категории	Количество по приказу № 00447 по 2-й категории	Всего по «Оперативным планам…»	Всего по приказу № 00447
Харьковская	1983	1500	4080	4000	6063	5500
Киевская	1095	2000	5527	3500	6622	5500
Днепропетровская	234	1000	1971	2000	2205	3000
Винницкая	550	1000	2999	3000	3549	4000
Одесская	400	1000	1400	3500	1800	4500
Черниговская	244	300	1379	1300	1623	1600
Донецкая	466	1000	1355	3000	1821	4000
МА ССР	11	200	248	500	259	700
По Украине	4983	8000	18959	20800	23942	28800

Таблица 4.
Социальный состав арестованных НКВД УССР за 1937 г. и внесенные исправления

№№ п/п	Социальный состав арестованных	До исправления	После исправления
1	Бывшие кулаки	62844	64634
2	«Бывшие люди»	9742	49387
3	Деклассированные	10823	14055
4	Служители религиозных культов	3818	4644
5	Кустари	2199	1602
6	Домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	3720	3125
7	Служащие	28762	10678
8	Единоличники	6632	3256
9	Колхозники	17505	3562
10	Рабочие	7744	2519
11	Красноармейцы	766	850
12	Командный состав РККА	852	1023
14	Работники НКВД	239	237
15	Без определенных занятий	2807	
Всего		**158453**	**159572**

В приказе НКВД СССР № 00447 указаны такие «ориентировочные данные» предполагаемых репрессий (см. табл. 2).

Если сравнить приведенные выше таблицы, то можно сопоставить данные (см. табл. 3), подготовленные в Киеве, с директивными, «спущенными из Москвы».

То есть, в НКВД СССР скорректировали полученные данные следующим образом: по Киевской области предполагавшееся общее количество репрессированных уменьшено на 1122 чел., по Харьковской – на 563 чел., по Черниговской – на 23 чел. Одновременно, увеличено количество «лимитов» по Одесской области – на 2700 чел. (в 2,5 раза), по Донецкой. – на 2179 чел. (в 2,2 раза), по МА ССР – на 441 чел., (в 2,7 раза), по Днепропетровской – на 795 чел. (в 1,4 раза), по Винницкой. – на 13 %. Общее же количество лиц, подлежавших аресту и осуждению решениями троек по Украине в целом было увеличено на 4858 чел. (в 1,2 раза). Причины таких изменений не известны, но если предположить, что в центральном аппарате НКВД УССР усомнились в состоянии учетов в областных управлениях, можно заранее высказать сомнение в достоверности итоговых данных по «массовой операции».

Сегодня нельзя провести сопоставления планировавшихся лимитов по областям, так как в 1937 г. в Украине была проведена частичная реформа административно-территориального деления. – созданы Житомирская, Камянец-Подольская, Полтавская, Николаевская области. Кроме того, свой «вклад» в «кулацкую операцию» внесли отделы центрального аппарата НКВД.

Изменения в реальное количество арестованных и осужденных тройками по Украине были внесены в результате разрешений, получавшихся в ответ на обращения областных управлений НКВД. Этот вопрос нами не рассматривается, поскольку может быть предметом большого специального исследования.

Сравнение общих показателей по итогам выполнения приказа НКВД СССР № 00447 в данный момент возможно, с определенными оговорками,

Таблица 5.
Данные о социальном составе арестованных органами НКВД УССР, изменения дополнения, внесенные в центральном аппарате

№№ п/п	Категории социального состава	Суммарные данные по отчетам УНКВД	До исправления	После исправления
1	Бывшие кулаки	66401	62844	64634
2	«Бывшие люди»	58502	9742	49387
3	Деклассированные	14504	10823	14055
4	Служители религиозных культов	4744	3818	4644
5	Кустари	1389	2199	1602
6	Домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	3035	3720	3125
7	Служащие	4300	28762	10678
8	Единоличники	2473	6632	3256
9	Колхозники	1266	17505	3562
10	Рабочие	777	7744	2519
11	Красноармейцы	864	766	850
12	Командный состав РККА	1083	852	1023
13	Сотрудники НКВД	236	239	237
14	Без определенных занятий	–	2807	–
Всего		**159574**	**158453**	**159572**

только в целом по Украине. По нашим подсчетам, в ходе «большой чистки» за период с августа 1937 г. по июль 1938 г. (известны отчетные данные) по УССР только по четырем социальным группам, которые проходили по приказу № 00447, было арестовано кулаков (по разным данным – см. ниже) 62634, 64634 или 66401 чел., «бывших людей». – 9742, 49387 или 58502 чел., деклассированных. – 10823, 14055 или 14504 чел., служителей религиозных культов – 3818, 4644 или 4744 чел.[11] То есть, количество репрессированных по этим категориям колеблется от 87227 чел. до 144415 чел. Эти данные включают количество арестованных по всем операциям и направлениям «большой чистки» 1937 – 1938 гг.

Мы можем точно установить ту часть репрессированных в 1937 – 1938 гг., которая приходится на «кулацкую операцию» по Донецкой области. Из 38310 человек 16812, то есть около 44 %, «проходили» по протоколам тройки УНКВД. Следовательно, по Украине количество репрессированных в ходе «кулацкой операции» можно установить в пределах 70000 человек. Таким образом, планировавшиеся «лимиты» были превышены примерно в 2,5 раза, а по Донецкой области, в частности, – в 4 раза.[12]

В Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины хранятся статистические отчеты областных управлений НКВД за 1937 г. и первую половину 1938 г. Это официальные документы, подписанные начальниками соответствующих подразделений, представляющие собой типографские бланки большого размера, заполненные цифровыми показателями.[13] Данные таблиц позволяют выяснить, какое количество репрессированных, с разнообразной детализацией, докладывалось в НКВД УССР. Среди этих материалов можно найти обобщения, выполненные непосредственно в наркомате внутренних дел Украины. Документ под названием «Таблица № 1 по социальному составу арестованных НКВД УССР за 1937 г. и внесенным исправлениям» подписан референтом-секретарем НКВД республики младшим лейтенантом госбезопасности Воробьевым и младшим лейтенантом госбезопасности Бей-Безпалько. Он имеет такое содержание (см. табл. 4).[14]

Отчетные документы ОГА СБУ включают обобщения, выполненные тогда же, в 1937 г., в центральном аппарате НКВД УССР. В их основу, как указано, положены отчеты областных управлений.

Мы сопоставили данные, приведенные в «Таблице №1…» и обобщающем отчете,[15] сведя их в таблицу 5.

Чрезвычайно низкие данные о количестве репрессированных рабочих вызывают сомнение. И мы подсчитали количество репрессированных рабочих только в одной Донецкой области, по данным картотеки «Реабилитированные историей» (создана на основе учета всех архивно-следственных дел, находящихся в Архиве временного хранения документов областного управления Службы безопасности Украины). В результате оказалось, что в 1937 – 1938 гг. из 25381 арестованного 10721 чел. (42,2 %) были рабочими, 4492 чел. (17,7 %) – колхозниками. То есть, суммарно эти две категории объединяли почти 60 % репрессированных.[16] В сводном же отчете НКВД СССР по всей Украине фиксируется 777 рабочих и 1266 колхозников.

Произведенные на основании последней таблицы 5 расчеты по трем группам показателей позволили сделать такие обобщения. Сравнения суммарных данных УНКВД и сведений «до исправления»:

1) бывшие кулаки – увеличение на 1790 чел. (на 2,8 %);

2) «бывшие люди» – увеличение на 36645 чел. (на 74,2 %);

3) деклассированные – увеличение на 3232 чел. (на 23,0 %);

4) служители религиозных культов – увеличение на 826 чел. (на 17,8 %);

5) кустари – уменьшение на 597 чел. (на 27,1 %);

6) домохозяйки и пр. – уменьшение на 595 чел. (на 16,0 %);

7) служащие – уменьшение на 18084 чел. (на 62,9 %);

8) единоличники – уменьшение на 3376 чел. (на 50,9 %);

9) колхозники – уменьшение на 13943 чел. (на 79,7 %);

10) рабочие – уменьшение на 5225 чел. (на 67,5 %);

11) красноармейцы – уменьшение на 84 чел. (на 9,9 %);

12) командный состав РККА – увеличение на 171 чел. (на 16,7 %);

13) сотрудники НКВД – уменьшение на 2 чел. (на 0,8 %);

14) без определенных занятий – уменьшение на 2807 чел. (на 100 %).

То есть, было увеличено количество арестованных по социальным группам бывших кулаков, «бывших людей», деклассированных, служителей религиозных культов, красноармейцев и командного состава РККА. При этом, наиболее сильно это коснулось групп «бывших людей» (на три четверти) и деклассированных (почти на

«Корректировка» социальной принадлежности репрессированных в 1-й половине 1938 г. привела к значительному увеличению их количества по группам бывших людей и деклассированного элемента. Это было сделано за счет уменьшения данных по группам служащих, колхозников, рабочих и крестьян-единоличников.

четверть). Уменьшение отчетных данных провели по группам кустарей, неработающих, служащих, единоличников, колхозников, рабочих, сотрудников НКВД и без определенных занятий. Наиболее это затронуло группы колхозников (более чем на три четверти), рабочих (на две трети), служащих (почти на две трети) и крестьян-единоличников (наполовину).

Посмотрим, какие «уточнения» были внесены, если сравнивать показатели суммарных данных по отчетам УНКВД и данные «до исправления»:

1) бывшие кулаки – уменьшение на 3577 чел. (на 5,4 %);

2) «бывшие люди» – уменьшение на 48760 чел. (на 83,3 %);

3) деклассированные – уменьшение на 3678 чел. (на 25,4 %);

4) служители религиозных культов – уменьшение на 926 чел. (на 19,5 %);

5) кустари – увеличение на 810 чел. (на 36,8 %);

6) домохозяйки и пр. – увеличение на 685 чел. (на 18,4 %);

7) служащие – увеличение на 24462 чел. (на 85,0 %);

8) единоличники – увеличение на 4159 чел. (на 62,7 %);

9) колхозники – увеличение на 16239 чел. (на 92,8 %);

10) рабочие – увеличение на 6967 чел. (на 90,0 %);

11) красноармейцы – уменьшение на 98 чел. (на 11,3 %);

12) командный состав РККА – уменьшение на 231 чел. (на 21,3 %);

13) сотрудники НКВД – увеличение на 3 чел. (на 1,3 %);

14) без определенных занятий – увеличение на 2807 чел. (на 100 %).

Сравнение показателей по отчетам УНКВД и данных «после исправления» дало такие результаты:

1) бывшие кулаки – уменьшение на 1767 чел. (на 2,3 %);

2) «бывшие люди» – уменьшение на 9115 чел. (на 15,6 %);

3) деклассированные – уменьшение на 449 чел. (на 3,1 %);

4) служители религиозных культов – уменьшение на 100 чел. (на 2,1 %);

5) кустари – увеличение на 213 чел. (на 13,3 %);

6) домохозяйки и пр. – увеличение на 90 чел. (на 2,3 %);

7) служащие – увеличение на 6378 чел. (на 59,7 %);

8) единоличники – увеличение на 783 чел. (на 24,0 %);

9) колхозники – увеличение на 1990 чел. (на 5,9 %);

10) рабочие – увеличение на 1742 чел. (на 69,2 %);

11) красноармейцы – уменьшение на 14 чел. (на 1,6 %);

12) командный состав РККА – уменьшение на 60 чел. (на 5,9 %);

13) сотрудники НКВД – увеличение на 1 чел. (на 0,4 %);

14) без определенных занятий – данных нет.

Таким образом, можно проследить манипулирование по социальным группам в сочетании с определенными уточнениями. На наш взгляд, в аппарате НКВД УССР можно было знать более точно данные по арестованным из командного и рядового состава армии, сотрудников собственных структур. В отношении же остальных групп, вероятно, проводилась «корректировка» в зависимости от поставленных целей – обосновать необходимость, как тогда говорили, «оперативного удара» по враждебным социальным группам.

По результатам репрессий первой половины 1938 г. в центральном аппарате НКВД УССР также были произведены «корректировки» данных, полученных от областных управлений. В ОГА СБУ нами найден документ «О социальном составе арестованных органами НКВД УССР за 1 полугодие 1938 г. и внесенные исправления в статистическую отчетность».[17] Интересующие нас данные приведены в таблице 6.

То есть, по всем тринадцати социальным группам после «корректировки» было изменено количество репрессированных. В целом, их число выросло на 1399 чел. Максимальные изменения коснулись «бывших людей» – их количество увеличили на 31639 чел. (с 6725 чел. до 38364 чел., то есть с 7,7 % от общего числа арестованных до 43,1 %). По группе деклассированного элемента количество репрессированных увеличили на 1159 чел. (с 2390 до 3549, или с 2,7 % до 4,0 %). К числу арестованных в группе служителей рели-

Таблица 6.

Изменения в отчетности о социальном составе репрессированных по УССР в 1-й половине 1938 г.[18]

№№ п/п	Группы репрессиро-ванных	Данные до исправления	%% к итогу	Данные после исправления	%% к итогу	Внесенные изменения
1	Бывшие кулаки	27422	31,3	27161	30,5	– 261
2	«Бывшие люди»	6725	7,7	38364	43,1	+ 31639
3	Деклассированные	2390	2,7	3549	4,0	+ 1159
4	Служители религиозных культов	1452	1,7	1474	1,7	+ 32
5	Кустари	1721	2,0	1278	1,4	– 443
6	Домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	1541	1,8	1331	1,5	– 210
7	Служащие	19743	22,5	7469	8,4	– 12274
8	Крестьяне-единоличники	3302	3,8	1280	1,4	– 1922
9	Колхозники	15717	17,9	2034	2,3	– 13683
10	Рабочие	5712	6,5	3109	3,5	– 2603
11	Красноармейцы	286	0,3	277	0,3	– 9
12	Командный состав РККА	979	1,1	677	0,8	– 26
13	Сотрудники НКВД	687	0,8	677	0,8	– 10
Всего		**87677**	**100**	**88966**	**100**	

гиозных культов прибавили 32 чел., увеличив ее с 1452 чел. до 1484 чел. (при этом процент остался неизменным – 1,7 %). По всем остальным группам количество арестованных уменьшили.

Таким образом, «корректировка» социальной принадлежности репрессированных в 1-й половине 1938 г. привела к значительному увеличению их количества по группам бывших людей и деклассированного элемента. Это было сделано за счет уменьшения данных по группам служащих, колхозников, рабочих и крестьян-единоличников. Уменьшение по всем остальным группам было незначительным.

Исходя из этого, можно утверждать, что речь идет об элементарной подтасовке данных по категориям репрессированных для имитации направленности репрессий на «социально враждебные группы». При этом почти не тронули такие группы как "бывшие кулаки" и "служители религиозных культов". Можно только предположить, что были выполнены какие-то внутренние планы-наметки, о которых нам не известно.

Мы сравнили корректировку данных по социальному составу репрессированных в 1937 г. и в первой половине 1938 г., результаты представлены в таблице 7.

То есть, корректировка социального состава репрессированных в 1937 г. и в первой половине 1938 г. имела много общих черт. Это можно проследить по таким параллелям:

1) в группе «бывших людей» в 1937 г. из-за внесенных изменений количество арестованных увеличилось в 5,1 раза, а в 1-й пол. 1938 г. – в 5,7 раза;

2) в группе деклассированных – увеличение в 30,0 и 32,7 раза;

Таблица 7.
Изменения социального состава репрессированных в 1937 г. и в первой половине 1938 г.

№№ п/п	Социальные группы	Увеличено или уменьшено в 1937 г. (чел.)	Увеличено или уменьшено в 1-й пол. 1937 г. (чел.)
1	Бывшие кулаки	+ 1790	– 261
2	«Бывшие люди»	+ 39645	+ 31639
3	Деклассированные	+ 3232	+ 1159
4	Служители религиозных культов	+ 826	+ 32
5	Кустари	+ 597	+ 443
6	Домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	– 595	– 210
7	Служащие	– 18084	– 12274
8	Крестьяне-единоличники	– 3376	– 1922
9	Колхозники	– 13943	– 13683
10	Рабочие	– 5225	– 2603
11	Красноармейцы	+ 84	– 9
12	Командный состав РККА	+ 171	– 26
13	Сотрудники НКВД	– 2	– 10
14	Бывшие кулаки	– 2807	не было

3) в группе служащих – уменьшение количества арестованных было, соответственно, в 2,7 и 2,6 раза;

4) в группе колхозников – уменьшение в 4,9 и 5,1 раза;

5) в группе рабочих – уменьшение в 3,1 и 2,6 раза;

6) в группе крестьян-единоличников – уменьшение в 2,0 и 2,4 раза;

7) в группе кустарей – уменьшение на 27,1 % и 25,7 %;

8) в группе домохозяек и пр. – уменьшение на 16,0 % и 13,6 %;

9) в группе сотрудников НКВД – уменьшение на 0,8 % и 1,5 %.

Определенные расхождения были в корректировке количества арестованных в группах бывших кулаков (1937 г. – увеличение на 2,8 %, 1-я пол. 1938 г. – уменьшение на 1,0 %), служителей религиозных культов (увеличение на 21,6 % и – на 2,2 %), красноармейцев (1937 г. – увеличение на 11,0 % и – уменьшение на 3,1 %), командного состава РККА (1937 г.. – увеличение на 20,0 % и уменьшение на 2,7 %). Таким образом, по основным по численности группам (кроме бывших кулаков) корректировка количества репрессированных была очень близкой, как по направлениям, так и по размерам. То есть, речь идет о сознательном внесении изменений в показатели арестов для имитации соответствия заданиям, полученным «сверху», и полученных «результатов». Это была настоящая фальсификация.

Мы провели соответствующие сравнения в изменениях показателей по областным управлениям НКВД. Общее количество арестованных в первой половине 1938 г. было изменено в пяти областях: Харьковской – уменьшено на 19 чел., Камянец-Подольской – увеличено на 296 чел., Николаевской – уменьшено на 6 чел., Черниговской – уменьшено на 5 чел., Винницкой – увеличено на 24 чел. Скорее всего, эти вариации могли быть результатом небольших ошибок в механическом подсчете или уточнений.

Именно возможность произвольной трактовки понятия «социальная принадлежность» позволяло на любом уровне – сверху донизу – манипулировать количественными показателями и, соответственно, – обосновывать необходимость дальнейшего «разворота массовой операции»

Недостаток места не позволяет изложить детально внесенные коррективы в статистические отчеты областей по социальному составу репрессированных. В целом, несмотря на определенные различия, корректировка проводилась путем уменьшения в несколько раз количества репрессированных служащих, крестьян-единоличников, колхозников и рабочих. Репрессированных из этих групп «переводили», в основном, в группу «бывших людей». В то же время, количество арестованных кулаков почти не изменялось.

Можно предположить, что аресты по группе бывших кулаков проводились более организованно, потому что после возвращения из ссылки эти люди должны были в обязательном порядке зарегистрироваться в органах милиции. Поэтому и «изымать» их было несложно. Группа "бывших людей", определенная часть которых смогла скрыться от арестов и ссылок в предшествующие годы, была сложной по учетам. Кроме того, возникают большие сомнения относительно наличия в областях такого количества лиц из этой группы, то есть – бывших дворян, помещиков, царских чиновников, офицеров, жандармов и т.п. Тем более что в приказе НКВД СССР № 00447 вспоминались лишь две категории – бывшие жандармы и чиновники. Учитывая саму направленность приказа – социальная чистка, в органах НКВД необходимо было придать арестам соответствующий характер.

Следует обратить внимание на довольно странную трактовку понятия «социальный состав» в отчетах НКВД, поскольку сами же работники во всех документах писали «бывшие кулаки» и «бывшие люди». То есть речь шла не о «социальном составе», а о «социальном прошлом». Хотя, прочие категории фиксировали именно социальную принадлежность арестованных (рабочие, колхозники, служащие и т.п.) Ведь на момент ареста «бывшие кулаки» и «бывшие люди» могли относиться к любой социальной категории. Таким образом, сознательно вносилась путаница в эти понятия, что, в конечном итоге, и было одним из элементов фальсификации. Именно возможность произвольной трактовки понятия «социальная принадлежность» позволяло на любом уровне – сверху донизу – манипулировать количественными показателями и, соответственно, обосновывать необходимость дальнейшего «разворота», по терминологии тогдашних работников НКВД, «массовой операции».

Кроме «корректировки» социального состава репрессированных в аппарате НКВД УССР, свой «вклад» в этот процесс вносили и на местах. Одним из свидетельств этому являются материалы архивно-следственного дела бывшего начальника первого спецотдела УНКВД Донецкой (Сталинской) области Я.В. Соломоновича. Это был, по тем временам, достаточно опытный чекист, работавший в управлении с сентября 1932 г.[19] Арестованный 14 ноября 1938 г. в связи контрреволюционной деятельностью, вредительством и халатным отношением к служебным обязанностям, он на допросе 29 января 1939 г. сообщил следователю:

> *«Я признаю, что фиктивные данные в стат. отчет в НКВД УССР я помещал, в основном, увеличивая цифры по социальным прослойкам в графах «кулаки» и «бывшие люди», соответственно с этим уменьшая цифры по социально-близким прослойкам «рабочие» и т.д. Делалось это потому, что в 1-м спецотделе у меня отсутствовали данные, а руководство УНКВД требовало перепроверки цифр «рабочих» и «служащих», указывая на то, что цифры эти неправильно увеличены* (подчеркнуто мною. – **Прим. авт.**). *Никаких контрреволюционных целей при этом я не преследовал. Фиктивные данные о социальной прослойке я поместил в стат. отчеты за IV-й квартал 1936 г., за 1937 г. и первую половину 1938 г., последующие же отчеты мною составлялись в соответствии с действительным положением. Что же касается сведений о действительном положении с арестованными, наличии таковых, цифровые данные в НКВД УССР сообщались точные, за исключением лишь сведений о количестве групповых дел и одиночек. Здесь у меня были фиктивные данные, т.е. я уменьшал произвольно количество одиночек, соответственно увеличивая число арестованных за счет групповых дел».*[20]

Вероятно, после соответствующего внушения или «воздействия» подследственный Я.В. Соломонович на том же допросе меняет позицию, беря вину на себя:

> *«Что же касается цифровых данных по прослойкам, то должен признать, что в стат.*

отчетах они были фиктивными, проставлял я их произвольно и увеличивал цифры в графах «кулаки» и «бывшие люди», это, соответственно, вводило в заблуждение Центр и лишало возможности видеть действительный ход, направление производившейся в то время массовой операции. Руководство УНКВД об этих фиктивных цифровых данных по прослойкам, проставляемым мною в стат. отчетах, ничего не знало (подчеркнуто мною. – **Прим. авт.**)».[21]

В процессе следствия была изменена формула обвинения, Соломоновича обвиняли только в халатном отношении к служебным обязанностям и подделке подписи начальника УНКВД. На заседании военного трибунала войск НКВД Харьковского округа 25 мая 1939 г. показал:

«Работал в должности нач. 1 спецотдела с 1/XII-36 г., отдел принял от Фудим в хаотическом состоянии, акта на прием отдела не составлял. С декабря 1936 г. по июль 1937 г. в спецотделе работа по всем видам учета была налажена. С июля 1937 г. началась массовая операция по УГБ, и я был назначен секретарем особой тройки, куда уделял больше внимания и руководство своим отделом ослабил. Работа в тройке мне не давала возможности уделять должное внимание основной работе. После окончания массовой операции. – считаю, что в спецотделе работа наладилась. При усиленной нагрузке и периферия не была в состоянии выполнять распоряжения о приемке материалов. Брали учетные данные на основании приказов и постановлений тройки для статистических данных. Составление фиктивной отчетности имело место не по моей установке, а мне давали установку вышестоящие руководители НКВД и мы отчетность составляли по их указанию. По стат. отчетам данные в группе рабочих и колхозников уменьшали число репрессированных и, соответственно, на это число увеличивали в графе кулаков и других. В августе 1938 г. получил из центра формы отчетности, где должны были указать всю нашу работу за 4 кв.1936 г., 1937 г. и за 1 кв.1938 г. Все материалы за 1936 – 37 – 38 гг. ранее в то время составлены другими сотрудниками, т.к. я в то время еще не работал. По указанным формам составил отчетность, используя ранее составленные отчетности и при этой отчетности оказалось, что рабочих и колхозников оказалось больше, чем кулаков и других репрессированных. Зам. Нач. Управления Лифер (правильно. – Лыфарь. – **Прим. авт.**) *предложил мне немедленно пересоставить отчетность с увеличением кулаков, мы всю отчетность пересоставили, уменьшив цифры рабочих и колхозников, указав больше кулаков. Нач. Управления майор Чистов предложил мне в третий раз переделать отчетность. По его указанию я переделал снова все данные и исправленные отчетности, где было уже много больше репрессированных кулаков, направил в Киев НКВД УССР. По собственной инициативе я не переделывал статистическую отчетность. Кроме того, в стат. отчетность всегда указывали организованные группы к/р организаций, вместо репрессированных одиночек... Я больше работал по приведению приговоров в исполнение, разъезжая по всей области. Эта работа большая и непосильная, но я ее выполнял добросовестно... Отсутствие с моей стороны контроля над работниками отдела привело к тому, что работа оказалась в запущенном состоянии... Сняли меня с работы как не справившегося с работой».*[22]

На судебном заседании свидетель Малышкевич (член комиссии по проверке 1-го спецотдела) заявил:

«Работа спецотдела тесто связана с оперативными отделами, а оперативные отделы не давали сведений. Работники, которые находились в спецотделе, не могли освоить всей работы, требовалось увеличение аппарата, а Соломонович не настаивал».[23]

Инспектор 1-го спецотдела Ваншенкер на вопросы трибунала ответил:

«Оперативные работники мне говорили, что было получено Соломоновичем от Соколинского (начальник УНКВД в 1937 г. – **Прим. авт.***) распоряжение изъять из формуляров окраску и сдать их по отделам для работы... Районы несвоевременно присылали отчеты, а это осложняло работу спецотдела. Мне оперативные работники говорили, что у Соломоновича справку можно получить быстро, а соответствовала ли она действительному положению – не знаю…».*[24]

Начальник второго отделения второго отдела УНКВД Завгородний Н.В. отметил, выступая свидетелем на заседании трибунала:

«Налаживание работы в 1-м спецотделе было трудное. Аресты проходили в массовом

порядке, нарушались процессуальные сроки ведения следствия. Для оперативных совещаний Соломонович справки давал быстро. Этим создавал видимость благополучия».[25]

Инспектор 1-го спецотдела Шумков на вопрос трибунала ответил:

«В отношении сведений о прослойке, то Соломонович говорил, что руководство всегда говорило, чтобы больше указывать кулаков, а рабочих – меньше».[26]

В приговоре указывалось:

«Соломонович Я.В. …допустил заведомо неточное составление отчетности по арестованным за счет скрытия близкой к партии и Советской власти социальной прослойки, …запущенность была создана и в учете подследственных арестованных, и в движении следственных дел, что тормозило работу по розыску и нанесению более меткого удара по к/р элементу, правотроцкистскому подполью и агентуре иноразведок…».[27]

По нашему мнению, картина, раскрытая на судебном заседании, достаточно полно отражала реальную ситуацию – руководство требовало «правильного социального состава» репрессированных.

Существенным элементом фальсификаций в процессе реализации приказа НКВД № 00447 являются различные нарушения и злоупотребления, широко практиковавшиеся в следственной работе. К ним относятся лжесвидетельства, обман арестованных, использование физических и моральных методов воздействия, фальшивых справок сельсоветов о социальном положении, подделка документов… (Эти моменты еще ждут глубокого полноценного и масштабного исследования.) Все это – корректировка сверху «лимитов», злоупотребления в процессе ведения следствия, «перевод» арестованных из одной социальной группы в другую, совершавшийся как в местных органах, так и в центральном аппарате НКВД УССР. – было составляющими механизма фальсификаций как системы в работе органов государственной безопасности в исследуемый период.

Масштабы репрессий на местах, их направленность, зависели не только от наличия соответствующего контингента, но и от «рвения» исполнителей-следователей, амбиций среднего звена сотрудников НКВД – начальников отделов, отделений и управлений. К этому добавлялись «встречные планы», которых не могло не быть в условиях всеобщего социалистического соревнования.

В целом же, в стране воцарилась атмосфера недоверия, страха, никак не соответствовавшая декларировавшимся сталинской партийной верхушкой принципам и целям нового общества. ■

---

1 См.: Сталинизм в советской провинции: 1937 – 1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447 / Сост. **М. Юнге**, **Б. Бонвеч**, **Р. Биннер**]. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. 927 с.; **М. Юнге**, **Р. Биннер**. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО–XX, 2003. 352 с.; **М. Юнге**, **Г. Бордюгов**, **Р. Биннер**. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый хронограф; АИРО–XXI, 2008. 784 с.; **Нікольський В.Н.** Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х. – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк: Вид-во Донецького національного університету, 2003. 624 с. и др.

2 Расстрел по разнарядке, или как это делали большевики. // Труд. 1992. 4 июня.

3 Там же.

4 Сведения и переписка о ходе операции кулаков и т.д. // ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 32. Л. 2 – 9.

5 Там же. Л. 9.

6 Там же. Л. 2.

7 Сост. по: Там же. Л. 2, 9.

8 См.: Расстрел по разнарядке…; Телеграмма из Москвы № 11924, 4/VII, 22 ч. 20 м. // ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 32. Л. 22.

9 Расстрел по разнарядке…

10 Сост. по: Расстрел по разнарядке…; Сведения и переписка о ходе операции кулаков и т.д. // ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 32. Л.2 – 9.

11 Подсчитано по данным: ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 31, 35.

12 Подсчитано по: Реабілітовані історією. Донецька область. Книга перша. Донецьк, 2004. С. 49.; Реабілітовані історією. Луганська область. Книга перша. Луганськ, 2004. С. 12.

13 ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 31, 35. («Статистические отчеты НКВД УССР и УНКВД областей за 1937 г.», «Статистические отчеты НКВД УССР и УНКВД областей за 1938 г.»).

14 Статистические отчеты НКВД УССР и УНКВД областей за 1937 г. // Там же. Ф. 42. Д. 31. Л. 1.

[15] Сост. по: Там же. Д. 35, Л. 157, 159, 161, 163, 165, 167, 169, 171, 173, 175.

[16] **Нікольський В.Н.** Правда через роки // Реабілітовані історією. Донецька область. Книга перша. Донецьк: КП «Регіон», 2004. С. 50.

[17] О социальном составе арестованных органами НКВД УССР за 1-е полугодие 1938 г. и внесенные исправления в статистическую отчетность // ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 35. Л. 4.

[18] Сост. по: ГОА СБ Украины. Ф. 42. Д. 35. Л. 2, 4.

[19] См.: Архив временного хранения документов Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области. Архивно-следственное дело 1314-2ф (Соломоновича Я.В.).

[20] Там же. Л. 44.

[21] Там же.

[22] Там же. Л. 144 – 145.

[23] Там же. Л. 148.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же. Л. 147.

[27] Там же. Л. 150 – 151.

Владимир Макарчук

Проблема границ Второй Речи Посполитой (1918 – 1939 гг.):
аспекты международного права и европейской безопасности

Польша между мировыми войнами, по оценке В.М. Молотова (осень1939 г.), получила унизительную характеристику «уродливого детища Версальского договора». Но, если абстрагироваться от циничной формулы советского наркома, следует признать, что границы Второй Речи Посполитой не могли считаться бесспорными. В ее состав в 1919 – 1939 гг. входили литовские (Виленщина), западноукраинские (Восточная Галичина и Волынь), отдельные германские этнические и исторические земли. В свою очередь, Варшава имела территориальные претензии к Чехословакии (Тешинская Силезия), лишь в марте 1939 г. отказалась от планов раздела Закарпатской Украины с Венгрией.

Около 40 % площадей и, по меньшей мере, 30 % населения этого государства составляло этническое меньшинство и его этнографическая территория. В сентябре 1939 г. границы Польши простирались на 5 529 км, в том числе с Германией – на 1 912 км, с Советским Союзом – 1 412 км, с Чехословакией – 984 км, с Литвой – 507 км, с Румынией – 347 км, с Вольным городом Гданьском – 121 км, с Латвией – 106 км, при том, что морская граница имела 140 км. Но лишь граница с Румынией и Латвией (плюс – морская) не вызывала споров.

По условиям Версальского мира (1919 г.) Германия признала независимость Польши и отказалась в ее пользу от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной и части Восточной Пруссии. Вопрос касательно Верхней Силезии должен был решаться плебисцитом.

Силезский плебисцит проходил в условиях польского террора по отношению к немецкому населению (из 1200 тыс. участников плебисцита около 200 тыс. составляли немцы, рожденные в Силезии, но вынужденные на время его проведения спасаться бегством).

20 марта 1921 г. 60 % имеющих право голоса высказались за сохранение Силезии в составе Германии. Совет послов Антанты истолковал его результаты таким образом, что к Польше должны были отойти всего 2 уезда – Рыбницкий и Пщинский. Но в результате так называемого Третьего силезского восстания и применения силы против гражданского населения, приведшего к новому массовому бегству немцев из Верхней Силезии, промышленные районы последней через некоторое время были разделены между Польшей и Германией приблизительно пополам. К Польше отошли 6 уездов (29 % территории) с 996 тыс. населения (46 %), из них 250 тыс. немцев, не считая беглецов.

Понятно, что в Берлине не считали границу с Польшей, образовавшуюся после завершения Первой мировой войны, окончательной. Германские территориальные претензии к соседу в период между войнами возникли задолго до прихода Гитлера к власти. Министр иностранных дел Веймарской республики г. Штраземан в Памятной записке от 15 января 1925 г. сформулировал концепцию поэтапного осуществления европейских целей Германии:

> *«Создание государства, политические границы которого охватывают все районы с немецким населением, которое живет замкнутыми группами в Центральной Европе и желает присоединиться к Рейху, – это далекая цель надежды Германии, а постепенная ревизия необоснованных с политической и хозяйственной точек зрения территориальных постановлений мирного договора (Польский коридор, Верхняя Силезия) – первостепенное задание германской внешней политики».*[1]

Эти немецкие стремления не были тайной для Великих Держав и других субъектов международной политики и международного права. Еще 12 марта 1925 г. при проведении предварительных консультаций перед началом Локарнской конференции (5 октября – 1 декабря того же года) заместитель министра иностранных дел Германии Шуберт заявил английскому представителю лорду д'Абернону:

«Германия не соглашается ни в какой форме гарантировать Польше ее границы и готова лишь заключить с Польшей договор об арбитраже».[2]

Германская позиция встретила понимание в Лондоне. 24 марта 1925 г. британский премьер Болдуин огласил в палате общин отказ Англии гарантировать нерушимость польско-немецкой границы. В тот же день лидер либералов Ллойд Джордж прямо указал, что «необходимо провести пересмотр границ Польши, которые выступают угрозой европейскому миру».[3] Немного завуалировано, но в том же духе высказался и лидер лейбористов Макдональд.

Встретив понимание в некоторых европейских столицах (о причинах такого взаимопонимания речь пойдет ниже), Берлин активизировал усилия. На тайном заседании правительства в ноябре 1925 г. рейхсканцлер Лютер заявил, что «…развал Польши должен стать целью немецкого правительства».[4] 10 марта 1926 г. был создан межфракционный кабинет рейхстага по восточному вопросу, возглавил который рейхстаг-президент Пауль Лебе.

Как средство достижения собственных целей Германия развязала против Польши таможенную войну, которая продолжалась девять лет. Бойкот польской продукции стал первым серьезным средством немецкого давления на Вторую Речь Посполитую.

Варшава в ответ на недружественные действия ответила собственными угрозами. Был определен и стратегический пункт давления на Берлин. В опубликованной в Лондоне в 1925 г. книге «*The Nineteenth Century and After*» известный польский специалист в области международного права Л. Энрих заявил, что «Польша заинтересована в политически лояльном Данциге», но, одновременно, «в Польше господствует убеждение, что Данциг не должен быть способным оказать помощь какому-нибудь врагу взять за горло Польшу, перекрыв устье крупнейшей польской речки. Захочет ли Польша «освободить и обеспечить доступ к морю», зависит только от ее властей.[5]

Президент Германии Гинденбург в речи, которую произнес в сентябре 1928 г. в немецкой части Верхней Силезии, напомнил о главных итогах плебисцита 1921 г. Это заявление вызвало мощную кампанию в немецкой прессе с требованиями возвращения потерянной части Верхней Силезии и ликвидации Польского коридора.

В феврале следующего 1929 г. польские власти в Верхней Силезии арестовали по обвинению в государственной измене лидера немецкого меньшинства. По требованию Берлина вопросы о правах этого меньшинства были перенесены в Лигу Наций. Обсуждение сопровождалось массовыми антипольскими демонстрациями в Германии, пограничными инцидентами, убийствами польских таможенников, нацистским погромом польской оперы в г. Оппельне и избиением артистов и зрителей (май 1929 г.).

Положение обострилось после завершения эвакуации населения части Верхней Силезии, оккупированной после завершения мировой войны войсками союзников. 10 августа 1930 г. министр Г. Тревиранус произнес в Берлине речь о «незаживающей ране Германии на восточном фронте». «Польско-германские границы, – объявил он, – делают невозможным мир между Польшей и Германией; они не устоят против воли и прав немецкого народа».[6]

Приход Гитлера к власти (январь 1933 г.) вызвал беспокойство в Варшаве. Западные исследователи немецко-польских отношений в междувоенный период сходятся на том, что Пилсудский дважды «задумывал или планировал превентивную войну против Германии в начале марта и в конце апреля 1933 г., и был удержан отказом Франции оказать поддержку».[7] Г. Вейнберг утверждает, что в середине марта 1933 г. поляки консультировались с Парижем о возможности общей операции по оккупации Германии, с целью заставить ее выполнить все условия Версальского договора, включая полномасштабное разоружение. «Если предложение действительно было сделано, – перестраховывается Г. Вейнберг, – оно было откинуто Парижем, но, так или иначе, возможность этого польского шага стала известна в Германии (…) Гитлер должен принимать решения о своих дальнейших действиях, вплотную столкнувшись с этой ситуацией».[8]

Но, как это ни странно, напряжение в польсконемецких отношениях с приходом к власти в Берлине нацистов первоначально немного ослабело. Соблюдая последовательность в выдвижении все возрастающих территориальных претензий, нацистский лидер осенью 1938 г. втянул Варшаву в античехословацкую кампанию. «Польша и Венгрия, – писал У. Ширер, – угрожая применением военной силы против беззащитной Чехословакии, словно стервятники, поспешили урвать свой кусок. Польше по настоянию министра иностранных дел Юзефа Бека (…) досталась территория в районе Тешина площадью 650 квадратных миль с населением 228 тысяч человек, из которых 133 тысячи были чехами».[9] Аннексия так называемого Заольшша принесла министру внешних дел Польши Беку орден Белого Орла, а также звание доктора *honoris causa* сразу в двух университетах.[10]

В своей античешской политике Варшава не только выражала солидарность с Гитлером, но и претендовала на ведущую роль

Обратим внимание на отмеченное нейтральным автором обстоятельство, что абсолютное большинство населения аннексированной территории этнически не было поляками. Отметим и то, что Польша (как и Венгрия) выдвигала свои требования к Праге, пользуясь сомнительным аргументом «защиты меньшинства». Польский ультиматум Чехословацкой республике 30 сентября 1938 г. по своей лексике являлся чуть ли не дословной цитатой из арсенала нацистского фюрера:

> *«Польское правительство ожидает четкого ответа, в котором бы принималось или отклонялось сформулированное в этой ноте требование до полудня 1 октября 1938 года. В случае если это требование будет отклонено или ответ не будет получен, всю ответственность за последствия польское правительство возлагает исключительно на чехословацкое правительство».[11]*

В своей античешской политике Варшава не только выражала солидарность с Гитлером, но и претендовала на ведущую роль. «В марте 1939 г., – утверждает Л. Горват, – Ю. Бек предложил Румынии восточную часть Карпатской Украины, включая железнодорожную линию, что ведет с Коломыи на юг, соединяя те нескольких сел в Закарпатье, где проживают частично румыны, такие как Нижняя и Верхняя Апши и окраины, чтобы лишь склонить Румынию на сторону мадьярско-польских притязаний общей границы, то есть, чтобы Румыния не высказывала предостережений против мадьярской оккупации Карпатской Украины».[12]

Польское публичное одобрение оккупации Чехословакии гитлеровцами видится апогеем политической слепоты. «Мы являемся свидетелями окончательной ликвидации Чехословакии, – писал 16 марта 1939 г. близкий к правительскому окружению «Курьер Поранны». – Чехословацкая республика, созданная в 1918 году, перестала существовать. Не выдержало также испытание уродливое создание, созданное на мюнхенском съезде четырех государств в сентябре прошлого года. У него не хватило ни моральных, ни жизненных сил, чтобы противостоять всякого рода трудностям. Логика жизни оказалась сильнее построенных на бумаге концепций, на которых основывалось существование Чехословакии в первом и втором издании. На руинах Чехословакии будет существовать как отдельное и независимое государство только Словакия (…) Польский народ с удовольствием принимает этот факт (…) Польша может не переживать по поводу событий, что происходят в Восточной Европе».[13]

Кадровый дипломат Второй Речи Посполитой Я. Мейстович признавал, что действия польского правительства против окруженной Чехословакии и их результаты «вызвали волну недовольства в Франции, острую критику в Великобритании, злобные остроты и горькие упреки среди собранных в Женеве участников XIX Собрания (Лиги Наций – **Прим. авт.**) (…) Симпатии нам проявляли только венгры и, в меньшей мере, югославы».[14]

21 сентября 1938 г. Советский Союз решительно протестовал против польской аннексии Тешинской области, но тогда в Варшаве на это не обратили внимания. После польской реакции на ликвидацию Чехословакии (единственного потенциального союзника СССР в Центральной Европе) Москва не должна была иметь никаких сантиментов к Польше.

Восточные границы Польши в междувоенный период тоже вызвали неоднозначные оценки, так как далеко не отвечали линии польско-украинского, польско-белорусского и польско-литовского этнографического размежевания.

Вопрос касательно Восточной Галиции обговаривался на Версальской конференции комиссией по польским делам под председательством Ж.Камбона (Франция) в период с 23 мая по 18 июня 1919 г. На последнем заседании, 18 июня, британский представитель лорд Бальфур настоял на принятии меморандума, где бы отмечалась необходимость будущего плебисцита в Восточной Галиции с назначением комиссара Лиги Наций для этой территории. Он заметил, что население Восточной Галичины «откровенно антипольское и не хочет быть поглощенным». Предложенный им режим должен был представлять «что-то среднее между мандатом во главе с Высшим Комиссаром Лиги Наций и режимом в Карпатской Украине в составе Чехословакии».

Делегация США (ее возглавлял Лансинг) поддержала указанный проект. Но американская позиция отличалась от британской тем, что вопрос о будущем плебисците ощутимо оттягивался во времени:

> *«Следует признать, что 60 процентов данного населения является неграмотным и, соответственно, не пригодным для того, чтобы*

получить право на самоопределение. Прежде всего, оно достигнет уровня автономии, ему необходимо время для просвещения. Кровным родством оно повязано с украинцами, но кажется благожелательным к полякам по причине относительно более высокой устойчивости правительства Польши в сравнении с правительством Украины».

Оккупация Восточной Галиции поляками, по мнению Лансинга, должна стать только временной акцией, «до того времени, пока Великие Державы смогут определить целесообразность плебисцита».

Против первоначально были лишь французские представители Камбон и Пичон – «мандат над страной должен быть отдан Польше», причем Львов должен быть специально обозначен как польская (а не подмандатная, восточно-галицийская) территория. Эту же позицию, в конце концов, поддержал и итальянский представитель Сонино.[15]

25 июня 1919 г. Верховный совет Антанты принял решение «позволить войскам Речи Посполитой польской продолжать операции впредь до речки Збруч с целью защиты прав населения Восточной Галиции и его имущества от опасности, которая угрожает ему от большевицких банд». (Предлог очень напоминает формулировку Заявления Советского правительства от 17 сентября 1939 г., с той лишь разницей, что СССР брался «защищать» от последствий анархии, что угрожала жизни и имуществу «единокровного населения» в результате распада польского государства. – **Прим. авт.**)

Следующим постановлением, от 11 июля 1919 г., Верховный совет Антанты обсудил условия манданта на оккупацию Восточной Галиции лишь как «временной меры международного характера» с последующим заключением договора, по которому польское правительство должно «обеспечить, по мере возможности, автономию этой территории, как и политическую, религиозную и личную свободу жителей». Согласно указанному постановлению, государственно-политический статус Восточной Галиции должно будет спустя некоторое время установить само население на основе «свободного самоопределения», а срок проведения плебисцита должны определить «союзные и дружественные государства».[16]

Именно в этом ключе Великие Державы информировали западно-украинскую сторону о принятом на Конференции решении.[17]

Как вспоминал член делегации ЗУНР на переговорах в Версале М. Лозинский:

«11 июля в 8 час. 15 минут вечера польская команда передала украинской стороне письмо Высшего Совета: «Президенту Украинской Республики: чтобы обеспечить охрану личной безопасности и поместья мирного населения Восточной Галиции от зверств большевицких банд, Высший Совет Антанты и ее союзников решил уполномочить руководителей Польской Республики продолжить свои операции до реки Збруч. Это полномочие никак не касается решений, которые Совет думает выдать по делу политического положения в Галиции».[18]

10 сентября 1919 г. побежденная Австрия подписала Сен-Жерменский договор, где, кроме всего прочего, отрекалась от права суверенности над Восточной Галицией. Сувереном ее де-юре стали государства Антанты, а Польша – временным оккупантом края. Решением Союзных государств 21 сентября 1919 г. срок временной польской оккупации было продлен с 10 до 25 лет.

После первого перелома в ходе польско-советской войны 1920 г. на конференции в г. Спа (5 – 16 июля 1920 г.) прошли переговоры руководителей Антанты и польской делегации, в состав которой входили премьер Вл. Грабский и министр внешних дел Патек. Было решено, что Верховный совет Антанты сделает необходимые шаги для заключения советско-польского перемирия.

12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел Керзон отправил в Москву телеграмму с предложением Советской России заключить перемирие с Польшей. Керзон требовал остановить Красную Армию за 50 км на восток от линии Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовский – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и дальше западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Предложенная линия разграничения не была спонтанной инициативой отдельного, пускай и очень влиятельного политика. Она была определена специальной комиссией по польскому двопросу, созданной Парижской конференцией в 1919 г. В основу указанного решения было положено указание делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии, которые считали необходимым при создании польского государства включить в его состав лишь этнографически польские земли. Верховный совет Антанты утвердил эту линию как восточную границу Польши особой декларацией, опубликованной 8 декабря 1919 г. за подписью Клемансо. В июле 1920 г. конференция союзников в г Спа опять подтвердила означенное решение, а Керзон оповестил об этом Советскую Россию.[19]

Как отмечалось выше, именно Антанта (а не Польша) на лето 1920 г. де-юре была сувереном

Восточной Галиции. Стало быть, Версальская конференция государств-победителей имела полное право делать подобные предложения.

Советская Россия выказала готовность дать Польше больше, чем Антанта, если взамен Польша пойдет по пути Советской Украины и других «рабоче-крестьянских республик». Такой сценарий не только пропагандировался, но и активно воплощался в жизнь в Москве…

Советский ответ от 17 июля (то есть еще до «чуда на Висле») выразил согласие установить даже более выгодную для Варшавы линию границы Ленинский наркомат иностранных дел демагогично обвинил союзников в том, что предложенная ими линия определена как будто под давлением российских контрреволюционных элементов, в частности, в вопросе о Холмской области.

Не следует переоценивать большевицкую щедрость, для этого стоит вчитаться в текст ноты:

> *«Советская Россия готова вообще относительно условий мира в той, большей мере идти навстречу интересам и пожеланиям польского народа, чем дальше в своей внутренней жизни польский народ пойдет по тому пути, который создаст крепкую основу для настоящих братских отношений трудящих масс Польши, России и Украины, Белоруссии и Литвы и даст гарантию, что Польша перестанет быть орудием нападений и интриг против рабочих и крестьян Советской России и других наций».*[20]

Советская Россия выказала готовность дать Польше больше, чем Антанта, если взамен Польша пойдет по пути Советской Украины и других «рабоче-крестьянских республик». Такой сценарий не только пропагандировался, но и активно воплощался в жизнь в Москве, в частности было созвано «рабоче-крестьянское правительство Польши». 2 августа Дзержинский передал по прямому проводу в РВС Западного и Юго-Западного фронтов сообщение о создании в г. Белосток Польревкома, «который Манифестом рабочих от 30 июля провозгласил себя революционной властью и приступил к установлению Советской власти на территории Польши». Председателем Польревкома стал Ю. Мархлевский, членами – Ф. Дзержинский, Э. Прухняк, Ф. Кон, И. Уншлихт.[21]

Большевицкое наступление продолжалось, и встревоженная Великобритания 3 августа 1920 г. (радиообращение Керзона) предупредила о возможности военного вмешательства, если красные войска будут продолжать боевые действия западнее линии Керзона. В советском ответе 5 августа утверждалось, что Москва и при новых обстоятельствах готова предложить Польше более выгодные условия восточной границы, чем те, что предлагает ей Верховный Совет Антанты. Что касается наступления, то оно якобы является чисто военной операцией, которая не причинит вреда будущему мирному договору и не посягает на независимость и неприкосновенность Польши в ее этнографических границах.

Отметим два момента, которые будут иметь важное значение в годы Второй мировой войны. Во-первых, Советский Союз сознательно отказался от раздела территории Польши по линии Висла – Нарев – Буг – Сан, указанной в секретном протоколе к пакту Риббентропа-Молотова как границ разделения «сфер интересов» между СССР и Германией. Вместе с тем но в отношениях с западными союзниками в 1941 – 1945 гг. советская сторона будет настаивать, что «лорд Керзон сам определил справедливость этнографической линии» польско-украинского размежевания. Во-вторых, однажды отказавшись от Холмской области (пусть даже и из тактических соображений), Кремль не стал поддаваться стремлениям «вождей» Советской Украины (Н.С. Хрущев, М.С. Гречуха и др.) расширить массивы украинской государственной территории за счет Холмщины, Лемковщины и Засянья.

После польского контрнаступления в августе 1920 г. советской делегации в Риге пришлось подписать невыгодный «Договор о перемирии и прелиминарные условия мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой» (12 октября 1920 г.). В статье I Договора провозглашалось, что «обе договаривающиеся стороны, что договорились, согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, то есть граница между Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Польшей – с другой, составляет линия (…)» (далее шла детальная опись этой линии. – **Прим. авт.**).[22]

Комментируя указанные положения Договора, следует отметить, по крайней мере, три важных обстоятельства, а именно:

1. Стороны не скрывали, что основным мотивом заключения Договора было стремление как можно быстрее покончить с состоянием взаимной войны между двумя государствами, которая была несвоевременной: возрожденная Польша имела нерешенные территориальные проблемы с Гер-

манией, Чехословакией, Литвой, революционная Россия – с белогвардейским движением на окраинах государства.

2. Подписанный Договор противоречил принципам права, поскольку де-юре стороны делили то, что им не принадлежало, а именно Восточную Галицию, сувереном которой на осень 1920 г. формально были государства-победители Австрии.

3. Ссылка на принцип самоопределения народов, помещенная в статье I указанного Договора, была беспочвенной, поскольку: во-первых, никто не спрашивал мнение самого населения Восточной Галиции и Западной Волыни, во-вторых, на переговорах не была представлена Белоруссия, чью западную границу устанавливали А.А. Йоффе, С.М. Киров, Д.З. Мануильский и Л.Л. Оболенский. Дела не решал и тот факт, что советские власти Белоруссии передали соответствующие полномочия для ведения переговоров российской советской делегации.

Договор был ратифицирован ВЦИК 23 октября 1920 г., ВУЦИК – 21 октября 1920 г., Сеймом Польши – 22 октября 1920 г. Белорусские власти (до подписания Союзного договора 30 декабря 1922 г., БССР де-юре была суверенным государством) никогда даже не обсуждали этот документ, не говоря уже о ратификации.

Насколько обоснованной была «рижская» граница с этнографической точки зрения, вопрос не ставился. Министр польского эмиграционного правительства в Лондоне М. Сейда в 1943 г. утверждал, что «Рижский договор 18 марта 1921 г. должен быть признан как окончательное урегулирование задавленного российско-польского территориального спора. В этом договоре Польша, питая надежды на достижение длительной нормализации отношений с ее восточным соседом, отказалась от половины (около 120 000 кв. миль) территорий, принадлежавшим ей перед разделами 1772, 1793 и 1795 гг. Польша сознательно сделала грандиозную жертву. Она оставила за собой лишь те территории, что должны быль обезопасить ее от превращения в малое слабое государство».[23]

Еще один польский эмигрант – Р. Дебицкий – отмечал, что Рижская «линия границы, согласованная сторонами, грубо отвечала той, что была установлена вторым Разделом Польши в 1793 г. Это был обоснованный компромисс, базировавшийся, насколько это возможно в областях со смешанным населением, на справедливых географических обстоятельствах».[24] Не случайно в этой аргументации отсутствует ссылка на право нации на самоопределение. Польша отстаивала свою восточную границу на иных основаниях – они должны были гарантировать ей «не превращение в малое слабое государство».

А что же Версальская конференция, формальные права которой на Восточную Галицию указанное советско-польское соглашение игнорировало? Еще до подписания прелиминарного советско-польского договора, сразу после «чуда на Висле», Севрский договор 10 августа 1920 г. передал Польше Западную Галицию, оставив Восточную Галицию в распоряжении государств Антанты.[25] Активнее всего противилась включению Восточной Галиции в состав Польши Великобритания.

Рижский мир 18 марта 1921 г. не внес принципиальных изменений к прелиминарному советско-польскому соглашению. В статье II утверждается, что:

> *«Обе договаривающиеся стороны, согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, т.е. границу между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, составляет линия (…)».*[26]

Эта линия фактически совпадала с той, что была определена прелиминарным соглашением.

Статья VII Рижского мира предусматривала предоставление лицам российской, украинской и белорусской национальностей, перебывающих в Польше, на основе равноправия национальностей всех тех прав, что обеспечивают свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов».[27]

В июне 1922 г. сейм Польши, вопреки решениям Версальской конференции, отклонил проект территориальной автономии Восточной Галиции, выдвинутый ППС, и после этого к вопросу об автономии уже никогда не возвращался.

Тем временем, Польша пыталась превратить свою, санкционированную Версальской конференцией, временную оккупацию Восточной Галиции в международное признание вхождения края в состав Второй Речи Посполитой де-юре. Французскую поддержку обеспечило заключение нефтяной конвенции 6 февраля 1922 г. 3 марта 1921 г. была подписана военная конвенция с Румынией. В чехословацко-польском договоре, заключенном 6 ноября 1921 г., правительство Чехословакии объявило, что не имеет никаких интересов в Галиции. В тайной части договора говорилось, что Чехословакия предоставит Польше дипломатическую помощь в аннексии Восточной Галиции.[28]

14 марта 1923 г. Совет послов Антанты в ответ на предложение Муссолини утвердил решение, ко-

торым признавал за Польшей «суверенное право» на владение Восточной Галицией. Этот документ не был таким уж однозначным, как это принято считать в современной научной литературе. Интерес представляет вступительная часть.

Советский знаток международного права И.С. Перетерский небезосновательно считал, что «для выяснения отдельных статей договора может иметь значение *вступление* или *преамбула* к договору. Нередко в преамбуле излагают в сжатой форме цель заключения данного договора и мотивы, что привели к заключению договора. С юридической точки зрения преамбула является составной частью договора и поэтому обладает той же юридической силой, как и другие постановления договора. В буржуазной литературе по этому поводу высказывались Эрлих, Руссо, Жокл».[29]

Мотивы решения Совета послов от 15 марта 1923 г. изложены во вступительной части Постановления:

> *«Британская империя, Франция, Италия, Япония в качестве великих союзных и дружественных государств, считая, что, согласно ст. 87 п. 3 Версальского договора, им принадлежит право определить еще не указанные в договоре границы,*
>
> *принимая во внимание просьбу польского правительства от 15 февраля 1923 г.;*
>
> *принимая во внимание, что литовское правительство также склонно принять сходное решение;*
>
> *считая, что, согласно ст. 91 Сен-Жерменского договора, Австрия отказалась от своих прав в пользу союзных и дружественных государств на всех территориях, которые принадлежали раньше Австро-Венгерской монархии, и что эти территории, что лежат за новыми границами Австрии, которые указаны в ст. 27 договора, на данное время не выступают предметом споров;*
>
> *считая, что признано, что этнографические условия Галиции требуют предоставления ей автономии;*
>
> *считая, что, по договору 28 июня 1919 г. с Польшей последняя должна обеспечить права национальных меньшинств;*
>
> *считая, что по поводу границы с Россией Польша вступила в непосредственные переговоры с Россией для определения этих границ;*
>
> *считая, что по поводу границ Польши с Литвой необходимо принимать во внимание фактическое состояние дел и соответственное постановление Совета Лиги Наций от 3 февраля 1923 г.,*
>
> *поручили Совету послов решить этот вопрос (…)».*[30]

Как видим, Рижский договор 1921 г. был расценен Великими Державами всего лишь как «вход в непосредственные переговоры» Польши с «Россией» (а не суверенными Россией, Украиной и Белоруссией – тогда можно было бы ссылаться на право наций на самоопределение). Указанный факт не повлиял на намерение Совета послов (прибавим – и право, согласно норм международного права *того времени*) считать себя владельцем суверенных прав на бывшие австрийские земли Восточной Галиции.

15 марта 1923 г. Совет послов «признал» Восточную Галицию за Польшей, одновременно заявив о своем понимании того, что «режим автономии необходим ввиду этнографических условий».[31]

Получив Восточную Галицию на четко определенных условиях предоставления ее населению прав автономии, правительство Второй Речи Посполитой это императивное условие игнорировало.

Международное право, – указывал Д. Анцилотти: «может оказать покровительство национальностям, положив на государства обязательства относительно этих национальностей. Очень важное значение, с этой точки зрения, имеют положения относительно покровительства национальным, религиозным и языковым меньшинствам, что содержатся в мирных договорах: Сен-Жерменском (ст. 62 – 69), Трианонском (ст. 54 – 60), Нейском (ст. 49 – 57), Лозаннском (ст. 37 – 45), и, кроме того, в шести специальных конвенциях, заключенных главными «союзными и объединенными государствами» с теми государствами, которые возродились или значительно увеличили свои территории благодаря этим мирным договорам. Гарантии свободы и равенства, предусмотренные в пользу расовых, религиозных и языковых меньшинств, провозглашены обязательствами международного значения и поставлены под защиту Лиги Наций».[32]

Эта декларированная «защита» – в результате позиции польского правительства – оказалась юридической фикцией. По мнению львовского историка М. Швагуляка, международное признание границ Польши «признавалось за решением Совета Амбассадоров (Послов. – **Прим. авт.**) с условием предоставления Восточной Галиции автономии (…) Украинское общество восприняло этот пункт об автономии как обязательный и поэтому до 1939 года доминировала мысль, что Польша не выполняет взятые обязательства».[33]

В 1943 г. министр польского эмигрантского правительства М. Сейда пробовал расписать

«чрезвычайные усилия возрожденной Польши по скорейшему развитию социальной, экономической и культурной сфере» западных украинцев и западных белорусов.[34] Книжка вышла из печати в Лондоне. Сегодня ни один серьезный исследователь – украинский, польский, английский или американский – не рискнет повторить этот тезис. Факт нарушения конвенционных условий междувоенной Польшей имеет международно-правовое значение. Варшава не только не выполнила обязательства по предоставлению автономии населению Восточной Галиции. Санационные «вожди» отказались от любого сотрудничества с Лигой Наций по вопросу развития населения этих, этнически непольских, территорий, которые Великие Державы на определенных условиях передали Польше на Версальской конференции.

13 сентября 1934 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек в одностороннем порядке огласил Лиге Наций, что его правительство приняло решение полностью отказаться от дальнейшего сотрудничества с международными организациями, которые до этого времени наблюдали за внедрением польской системы защиты национальных меньшинств.[35] Нежелание Второй Речи Посполитой выполнять свои международные обязательства, тем более в такой откровенно демонстративной форме, не способствовало росту ее международного авторитета в глазах мировой общественности.

Украинцы, которые росчерком пера Великих Держав оказались в составе Польши, не считали решение своего вопроса справедливым и не рассматривали его как окончательное. Широко известны слова Евгения Петрушевича, провозглашенные им в 1923 г. на заседании Лиги Наций: «Только голословными заявлениями и протестами, только пассивным ожиданием от мира доброты украинский народ ничего не достигнет, пока не докажет своей воли к государственной независимости активной борьбой».[36] Тем самым бывший диктатор ЗУНР дал понять всему миру, что вопрос далеко не решен.

Москва придерживалась схожего мнения. Как известно, 18 марта 1921 г. в Риге польско-советский Договор был подписан в следующей редакции: «(…) Статья II. (…) восточная граница Польши, то есть граница между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, является линия: (…)».[37] Казалось бы, указанная формулировка не допускала ни единого двузначного толкования. Однако, сразу после заключения Рижского мира между Москвой и Варшавой началась продолжительная дипломатическая переписка с взаимными обвинениями относительно нарушений условий договора.[38] В частности, 19 апреля 1921 г. министр иностранных дел Польши Сапега указывал:

«Польское правительство должно заявить, что точные сведенья, которыми оно владеет, указывают на то, что Правительство РСФСР, несмотря на свои заверения в лояльности, проводит деятельность, которая имеет своей целью оторвать приграничные уезды от Польской Республики и присоединить их к России и Советской Белоруссии».[39]

Советская сторона обвинила Варшаву в поддержке украинского и белогвардейского движения и других нарушениях Рижского трактата.

Но, в скором времени стало известно, что существует более серьезная проблема, чем только «приграничные уезды» – Восточная Галиция. Волынь, населенная украинцами даже в большей мере, чем Восточная Галиция, в советских внешнеполитических документах того времени пока не упоминалась.

Остро реагировал СССР на решение Совета послов о передаче Восточной Галиции Польше (март 1923 г.). 12 марта 1923 г. Народный Комиссар иностранных дел УССР выразил протест против этого «незаконного акта» и заявил, что «правительство Украины будет считать недействительным всякое установление какого-нибудь режима в Восточной Галиции без предыдущего согласия и без опроса самого населения».[40]

13 марта уже Народный Комиссар иностранных дел РСФСР Чичерин обратился к правительствам Франции, Англии и Италии с нотой следующего содержания:

«Если судьба Восточной Галиции, населенной той же народностью, что и союзная России Украина, будет решена без участия Советских Республик, то результатом всего станет образование новых очагов для столкновений в будущем.

Невозможно предположить, что украинский народ останется равнодушным к судьбе своих одноплеменников, которые населяют Восточную Галицию. Если за Рижским договором Россия и Украина отказались от своих прав на территории, размещенные на запад от их новой польской границы, то это нисколько не означает, что судьба этих территорий для них безразлична (…) Было бы ошибочно допускать, что Советские Республики смогут спокойно наблюдать за созданием новых комбинаций, направленных против них. Союзные правительства должны быть предупреждены еще раз, что Советские Республики возлагают на них ответственность за весь ущерб и вред, нанесенный Республикам

вследствие принятых ими решений без участия последних, и что при первом же случае, когда произойдет урегулирование взаимных отношений, Советские Правительства будут требовать соответственной компенсации убытков».[41]

12 июня 1923 г. львовская газета «Дело» поместила выдержки из речи Главы СНК УССР Х. Раковского на II сессии ВУЦИК VII Созыва:

«…Нас обвинили в том, что мы как будто сломали Рижское соглашение, в котором мы будто признали Восточную Галицию польским краем. Этого нет: в Рижском соглашении мы установили только один факт, что ни Советская Россия, ни Советская Украина не имеют никаких территориальных претензий за определенными границами. Но в Рижском соглашении нет и малейшего намека на то, что мы за этими границами будем признавать все акты насилия, которые будут совершать правительства, которые там господствуют (аплодисменты). Никогда мы этого и в мысли не имели, мы никогда не признавали присоединения Восточной Галиции (аплодисменты) к Польше и никогда не признаем!».[42]

Важно отметить, что Кремль не ограничивался только «польским» вектором ревизии установленной в Риге межгосударственной границы. Так, во время работы англо-советской конференции 12 августа 1924 г. была зачитана Декларация правительства СССР, где опять был поднят вопрос о проведении плебисцита с целью выявления преференции населения Восточной Галиции относительно его государственного статуса. Варшава отреагировала на этот демарш совсем миролюбивым правительственным меморандумом (не позднее 5 сентября 1924 г. – **Прим. авт.**), в котором, в частности, говорилось: польское правительство выражает надежду, что правительство СССР, «поскольку оно разделяет стремление польского правительства к поддержанию и укреплению всеобщего мира, больше к вопросу о бывшей Восточной Галиции (…) не будет обращаться».[43]

Наркомат иностранных дел ответил на польский меморандум вербальной нотой от 5 сентября (опубликована в прессе 9 сентября):

«Полностью поддерживая желание польского правительства по поддержанию всеобщего мира и дружественных отношений между двумя странами, Союзное правительство, тем не менее, не может согласится с мыслью польского правительства, что вопроса о Восточной Галиции в международном понимании не существует.

Союзное правительство считает, что обусловленный Рижским договором отказ от его прав и притязаний на территории, расположенные на запад от установленных этим договором границ, не означает еще, что судьба украинской народности, которая составляет более 70 процентов всего населения Восточной Галиции, может быть безразлична для той же украинской народности, которая населяет Украинскую Союзную Советскую Республику, равно как не означает, что Союзное правительство признает за Польской Республикой право на аннексию Восточной Галиции, население которой неоднократно в резких формах высказывало свой протест против включения его в состав Польши.

Союзное правительство не может не отметить, что государства, которые подписали Версальский договор, считали непременным условием признания государственной независимости Восточной Галиции свободное волеизъявление ее населения, и что позднее решение конференции послов упомянутых государств есть грубое нарушение принятых раньше на себя обязательств».[44]

Варшава с некоторым опозданием отреагировала нотой от 15 сентября 1924 г. Ссылаясь на соответствующие статьи Рижского договора, польская сторона высказала мнение, что СССР окончательно передал Восточную Галицию Польше.[45]

Советская позиция заслуживает того, чтобы цитировать ее дословно:

«Цитированные в польской ноте положения ст. 2 и 3 Рижского договора хорошо известны Союзному Правительству, и оно совсем не оспаривает их обязательной силы. В соответствии с международной практикой оно полагает, однако, тем не менее, что отказ какого-нибудь правительства от притязаний на ту или иную территорию или область вовсе не равносилен признанию этим правительством какого-нибудь международного режима, установленного или могущего быть установленным, для данной территории или области. Применительно к Восточной Галиции это означает, что Союзное Правительство не может признать установленный для этой страны международный статут окончательным, поскольку он стал продуктом решения третьих государств, без привлечения к этому

решению Правительства Союза Советских Социалистических Республик. Вместе с тем, Союзное Правительство, в соответствии с основными принципами своей международной политики, считает, что нет и не может быть окончательного решения судьбы какой-нибудь страны до того времени, пока это решение не станет в полном согласии с открытой и ясно высказанной волей ее населения.

Союзное Правительство должно, далее, напомнить, что и с точки зрения самого Польского Правительства восточногалицийский вопрос был вопросом международным до решения Совета послов, последовавшего почти спустя два года после подписания Рижского трактата. То обстоятельство, что Польское Правительство признало это решение окончательно исчерпывающим вопрос, отнюдь не меняет объективного положения вещей, согласно которому решение такого вопроса как восточногалицийский не может воспоследовать без привлечения Союзного Правительства, которое не поручало ни Совету послов, ни Польскому Правительству защиты своих интересов.

В соответствии с приведенными доводами Союзное Правительство никоим образом не может рассматривать восточногалицийский вопрос как внутреннее дело Польской Республики, и продолжает видеть в этом еще не решенную окончательно международную проблему».[46]

Всего лишь за какой-то месяц (между 10 мая и 10 июня 1924 г.) Москва и Варшава обменялись пятью (соответственно, три и две) нотами со взаимными обвинениями в нарушении положений Рижского трактата. В частности, в ноте № 769/ЗП от 10 мая 1924 г. Нарком Чичерин указывал, что:

«Атмосфера ужасного полицейского террора, что свирепствующего на белорусских крессах и в Восточной Галиции, наполняет население этих областей страхом, причем насилие и репрессии не только не утихают, а, наоборот, приобретают регулярный и массовый характер».[47]

В ноте № ЗВ 727 от 29 июля того же года советский нарком обратил внимание польского правительства на игнорирование польской стороной статьи VII Рижского договора, которая на взаимной основе определяла права национальных меньшинств, и добавил, что «сегодня Союзное Правительство считает себя вынужденным напомнить польскому правительству, что суровое и неуклонное соблюдение статьи VII Рижского договора является необходимым условием для установления добрососедских отношений».[48] Выскажем предположение, что статья VII Рижского трактата в 20-е гг. рассматривалась Кремлем как постоянно действующие средство для давления на польское правительство с тем, чтобы потом поставить вопрос о пересмотре условий межгосударственного договора, ввиду того, что его игнорирует польская сторона.

Еще резче звучала тема Западной Украины в выступлениях советских руководителей, которые широко освещались прессой. Например, Л.М. Каганович в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 12-13 марта 1928 г. заявил, что «Советская Украина внимательно следит за всем, что происходит на землях Западной Украины, и ни на минуту не забывает о тех, кто стонет от боярского ярма (то есть Бессарабии – **Прим. авт.**)», а дальше добавил, что Западная Украина – «бесспорная часть всей Украины».[49]

Активность советской дипломатии и политического руководства страны объясняется теми же соображениями, что и аналогичные действия Веймарской республики.

Статья 19 Статута Лиги Наций предусматривала возможность возвращения к пересмотру международных договоров: «Ассамблея может время от времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, что стали не применимыми, а также международных ситуаций, сохранение которых могло б подвергнуть опасности всеобщий мир», провозглашалась целесообразность того, чтобы время от времени международные договора пересматривались и устранялись те из них, которые создают ситуации, скрывающие в себе опасность для мирных отношений между государствами.[50]

Именно такого рода взрывоопасный конфликт назревал в вопросе о Польских границах, что неоднократно декларировалось СССР, Германией (и Литвой). Оставалось ждать удобного случая.

ВКП(б) и Советское правительство не особо скрывало свое отношение к Польше и межгосударственной границе. Даже после заключения советско-польского договора о ненападении от 1932 г. позиция Москвы и Киева не стала лояльнее. Публично высказывалось мнение, что в ближайшем будущем украинские рабочие и крестьяне скинут полицейско-фашистский режим, ликвидируют Малопольшу, и на ее месте создадут свободную от колониального господства рабоче-крестьянскую Западную Украину.[51]

«Тяжелым ярмом, – писал в августе 1932 г. центральный печатный орган ВКП(б), – легла на шеи трудящихся Западной Украины польская ок-

купация».[52] Отметим, также, что еще Пятый Конгресс Коминтерна (1925 г.) своим решением обязал коммунистов Румынии, Чехословакии, Польши бороться за воссоединение украинских земель в составе Украинской ССР.[53] Отмечалось, что украинский вопрос «является одним из главнейших национальных вопросов Средней Европы, решение какого диктуется интересами пролетарской революции как в Польше, Румынии, Чехословакии, так и в соседних странах». Тем самым фактически было подтверждено, что указанный «украинский вопрос» мировым коммунистическим движением не закрыт, и следует ждать дальнейших шагов Москвы и Киева.

Польское государство в период между двумя войнами признавало проблему национальных меньшинств, но пыталось любым образом ее уменьшить. Показательной в этом отношении была позиция Ст. Грабского – известного политического деятеля, депутата еще I российской Государственной Думы, лидера Партии народной демократии (эндеков), а потом вице-президента Краевой Рады Народовой. В своих работах Грабский отстаивал мысль, что стародавним населением между Сяном и Збручем всегда были поляки, которых будто бы в 981 г. завоевал киевский князь Владимир. После этого на протяжении трех столетий проходила русификация поляков, в результате чего в Малопольше Восточной и появились русины. «Есть на земле Червенской такого русифицированного населения польского происхождения около 1,5 млн.», – подытоживал профессор и ставил задачу «отпольщения этой людности».[54]

Границы Польши активно оспаривались, по крайней мере, двумя странами, которые небезосновательно претендовали на роль Великих Государств. Но, если к Германии тогдашняя Польша не имела территориальных претензий, то с Советской Украиной вопрос стоял иначе

Отрицать преимущественно украинский (или «русинский») характер населения так называемой «Восточной Малопольши» было неудобно даже для польских политиков. Вместе с тем, не вызывает сомнения тот факт, что польское и, в большей степени, население, говорившее на польском языке, преобладало в крупных и средних городах, особенно в Львове, в то время как в сельской местности почти всюду численно доминировали украинцы.

Министерство иностранных дел Польши в феврале 1939 г. утверждало, что принадлежность региона Восточной Галиции к Польше есть условие проведения независимой международной политики страны. С целью обезвреживания попыток распространения украинской агитации с территории Закарпатской Украины на Восточную Галицию Советом Министров Второй Речи Посполитой был разработан проект специального постановления. Он, в частности, предусматривал переселение с пограничной полосы граждан, которые «вели антигосударственную агитацию», и другие действия с целью укрепления «польского элемента»: предоставление преимуществ школам с польским языком преподавания, ревиндикацию населения польского происхождения, опеку «осадництва» и др.[55] Через год уже Сталин начнет первую депортацию польского населения из зоны будущего советско-польского конфликта. Советские власти в воссоединенной Галиции будут укреплять теперь уже «украинский элемент» через кадровую политику, школьное дело и т.д.

Границы Польши активно оспаривались, по крайней мере, двумя странами, которые небезосновательно претендовали на роль Великих Держав. Но, если к Германии тогдашняя Польша не имела территориальных претензий, то с Советской Украиной вопрос стоял иначе. Приверженцев сформулированной еще Ю. Пилсудским концепции *прометеизма* «не устраивала пассивная роль барьера между «цивилизацией» (Западной Европой) и варварским «азиатско-византийским Востоком» (Россией), которую готовили Польше ее союзники, у них на этот счет была своя точка зрения. Они хотели видеть пресловутую разделительную линию по Двине и Днепру, которая, к тому же, тянулась бы от Балтики до Кавказа. Территории и народы вдоль этой линии должны были сформировать союз в форме федерации при лидерстве и координации, конечно же, могучей самостоятельной Польши».[56] На руинах российской коммунистической империи должна была появиться федерация полузависимых от Польши государств: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и др., которые будто бы являются неспособными к самостоятельному государственному строительству.

При этом Польша не собиралась быть бездеятельным наблюдателем ожидаемого ею распада СССР. В преддверии Второй мировой войны польское военное командование разработало два стратегических плана: «Восток» и «Запад». Первый из них предусматривал ведение «оборон-

На руинах российской коммунистической империи должна была появиться федерация наполовину зависимых от Польши государств: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и др., которые будто бы являются неспособными к самостоятельному государственному строительству

ной» войны против СССР при взаимодействии с Румынией и с условием получения материальной помощи западных государств. Работы над созданием плана «Восток», пишет польский историк В. Влодаркевич, были окончены уже в феврале 1939 г. и только тогда «в связи с возрастающей угрозой со стороны Германии *ускорено начало* (выделено мной. – **Прим. авт.**) приготовления операционного плана «Запад».[57]

Вопреки укоренившейся в современной польской историографии мысли, что антисоветский план будто бы носил «оборонный» характер, польские военные не исключали и откровенно агрессивных действий. Как указывал варшавский исследователь М. Сивицкий, «еще после разгрома Карпатской Украины весной 1939 г. бывшие старшины петлюровской армии, которые работали на контрактах в Генеральном Штабе польского войска, разрабатывали проект организации партизанской армии, которую должны были создать после начала советско-немецкой войны».[58]

Оставляли желать лучшего и отношения Польши с Литвой.

«Преследуя советские войска, – пишут львовские полонисты Л. Зашкильняк и М. Крикун, – поляки вошли на литовские земли. Ю. Пилсудский отдал приказ ген. Л. Желиговскому под видом «бунта» захватить Вильно и провести там запланированные заранее акции. В октябре 1920 г. так называемая польско-литовская дивизия под командованием Л. Желиговского вошла в Вильно. Тут была создана Правительственная комиссия, которая провозгласила создание Серединной Литвы и проведения плебисцита на территории Виленщины и Сувальщины. В 1922 г. были проведены выборы в Виленский сейм, в которых приняло участие 64 % населения (литовцы и белорусы объявили бойкот). Сейм постановил присоединить Серединную Литву к Польше. Литва не признала захват Виленщины и требовала возвращения этих земель. В апреле 1922 г. Ю. Пилсудский осуществил торжественный акт объединения Серединной Литвы с Польшей. Литовское правительство в Каунасе объявило состояние войны с Польшей, длившееся до 1938 г.».[59]

Литовское противостояние польским притязаниям не было дипломатической игрой – дело доходило до вооруженных столкновений на границах. Так, во время аннексии Австрии Германией Варшава спровоцировала инцидент на польско-литовской границе, который санационная пропаганда раздула до невероятных размеров. Не выглядит странным и тот факт, что осенью 1939 г. официальный Каунас не спешил никоим образом выразить сочувствие Варшаве и с энтузиазмом воспринял «возвращение» бывшего польского Вильно в состав Литвы – под историческим литовским названием Вильнюса.

Международное право, относящееся ко времени между двумя мировыми войнами, допускало возможность изменения межгосударственных границ и активных методов давления заинтересованной стороны на своего контрагента. В случае с Польшей задание упрощалось в силу определенных черт национального характера поляков, присущих в полной мере и высшему политическому и военному руководству страны. «Сосредоточить все внимание мира, – писал украинский эмигрантский историк М. Лищинский, – на пограничном конфликте с Польшей не было Гитлеру тяжело. Бренчание сабельками на демонстрациях по улицам городов Польши и шовинистические настроения поляков и их прессы были известны всему миру. Программа польского Союза «Зем Заходних», пронизанная планами избавления от признаков немецкого меньшинства в Польше, и декламация про «Польшу моцарствову» отравляли спокойствие гарантам независимости Польши и были большим диссонансом в разговорах об исправлении пограничного конфликта».[60]

Замечания, высказанные в адрес польского общественного мнения, шовинисткой прессы и ультрапатриотических организаций, справедливы и в отношении политики правительства. ■

---

1 См.: **Газін В.В.** Економіка і зовнішня політика Веймарської республіки (1925 – 1933 рр.): східноєвропейські аспекти. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільська міська друкарня, 1993. С. 36 – 37.

2 **Станевич М.** Сентябрьская катастрофа / Пер. с польск. П. Зяблова и В. Павловича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 57.

3 Там же. С. 173.

4 **Газін В.В.** Указ. соч. С. 83.

5 **L. Enrlich.** Poland and Danzig. (Odbitka z «The Nineteenth Century and After». Kwiecen, 1925). London: Tonbridge, [s.a.], 1925. P. 9.

[6] История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919 – 1939 гг.) / Под ред. Д.В. Юдицкого, С.М. Майорова. М.; Л.: Госполитиздат, 1945. С. 389.

[7] **G. Weinberg.** The Foreign Policy of Hitler's Germany. Diplomatic Revolution in Europe 1933 – 1936. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 57.

[8] Там же.

[9] **Ширер У.** Взлет и падение Третьего рейха: В 2-х томах / Пер. с англ. с предисловием и под ред. О.А. Ржешевского. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 458.

[10] **Манусевич А.Я.** На пути к катастрофе (Из истории внешней политики Польши в 1938 – 1939 гг.) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: АН СССР, Институт славяноведения и балканистики, 1989. С. 38.; **O. Terlecki.** Pulkownik Beck. Krakow: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. S. 238.

[11] **Станевич М.** Указ. соч. С. 194.

[12] **Горват Л.І.** До питання про українсько-румунські відносини у час Карпатської України / Науковий збірник Товариства «Просвіта» в Ужгороді. Річник IV (XVIII). Карпатська Україна: Національне відродження. Політичний розвиток. Персоналії: // Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 60-річчю Карпатської України. Ужгород: Два кольори, 2000. С. 68 – 69.

[13] **Станевич М.** Указ. соч. С. 199.

[14] **J. Meystowicz.** Wspomnenia ze sluzby zagranicznej // Przed Wrzesniem i po Wrzesniu. Ze wspomnien mlodych dyplomatow II Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1998. S. 28.

[15] **J.T. Shotwell, M.M. Laserson.** Poland and Russia. 1919 – 1945. 2-nd printing. New York: Kings Crown Press, 1945. P. 15 – 16.

[16] **Васюта І.К.** Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918 – 1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 31.

[17] **J.T. Shotwell, M.M. Laserson.** Указ. соч. P. 39.

[18] **Лозинський М.** Галичина в рр. 1918 – 1920. Відень, 1922. С. 110.

[19] История дипломатии… Т. 3. С. 79 – 80.

[20] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 2 // Акты дипломатии иностранных государств. М.: Госиздат, 1929. С. 35.

[21] Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. А.С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. С. 236.

[22] Документы внешней политики СССР. Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 244.

[23] **M. Seyda.** Poland and Germany and the post-war reconstruction of Europe. New York: Polish Information Center, 1943. P. 26.

[24] **R. Debicki.** Foreign Policy of Poland. From Rebirth of Polish Republic to World War II. New York: Frederick A. Praeger, 1962. P. 34.

[25] **Сливка Ю.Ю.** Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920 – 1939). Киев: Наукова думка. 1985. С. 20.

[26] Документы внешней политики СССР… Том 3. С. 619.

[27] Там же. С. 626 – 627.

[28] **Сливка Ю.Ю.** Указ. соч. С. 34 – 36.

[29] **Перетерский И.С.** Толкование международных договоров. М.: Госюриздат, 1959. С. 108 – 109.

[30] **Циммерман М.А.** Очерки нового международного права: Пособие к лекциям. Мирные переговоры. Лига Наций. Постоянная палата Международного Суда. Прага, 1923. С. 92 – 93.

[31] **J.T. Shotwell, M.M. Laserson.** Указ. соч. P. 39.

[32] **Анцилотти Д.** Курс международного права / Пер. с 4-го итал. издания. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 128 – 129.

[33] Україна-Польща: важкі питання // Матеріали II міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини в 1918 – 1947 роках» (Варшава, 22 – 24 травня 1997 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 210.

[34] **M. Seyda.** Указ. соч. P. 28.

[35] **J.T. Shotwell, M.M. Laserson.** Указ. соч. P. 23.

[36] **Кульчицький В.С., Тищик Б.Й.** Історія держави і права України: Навчальний посібник. – Киев: Атіка, 2001. С. 184.

[37] Документы внешней политики СССР… Том 3. С. 619.

[38] Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921 – 1924 гг.) / Отв. ред. С.А. Лозовский. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. С. 88 – 141.

[39] Там же. С. 92.

[40] Известия. 1923. 14 марта.

[41] Внешняя политика СССР… С. 722.

[42] Раковскій про прилучення Східної Галичини до Польщі (з промови у Всеукраїнськім Центр. Виконавчім Комітеті у Харкові). Діло. 1923. 12 червня.

[43] Внешняя политика СССР… С. 919.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 920.

[46] Там же. С. 921.

[47] Там же. С. 889.

[48] Там же. С. 893 – 894.

[49] **Канюк С.І.** Буковина в румунській неволі. Харків: Державне видавництво України, 1930. С. 133.

[50] **Шуршалов В.М.** Основания действительности международных договоров. М.: АН СССР, 1957. С. 110 – 111.

[51] **Постишев П.П.** Виступ на III з'їзді колгоспників-ударників Київської області про соціалістичне будівництво в УРСР та соціальний і національний гніт у Західній Україні // Боротьба за возз'єднання Західної України з Українською РСР. 1917 – 1939: Зб. документів і матеріалів. Киев: Наукова думка, 1979. С. 411.

[52] Правда. 1932. 5 августа.

[53] Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Часть II (Приложения). М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 127.

[54] **S. Grabski.** Ziemia Czerwicska, odwieczna, nierozerwalna czesc Polski. Lwow: TSL, 1939. S. 3 – 4.

[55] **M. Siwicki.** Dzieje konfliktow polsko-ukrainskich. T. 3. Warszawa, 1994. S. 289 – 315.

[56] **Симонова Т.М.** Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42.

[57] **Влодаркевич В.** Стратегічне значення Східної Галичини напередодні другої світової війни // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. Івано-Франківськ, 2001. № 5–6. С. 343 – 344.

[58] **Сивіцький М.** Польсько-український конфлікт 1943 – 1944 // Календар-альманах «Нового шляху» на 1993 рік. Торонто, 1993. С. 116.

[59] **Зашкільняк Л.О., Крикун М.Г.** Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2002. С. 455.

[60] **Ліщинський М.** Як Гітлер провокацією підготовив світову війну // Вісті комбатанта. 1965. № 5. С. 32.

Дмитрий Суржик

Оружие слова

Советская спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны

К XX веку развитие телекоммуникационных и информационных технологий позволило говорить о возможности широкомасштабного применения «информационного оружия».

Первый опыт советской спецпропаганды относится к годам гражданской войны. Решение о создании центрального военно-политического органа, призванного руководить всей партийно-политической работой в Вооруженных Силах, было принято VIII съездом ВКП(б) в 1919 году. Созданное еще в апреле 1918-го, Всероссийское бюро военных комиссаров 18 апреля 1919 г. было преобразовано в Политический отдел РВС Республики, переименованный 15 мая 1919 г. в Политическое управление РВС Республики – ПУР. Система руководства партийными органами была закреплена в Уставе РКП(б) от 1919 года.

В годы Гражданской войны ПУР вел работу по руководству политорганами РККА, а с переходом на мирное положение стал называться Политуправлением Красной Армии (ПУРККА).

Основными средствами советской пропаганды в годы Гражданской были печатные материалы и выступления комиссаров перед войсками. В качестве их краеугольной темы выступали классовая борьба и построение общества нового типа. Эти призывы, хотя и не имели системного характера, были довольно эффективными. Отчасти вследствие их в 1919 году по войскам интервентов (особенно, расквартированным на черноморском побережье) прокатились волна мятежей, например, в 55-м пехотном полку под Тирасполем или на броненосцах «Жан Барт» и «Франс» в Севастополе в 1919 г. Уже через пару месяцев Антанта убедилась в неэффективности действий своих войск на юге, и интервенция была прекращена. По этому поводу Ллойд Джордж, выступая в Палате общин, говорил: «Я уверен, что если англичане попытаются послать еще войска в Россию, то произойдет восстание. Отправлять наших солдат на подавление большевиков – значит своими руками создавать большевиков здесь».[1]

В 1937 г. Политуправление Красной Армии было переименовано в Главное управление политической пропаганды, а соответствующие управления округов и отделы соединений – в управления и отделы политической пропаганды. Пропагандистская работа ГлавПУРа до конца 1930-х годов велась, в основном, внутри армии. В октябре 1940 года был создан отдел пропаганды среди войск и населения противника Главного управления политической пропаганды Красной Армии, позднее – Седьмое (специальное) управление Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В советскую военную историю эта структура вошла под именем Управления специальной пропаганды.

12 октября 1940 года Главным управлением политической пропаганды РККА была издана директива о ведении идеологической работы в отношении войск противника. Стержневой в этом документе являлась мысль о том, что «в деле защиты завоеваний социализма заинтересованы трудящиеся всех стран и что, следовательно, необходимо и возможно «политически отвоевать» у империалистов их собственных солдат».[2]

М.И. Калинин вручает М.И. Бурцеву орден Красного Знамени

Основными средствами советской пропаганды в годы Гражданской были печатные материалы и выступления комиссаров перед войсками, посвященные классовой борьбе и построению общества нового типа

Необходимость ведения советской спецпропаганды объяснялась приближением очагов войны к советским границам. Однако к началу Великой Отечественной войны формирование данных отделов военных округов и отделений в армиях завершено не было. В политических органах внутренних округов, авиации и Военно-Морского Флота такие отделы не создавались. Должности инструкторов по работе среди войск и населения противника предусматривались лишь в политотделах стрелковых дивизий. Основной трудностью была нехватка специалистов со знанием немецкого языка. Другой сложностью явился острый дефицит необходимой материальной базы (звуковещательной техники, передвижных типографий). Данные проблемы стали следствием ошибочной установки руководства ВКП(б) на то, что, якобы, после начала фашистской агрессии против СССР трудящиеся Германии восстанут в поддержку «оплота мирового социализма».

С первых дней Седьмой (специальный) отдел (позднее – управление) пропаганды возглавил Михаил Иванович Бурцев, имевший к тому времени практический опыт организации информационно-пропагандистской работы среди японских и финских войск. Первоначально (21 марта 1940 года) в состав управления входило 16 человек: начальник, заместитель, 9 старших инструкторов по странам и армиям, 2 переводчика, библиотекарь, секретарь и машинистка.[3]

Армейский комиссар 2 ранга Л.З. Мехлис

Органами специальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны стали Главное политическое управление Красной Армии (Гл. ПУ РККА или ГлавПУРККА), Главное Политуправление РККФ и Советское информационное бюро. Эти ведомства вели общеполитическую агитационную работу на страны с фашистскими режимами и нейтральные СССР государства, целями которой были:

- подрыв общественно-политической системы и идеологических устоев фашизма;
- формирование враждебного фашизму общественного мнения;
- призыв к сопротивлению.

Другим аспектом деятельности советской спецпропаганды была оперативная работа непосредственно с войсками противника, которая велась фронтовыми, армейскими и дивизионными политорганами. Ее целью был подрыв их морального состояния и боеспособности. В качестве материалов использовались сведения о потерях в прошедшем бою, обращения сослуживцев и командиров к солдатам определенных воинских частей. Построенные на примерах из ежедневного быта, эти материалы, по мнению некоторых исследователей, были наиболее эффективны в начале войны.[4]

С первых дней войны до лета 1942 г. пропагандистская работа в войсках находилась под общим руководством Л.З. Мехлиса. Однако после сдачи Крыма он (как член Военного совета фронта) потерял все посты, а Гл. ПУ РККА и Совинформбюро возглавил А.С. Щербаков. Следует отметить роль, которую отводили пропаганде в

А.С. Щербаков на Западном фронте. Лето 1942 г.

Органами специальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны стали Главное политическое управление Красной Армии, Главное Политуправление РККФ и Советское информационное бюро

Ставке Верховного Главнокомандования (СВГК): и Мехлис, и Щербаков имели воинские звания не ниже генерал-полковника и оба в свое время являлись заместителями наркома обороны СССР.

Уже 22 июня 1941 г. Седьмой отдел ГлавПУРККА был реорганизован в управление. Штат был расширен до 35 человек (27 военнослужащих и 7 гражданских) пропагандистами из иностранных коммунистических партий, в том числе и из Германии. В нем были созданы два отдела: по пропаганде на Германию и ее союзников, а также на оккупированные страны. Первый возглавил батальонный комиссар И.С. Брагинский, а второй – специалист по славянским странам, батальонный комиссар С.А. Лесневский.[5]

25 июня 1942 года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) «в целях сосредоточения руководства всей военно-политической пропагандой и контрпропагандой среди войск и населения противника» был создан Совет военно-политической пропаганды. В состав бюро вошли Л.З. Мехлис (позднее его сменит А.С. Щербаков), А.А. Жданов, Д.З. Мануильский, В.С. Кружков, П.Г. Пальгунов, И.В. Рогов (начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота) и С.А. Лозовский. (2-го июля в число участников был введен также М.Б. Митин.)[6] На своем первом заседании 26 июня 1942 г. Совет рассмотрел конкретные мероприятия по реализации решений ЦК ВКП(б). Их целью было устранить бюрократию, способствовать живому общению пропагандистов с войсками противника, поощрять инициативу офицеров спецпропаганды.

Газета «Свободное слово», выпускавшаяся 7 управлением ГлавПУРРКА для немецких военнослужащих

Das freie Wort

Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion

Sammlung

Für die Bildung eines deutschen nationalen Komitees!

На заседаниях Совета военно-политической пропаганды анализировалась обстановка, определялись сильные и слабые стороны противника, оценивались исторические, социальные и национальные особенности вражеских стран и их армий и с учетом характера боевых операций определялись тематика, основные тезисы и аргументы пропаганды, лозунги и призывы. Совет осуществлял координацию военно-политической пропаганды среди войск и населения противника, которую проводили военные и партийные органы.

На первом заседании, в том числе, были определены основные направления, по которым следовало осуществлять идеологическую работу с личным составом войск и населением стран фашистского блока, а также мировым сообществом. Выполнение данных задач было возложено, соответственно, на Гл. ПУ РККА, Советское информбюро и международный отдел ЦК ВКП(б), которые находились под контролем А.С. Щербакова. Деятельность Совета получила в целом высокую оценку у исследователей.[7]

Для получения и накопления своевременной, достоверной и наиболее полной информации использовались следующие методы и источники:

а) политические допросы военнопленных, проводившиеся, как правило, в политотделах армий и реже – в политотделах дивизий;

б) анализ документов противника (архивов, приказов, распоряжений, методических материалов, военной и гражданской прессы, партийной, научной и справочной литературы, кинокопий, грампластинок, личной и служебной переписки, рапортов, личных дел, удостоверений, фотоматериалов, дневников и др.), захваченных в бою, изъятых у убитых и пленных, добытых разведорганами и трофейными командами;

в) составление военно-политических характеристик (формуляров) на дивизии противника (всего за время войны их было составлено более 400); составление тематических досье по отдельным направлениям (о морально-психологическом состоянии отдельных категорий военнослужащих, социальных слоев общества, о положении дел в странах – союзницах Германии, об отношении солдат противника к конкретным военным

и политическим событиям, нашей спецпропаганде и др.);

г) составление обобщающих информационных сводок и обзоров о моральном духе и настроениях противника для наших войск и др.

Важным источником сведений о противнике для спецпропагандистов стали работники Коминтерна. Члены национальных секций ИККИ давали свои рекомендации о содержании и аргументах пропаганды, помогали в изучении трофейных документов и опросах военнопленных.[8]

Несмотря на описанные ранее сложности, офицеры советской спецпропаганды смогли быстро включиться в работу. В первый день войны состав управления был расширен за счет гражданских специалистов до 35 человек, которые работали в двух редакциях: немецкой и польской.[9] В условиях тотального дефицита средств эти специалисты проявляли творчество, инициативу и мужество. На третий день войны были выпущены первые газеты для военнослужащих противника на их родном языке. Это были: «Грайул либер» («Голос свободы») – для пленных румын, «Уйсо» («Свободное слово») – для венгров, «Альба» («Заря») – для итальянцев и бюллетень для австрийских солдат, мобилизованных в вермахт.

Советская листовка. Фрау рвет портрет Гитлера. На обороте – стихотворение Эриха Вайнерта «Я обвиняю!». Последние строки стихотворения гласят: «Германия моя, восстань! Народ, свергай его!»

В первый год войны выпускалось десять газет и один иллюстрированный журнал на немецком, румынском и финском языках.[10]

За первые 12 дней войны было издано и распространено в расположении войск и в тылу противника 66 видов листовок, лозунгов, обращений общим тиражом 90 млн экземпляров.[11] Тогда же стали выпускаться тематические брошюры: «Международная информация», «Известия с фронта», «Что происходит в Германии», «Как живут военнопленные в Советской России».

Главными видами листовок были официальные заявления, выступления и документы; информационные, тематические листовки, а также варианты с письмами и обращениями военнопленных; листовки-лозунги, листовки-пропуска. Они выпускались, как правило, двух размеров – 1/16 и 1/32 печатного листа. В зависимости от времени года цвет бумаги выбирался с таким расчетом, чтобы агитационный материал быстрее бросался в глаза. Однако, чтобы противник не сразу разобрался, что это наша листовка, в ряде случаев одна ее сторона имитировалась под немецкие письма полевой почты, обрывки фашистских фронтовых газет или под какой-либо документ. К тому же, такие листы солдатам легче было утаить от командиров. В листовке обычно в сжатой форме излагался один основной вопрос, уже выраженный в заголовке. Поэтому личному составу противника было легко воспринимать ее содержание и запоминать содержащуюся в ней информацию.[12]

В советских агитационных материалах активно обращались к авторитетным немецким деятелям, которые предупреждали против войны с Россией: Фридриху Великому, Бисмарку. Приводились их слова, делался фотомонтаж.

В то же время, в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах страны на семи волнах работали мощные радиостанции. Они вели ежедневно 14 радиопередач общей продолжительностью 5 часов на немецком, финском, румынском и польском языках. Во фронтах и некоторых армиях функционировали трофейные радиостанции. Наряду с вещанием на массовые аудитории делались попытки воздействия на солдат противника, работающих на средствах связи, и их ближайшее окружение. Необходимость такой формы работы обосновывалась тем, что в дивизиях противника постоянно функционировало около 50 радиостанций и раций, у которых находилось порядка 200 военнослужащих – потенциальных объектов воздействия.[13]

Для вещания на личный состав войск противника в прифронтовой полосе использовались также мощные громкоговорящие установки (МГУ),

усиливающие звук до 2-3 километров. На первом этапе войны их было 20, но вскоре советская промышленность приступила к масштабному выпуску. Подобные установки изготовлялись также силами и средствами фронтов и армий.

К осени армейские политорганы стали получать новые звуковещательные средства. Ленинградский райком ВКП(б) Москвы помог политотделам 342-й и 356-й дивизий в изготовлении на предприятиях столицы двух звуковещательных станций (ЗВС). Подхватив эту инициативу, отдел снабжения Главного политического управления, возглавляемый генерал-майором И.А. Лосиковым, организовал производство таких агитмашин в мастерских. А несколько позже промышленность приступила к выпуску окопных громкоговорящих установок (ОГУ), которые усиливали звук: слышимость достигала одного километра. Эти установки придавались политотделам стрелковых дивизий.[14]

С 26 июня 1941 года сотрудники 7-го управления ГлавПУРККА и их коллеги-краснофлотцы активно приступили к решению главных пропагандистских задач, поставленных руководством страны:

1) разоблачить Гитлера и фашистских лидеров как врагов немецкого народа;

2) убедить в справедливом, освободительном характере войны со стороны Советского Союза;

3) доказать неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов;

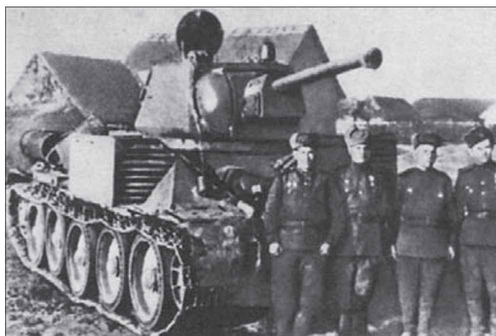
4) побудить вражеских солдат к сдаче в плен;

5) обострить противоречия, существовавшие внутри стран «оси»;

6) разъяснять миролюбивые планы Советского Союза среди населения освобождаемых от фашистского режима территорий.

Акцент в советских пропагандистских материалах, как и ранее (в годы Гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией, а также на Халхин-Голе и под Хасаном) делался на том, что солдаты противника – это рабочие и крестьяне, поставленные под ружье. При этом подразумевалось, что под воздействием советской пропаганды они скоро перейдут на сторону государства трудового народа. Сторонники иной точки зрения, которые говорили, что такие призывы останутся без ответа, подвергались «проработке» по партийной линии.[15] Однако советские обращения к вражеским солдатам не учитывали реалий жизни немцев, которые были материально обеспечены и идеологически обработаны нацистским режимом.

На начальной стадии войны против СССР немецко-фашистские войска в морально-психологическом плане представляли собой сплоченный,

Экипаж агиттанка Т-34 перед выходом на передний край. В машину вмонтирована громкоговорящая установка

единый организм, уверенный в легкой военной победе. Из пяти с лишним миллионов солдат и офицеров вермахта, вторгшихся в пределы СССР, около трех миллионов были членами НСДАП.[16] Главным фактором, повлиявшим на перемену настроений военнослужащих, стали военные поражения. Первые трещины в победных эмоциях появились в конце августа 1941 года. Сопротивление на оккупированной территории росло, надежда на быструю победу таяла. Анализ трофейных документов, в том числе писем немецких солдат, позволил советскому командованию составить динамику изменения морально-психологического состояния немецких войск в ходе битвы за Москву. Так, недовольство войной выказывали: в июне-августе 1941 г. – 18,5 %; сентябре-октябре – 43 %; ноябре-декабре – 77 %. Доля профашистски настроенных солдат за июнь-декабрь 1941 г. упала с 20 % до 10 %.[17]

Свое разочарование реальным положением дел на московском направлении высказывал, например, ефрейтор Макс Х. из 268-й пехотной дивизии 4-й армии. 2 сентября он сообщил:

> *«У нас наступили скверные времена и большие потери. Уже в течение пяти недель мы лежим на одном и том же месте, и по нам все интенсивнее стреляет русская артиллерия. До Москвы еще 150 км... Полагаю, что мы уже понесли достаточно потерь. Нам также постоянно обещают, что возвратят домой, но все время впустую...».*[18]

Тогда же, в октябре 1941 года, пленные антифашисты приняли важный политический документ – «Декларацию требований германского народа». В ней открыто осуждались война и фашизм, основной акцент делался на противопоставлении немецких промышленников, богатеющих от военных заказов, и рядовых немцев, несущих все тяго-

В комиссию по работе с военнопленными входили общественные и политические деятели Германии, находившиеся в эмиграции.

ты войны. В первый день оглашения Декларации ее подписали 42 пленных, через несколько дней – еще 116 человек. Поэтому документ вошел в историю как «Обращение 158».[19]

Политическая работа среди военнопленных проводилась под руководством Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), Главного политического управления Красной Армии и Флота, активное участие в ее организации принимали деятели международного коммунистического движения (Исполком Коминтерна, а после его роспуска в 1943 г. – Международный отдел ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, МИД СССР).

При ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по работе с военнопленными, в которую входили общественные и политические деятели Германии, находившиеся в эмиграции. Называлась эта организация «Институт №99». Она играла активную роль в организации антифашистской работы среди военнопленных. В числе сотрудников института были В. Ульбрихт, А. Аккерман, К. Фишер, П. Флорин и другие. Начальник института Михаил Козлов одновременно числился «управляющим делами» комитета «Свободная Германия». Методическое руководство осуществлялось Международным отделом ЦК ВКП(б), возглавляемым Георгием Димитровым.[20]

Основными мероприятиями по работе с военнопленными были:

- различные пропагандистские действия: митинги, собрания, доклады, лекции, дискуссии с привлечением активистов лагерной группы;
- создание различного рода организаций, союзов, кружков военнопленных, ведущих пацифистскую и антиправительственную пропаганду;
- привлечение военнопленных для выступлений по радио (телевидению) на аудиторию противника, для выпуска информационно-пропагандистских материалов;
- опросы военнопленных с целью получения информации о морально-политическом состоянии противника, другой разведывательной информации;
- склонение военнопленных к участию в боевых действиях на своей стороне.[21]

Один из ярких примеров советской спецпропаганды в годы войны – распространение среди войск противника обращения немецких солдат, добровольно перешедших на сторону Красной Армии. Перед самым началом военных действий солдат вермахта Альфред Лискоф перешел на советскую сторону и сообщил о готовящейся агрессии против СССР, он также написал одну из первых военных листовок, в которой он осуждал преступный характер развязанной Гитлером войны.

Центрами работы с военнопленными были тыловые лагеря. Для работы в них были направлены агитбригады, в состав которых входили писатели (в том числе, указанные немецкие эмигранты-

Листовка с обращением немецкого антифашиста Альфреда Лискофа, осуждающая преступный характер развязанной гитлеровцами войны. А. Лискоф до начала военных действий переплыл Буг, сообщив советскому командованию о предстоящем нападении фашистских войск на СССР

ERZÄHLUNG DES DEUTSCHEN SOLDATEN
ALFRED LISKOF

Ich bin in Sowjetrußland. Mein Kopf kann diesen einfachen und frohen Gedanken noch gar nicht fassen. Aber meine weit aufgerissenen Augen, mit denen ich die vor mir liegende neue Welt betrachte, sagen mir, daß ich nicht schlafe, daß ich das alles nicht etwa träume, sondern in wachem Zustand sehe.

Der Wunsch, der verhaßten Welt der Hitlerei zu entfliehen, reifte schon seit langem in mir. Aber es mußte eine günstige Gelegenheit abgewartet werden. Und nun war dieser günstige Augenblick da.

Ich war Soldat im Flecken Tiljasch, nahe an der Grenze, unweit der Sowjetstadt Sokal. Noch vor dem denkwürdigen Tag, dem 22. Juni, begannen wir alle klar zu fühlen, daß irgend etwas Großes im Anzug ist. Aber was?

„Etwa der Krieg gegen die Sowjetunion?" fragte ich mich. „Sollte Hitler so verrückt sein, sich auf dieses wahnwitzige ‚Abenteuer' einzulassen?"

ALFRED LISKOF

Und da beschloß ich, nach Sowjetrußland zu fliehen. Ich wartete ab, bis der Angriffsbefehl gegeben war, und schwamm dann nachts über den Fluß. Am Sowjetufer fiel ich sofort den Grenzern in die Hände. Man nahm mich hier freundschaftlich auf. Man gab mir Kleider, Schuhzeug und zu essen.

Wie wenig glich das alles dem, womit man uns deutsche Soldaten ins Bockshorn jagte! Die Faschisten bleuen jedem Soldaten ein, er dürfe sich nicht gefangengeben, denn in Sowjetrußland erwarte ihn Marter und Pein, würde er [illegible] werden. Das ist eine freche Lüge, berechnet darauf, den deutschen Soldaten einzuschüchtern. In Sowjetrußland behandelt man den gefangenen Soldaten so gut, wie ihn die Faschisten niemals behandelt haben, wie sie ihre Gefangenen niemals behandeln.

Группа работников Главного политического управления после вручения правительственных наград. В первом ряду третий справа – А.С. Щербаков

антифашисты), художники (к выпуску листовок привлекались также и Кукрыниксы),[22] советские ученые-лингвисты[23] и кинооператоры. В общей сложности, на фронтах работало от 150 операторов (примерно такое же число их коллег действовало, когда открылся второй фронт в Нормандии).[24] Они проводили индивидуальные и коллективные беседы с военнопленными, организовывали собрания, митинги, конференции, вечера вопросов и ответов, читали лекции, распространяли политическую и художественную литературу. Ни один агитационный материал не отдавался в печать без визы кого-либо из названных немецких литераторов. Бехер даже был некоторое время редактором немецкой газеты Die Wahrheit, издававшейся политуправлением Западного фронта.

В лагерях военнопленных активно действовали национальные организации: румынский «Национальный блок», итальянский «Союз гарибальдийцев», национальный комитет «Свободная Венгрия», австрийский «Антифашистский союз» и, особенно, национальный комитет «Свободная Германия», созданный 12-13 июля 1943 года немецкими общественными деятелями (В. Ульбрихт, В. Пик, В. Флорин, В. Бредель, А. Аккерман, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, А. Курелла) в Красногорском лагере для военнопленных. Первоначально в эту организацию вошло всего 38 человек, 13 из которых были политэмигранты, военнопленные были представлены солдатами и младшими офицерами. 11-12 сентября 1943 г. в Лунево было проведено учредительное собрание, на котором присутствовали более 100 делегатов и представители НКСГ во главе с поэтом Э. Вайнертом. На нем было объявлено о создании антифашистского офицерского органа военнопленных – Союза немецких офицеров. В его руководство вошли: генерал от артиллерии Вальтер фон Зейдлиц (президент), генерал-лейтенант Александр

Немецкие антифашисты-политэмигранты и военнопленные на Учредительной конференции Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ). 12-13 июля 1943 года

фон Даниэльс, полковник ван Гоовен и полковник Штейдле (вице-президенты). Были объявлены цели Союза: заключение мира между Германией и СССР, а также обращение к германскому народу и армии с призывом сместить гитлеровское правительство. Были также приняты «Декларация о целях и задачах Союза немецких офицеров» и «Обращение к немецким генералам и офицерам! К немецкому народу и армии!». Собрание получило подробное освещение в советских информационных изданиях.[25]

НКСГ имел собственную радиостанцию «Свободная Германия», которая ежедневно официально обращалась к немецкой и мировой общественности. Она комментировала текущие военные и политические события, транслировала проповеди. Другой важной задачей была передача фамилий военнопленных, так как в Германии их объявляли убитыми или пропавшими без вести.[26]

«Свободная Германия» активно сотрудничала с Красной Армией. Во второй половине 1943 г. в штат политуправлений фронтов была введена новая должность – «доверенное лицо НКСГ», а в дивизии – «помощник доверенного лица НКСГ». Они получали довольствие по нормам рядовых, а также 200 рублей ежемесячно. На каждого работавшего в войсках активиста НКСГ заводилось личное дело, в котором записывались сведения о проделанной им работе, давалась характеристика его политических взглядов. В 1944-1945 гг. в каждой общевойсковой (танковой) армии работали 8-12 штатных активистов НКСГ. В начале 1945 г. общее число специалистов, участвовавших в ведении пропаганды на войска вермахта, составляло 2000 человек. Доверенные лица НКСГ, а также группы НКСГ имелись также во всех лагерях военнопленных и фронтовых антифашистских школах.[27]

Штаб-квартира НКСГ в Красногорском лагере для военнопленных

В октябре-ноябре 1943 г. по согласованию с политуправлением Красной Армии генерал фон Зейдлиц и полковник ван Гоовен выехали на Северо-Западный фронт, так как ударная группа Зейдлица в свое время воевала на этом участке. Генералом были написаны письма к командующим 16-й и 18-й армий и командующему группой «Норд», составлены листовки, проведены беседы с уполномоченными Национального комитета «Свободная Германия», записаны пластинки с выступлениями. Члены СНО приняли участие в выпуске курсантов антифашистской школы.[28]

В феврале 1944 г. группа немецких антифашистов во главе с генералами Зейдлицем и Корфесом приняла участие в работе по агитации в германских войсковых частях, окруженных в районе г. Корсунь-Шевченковский. Зейдлиц и Корфес встречались с генералом армии Ватутиным, с которым был согласован план мероприятий. Было отпечатано и сброшено с самолетов 500 тыс. экземпляров обращения Зейдлица к офицерскому корпусу и солдатам окруженной группировки с призывом прекратить сопротивление во избежание бессмысленных жертв. Несмотря на это, взаимоотношения офицеров-антифашистов с руководством советской спецпропаганды и немецкими коммунистами были весьма напряженными, внутри СНО существовала оппозиционная ячейка.[29]

«Свободная Германия» и Союз немецких офицеров были наиболее массовыми и влиятельными организациями германских военнопленных. При участии эмигрантов выпускался ежемесячный иллюстрированный журнал «Фрайес Дойчланд им билд» и еженедельная газета «Фрайес Дойчланд». Значительная часть их тиража сбрасывалась на фронте. Восемь раз в сутки осуществлялось радиовещание на немецкие войска и население. На первой странице газеты печаталась черно-бело-красная полоса – цвета Веймарской республики.

Однако политическая принадлежность (КПГ и СДПГ) и отсутствие среди руководства «Свободной Германии» авторитетных военачальников снижали авторитетность его пропаганды на вермахт. В связи с этим развернулась активная деятельность среди немецких военнопленных. Во всех 300 лагерях действовали отделения «Свободной Германии». Перелом в настроениях офицеров и генералов произошел в 1943 г. Тогда в Союз немецких офицеров вошли 600 человек, около 400 офицеров вступили в румынскую добровольческую дивизию, 133 офицера разной национальности поступили в антифашистскую школу. К 1945 г. почти 90 процентов немецких солдат, более 7 тысяч офицеров и 51 генерал присоединились к НКСГ.[30]

Эффективность деятельности немецких антифашистов значительно повысилась после привлечения к ней сдавшегося в плен генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Первоначально он высказывался против таких действий своих соотечественников, которые, по его мнению, задевали честь и достоинство солдат и офицеров. Эта позиция во многом мешала деятельности СНО. Однако позднее, под влиянием событий на фронте и в мире он был вынужден, как впоследствии признавал сам Паулюс, «выйти за узкие рамки военного мышления и задуматься над общими политическими взаимосвязями».[31] 8 августа 1944 г. Ф. Паулюс впервые публично выступил с заявлением, в котором сказал:

> *«Считаю своим долгом заявить, что Германия должна устранить Адольфа Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нынешним противником».*[32]

Эти слова, широко распространенные на фронте и в Германии, привлекли пристальное внимание военнослужащих вермахта. Как свидетельствовали сами пленные, повсюду в частях солдаты и офи-

Пленный генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс подписывает обращение 50 генералов к немецкому народу и армии. Октябрь 1944 года

Президент Союза немецких офицеров генерал от артиллерии Вальтер фон Зейдлиц

церы обсуждали их вопреки строгому запрету командования. С этого момента Паулюс пересмотрел свои позиции по отношению к антифашистскому движению. 14 августа он вступает в Союз немецких офицеров. Обращение Паулюса было передано по радио, листовки с его текстом забрасывались в расположение вермахта.

Немецкое командование организовало ответную контрпропагандистскую кампанию, в ходе которой распространялся циркуляр генерала танковых войск барона фон Люттвица, где утверждалось, что все обращения от имени немецких военнопленных и даже их фотографии – не что иное, как фальсификация. Генерал фон Зейдлиц был обвинен в предательстве и в апреле 1944 г. заочно приговорен к смертной казни, так же как и руководство Национального комитета «Свободная Германия».

Командование германской армии тоже пыталось организовать воинские формирования из военнопленных и определенных групп населения оккупированных территорий. На руку немецким контрпропагандистам было отношение сталинской системы к советским военнослужащим, попавшим в плен, а также недовольство репрессированных, раскулаченных и коллаборационистов.

Летом 1944 г. – весной 1945 г. УПВИ (Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД) совместно с армейскими органами организовало неоднократные выступления фон Зейдлица и Паулюса по радио. 29 генералов во главе с Паулюсом подписали обращение к армейской группе «Норд» с призывом прекратить сопротивление и избежать бессмысленного кровопролития; 31 генерал и 8 полковников призвали немецкую армию повернуть оружие против Гитлера. «Война проиграна! Каждый день ее продолжения влечет за собой новые бессмысленные жертвы и превращает нашу родину в груды развалин» – говорилось в обращении. В немецком тылу было распространено воззвание к немецкому народу с призывом выступить против Гитлера и прекратить войну. Оно было подписано 50 военнопленными генералами.

Листовка-пропуск для немецких солдат, сдающихся в плен

Каждое такое решение нелегко давалось немецким офицерам. В их душе происходила сложная борьба между сознанием гибельности политики Гитлера для германского народа и понятием офицерской чести. Они не без оснований опасались за судьбу своих родственников в Германии. Многие члены семей военнопленных, принявших участие в антифашистском движении, были отправлены в немецкие концлагеря.

Политическая работа с военнопленными не ограничивалась действиями по разложению вражеской армии силами антифашистски настроенных военнопленных. Солдаты и офицеры не немецкой национальности привлекались для службы в национальных воинских частях, которые участвовали в освобождении Европы от фашизма.

Организация воинских формирований в советском тылу была сопряжена с большими трудностями. Решения о создании таких частей принимались на самом высоком уровне, отбор в них проводился весьма тщательно. С привлечением военнопленных были созданы польская армия генерала Андерса и дивизия имени Т. Костюшко под командованием генерала Берлинга, две румынские дивизии, велась работа по формированию венгерской добровольческой дивизии, 1 500 французских военнопленных были переданы армии генерала де Голля. Известно, что в сентябре 1943 г. – феврале 1944 г. и в «Меморандуме», и в других документах фон Зейдлиц обращался к руководству УПВИ с предложениями об организации германской воинской части, он видел себя во главе освободительной немецкой армии. Однако на создание подобных формирований советское руководство так и не пошло.

Советская спецпропаганда в войсках противника проводилась весьма успешно, о чем свидетельствуют документы Генерального штаба вермахта. Морально-боевой дух вермахта, которого геббельсовская пропаганда готовила к молниеносной победе, дал первые трещины уже после битвы под Москвой. Судя по тематике бесед офицеров с солдатами, проводившихся в конце 1941 года, они были надломлены, в солдатской среде отмечались кражи и нежелание воевать.[33] Однако, вплоть до Сталинградской битвы массовой сдачи в плен немецких военнослужащих не наблюдалось. В качестве контрпропагандистской меры германское руководство требовало уничтожать личные письма и рисунки.

Усталость от войны, попытки самострелов отмечала и директива «О сохранении здорового

духа войск» от 14 августа 1942 года. Сами солдаты 197-й пехотной дивизии, находившейся в составе группы армий «Центр», писали о падении дисциплины и частых случаях дезертирства.[34] Уже 10 декабря 1941 года ее начальник генерал Йодль подписал директиву «О контрпропаганде», в которой подчеркивалось, что «пропаганда русских может повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для германской армии и народа».[35] Красноречиво о том же говорил приказ главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича под названием «Духовное воспитание в армии и привитие мировоззрения»:

> *«В связи с затянувшейся войной боеспособность войск зависит, в значительной мере, от духа и морального состояния армии. Если летом 1941 года военные действия требовали полного напряжения душевных и физических сил армии, то предстоящая зима на просторах оккупированных районов и на большом расстоянии от родины предъявит особые требования в отношении морального напряжения сил. Особой заботой командиров рот и взводов в эти месяцы является поддержка бодрости духа и воодушевления воли...».*[36]

В «Контрразведывательном бюллетене» штаба 2-ой германской армии от 3 ноября 1942 года отмечалось:

> *«Находящиеся на восточном фронте войска буквально наводнены разлагающими советскими листовками и слухами... Большевистская разлагающая пропаганда и ее методы продуманы и систематизированы. Становится все заметнее тенденция разъединить немецкий народ с фюрером, вбить клин между партией и вооруженными силами... Советская пропаганда работает как истинно массовая пропаганда на широчайшей базе: она никогда не рассчитывает на сословия и группы, рассчитывает всегда на массы. С ними говорит она народными, солдатскими и специфически местными выражениями, дает возможность немцам обращаться к немцам».*[37]

Эти слова были оправданы, ибо всего за время Великой Отечественной войны ГлавПУРККА было издано и распространено свыше 20 тысяч наименований различного вида пропагандисткой литературы на 20 иностранных языках общим тиражом 2 миллиарда 706 миллионов экземпляров, в том числе 10 миллионов экземпляров газет, 10 миллионов 200 тысяч агитационных брошюр. Остальное количество составили различные виды листовок и обращений. За все время войны проведено более миллиона устных передач на войска Германии и ее союзников с использованием порядка 500 громкоговорящих установок, тысяч мегафонов, 372 вариантов патефонных пластинок тиражом 71 881 экземпляр и т.д.[38]

В 1942 г. в полном масштабе развернулись контрпропагандистские мероприятия вермахта. Они были вызваны необходимостью как информационной защиты для вновь прибывших частей, так и укрепления состояния войск в условиях затяжной войны. Особенно это было важно в обстановке тяжелых боев в Сталинграде. Именно тогда в немецких солдатах зарождается сомнение в дальнейших перспективах войны. Вот что писал брату ефрейтор Вальтер Опперман: «Сталинград – это ад на земле, Верден, Красный Верден с новым оружием. Мы атакуем ежедневно. Если нам удается утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно». Вильгельм Мушинг писал: «До Дона война была еще терпима, но теперь русский стал наносить такие удары, что мы часто впадаем в полнейшее отчаяние. Здесь истребляются целые роты и батальоны, даже полки, без остатка. Сталинград стоит больше жертв, чем весь Восточный поход».[39]

Вслед за ураганным огнем советских артиллерии и авиации летели листовки, действие которых усиливалось отчаянным положением захватчиков. Однако первые сведения, поступавшие из политорганов, свидетельствовали о том, что немецкие солдаты в массе своей, а тем более старшие офицеры и генералы, не считали Сталинград прологом разгрома нацизма. Геббельсовская пропаганда называла окружение многотысячной группировки «допустимой в войне неудачей», которая не повлияет на исход войны.

22 ноября 1942 года началась одна из наиболее успешных спецпропагандистских акций – операция «Кольцо». Руководство ею осуществлял начальник седьмого отдела политуправления Юго-Западного фронта полковник А.Д. Питерский. В ходе мероприятий только на первом этапе (т.е. после сброса листовок с указанием пунктов для сдачи в плен) 1200 румынских солдат и офицеров покинули позиции. В своих письмах – «приветах на родину», написанных в советском плену, они благодарили судьбу. Эта корреспонденция, подобно листовкам, была сброшена на окопы других румынских дивизий.

Советские пропагандисты использовали самые разнообразные виды наглядной агитации: не только листовки-пропуска в плен, но также еже-

дневный бюллетень о положении окруженных. Однако практика заброски на вражеские позиции пленных немцев с предложением капитуляции пока не давала успеха. Верные понятиям долга и чести, окруженные офицеры расстреливали парламентеров. Под Сталинградом, без какого-либо сопротивления, сдались в плен еще 30 000 румын, в том числе 3 генерала и 130 высших офицерских чинов.[40]

В годы коренного перелома в войне советская спецпропаганда приобретает максимальную эффективность. Причина этому тому, помимо военных успехов Советской Армии, в том, что нацизм терял все большее число пропагандистов, а у заменявших их солдат и офицеров уже не было прежней уверенности в победе. Напротив, советская спецпропаганда постоянно обогащались новыми приемами и методами. С ноября 1943 года по 7 апреля 1944 года (до начала Крымской операции) пропагандисты вели массированное наступление на солдат противника – среди них было распространено около 4,5 миллиона экземпляров листовок, не говоря уже об агитпередачах, причем на этот раз, в отличие от обычной практики, Военный совет фронта разрешил с целью устрашения выпускать «предупредительные» листовки о предстоящем крупном наступлении превосходящих сил Красной Армии. Более того, командующий 51-й армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер стал использовать пропаганду наподобие артподготовки, точно нацеленным воздействием ослабляя моральные силы противника на направлении своего удара. «Это были незабываемые дни, – признавался пленный румынский лейтенант из 11-й пехотной дивизии. – Мы походили на затравленных зверей: с одной стороны – удары ваших частей, а с другой – атаки вашей пропаганды, буквально не дававшей нам покоя и совершенно замучившей нас своей неотвязной настойчивостью».[41]

Из листовок с текстом приказа генерала армии К.К. Рокоссовского об отношении к военнопленным, немецкие солдаты и офицеры узнали, что сдавшимся в плен обеспечивалась «в течение ближайших 5-6 часов горячая пища», а раненым и больным – «немедленная медицинская помощь»

В освобожденной Польше. Редакция фронтовой газеты «Нове жице» (слева направо): С.М. Партасенок, А.П. Лебедев (редактор), Л.Я. Прокша

В начале лета 1944 года политорганы Красной Армии провели две крупные спецпропагандистские кампании, связанные с открытием второго фронта и с трехлетием развязанной Гитлером войны против СССР. Целью первой было развенчать миф о расколе между союзниками по антигитлеровской коалиции. Главным доказательством здесь стала высадка союзников в Нормандии. А вторая кампания заключалась в выпуске (под редакцией Д.З. Мануильского) листовок на тему «Уроки трех лет войны с Россией». Их выводом было: крах гитлеризма неизбежен, поэтому сопротивление советским войскам бессмысленно.

Немецкие военнослужащие оперативно извещались о результатах ударов Советской Армии в ходе освобождения Белоруссии. Агитация с передовых позиций подкреплялась деморализацией окруженных изнутри. 24-26 июня в котел под Витебском было направлено до 50 антифашистов-агитаторов; 35 из них привели с собой свыше 2000 солдат и офицеров.[42] В районе Бобруйска в плен сдалось 4 генерала и большое количество старших офицеров.[43]

Большое воздействие на окруженных оказал приказ командующего фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского об отношении к военнопленным. Из листовок с текстом этого приказа, распространенных в котле, немецкие солдаты и офицеры узнали, что начальнику тыла фронта предписано, «в связи с наплывом большого количества военнопленных, создать дополнительное количество лагерей», а солдатам и офицерам фронта – «соблюдать вежливое и корректное отношение к военнопленным», которым тем же приказом обеспечивалась «в течение ближайших 5-6 часов горячая пища», раненым и больным – «немедленная медицинская помощь». Кончался приказ словами: «Виновных в нарушении настоящего приказа подвергать строгому наказанию».[44]

Еще одним важным фактором, оказывающим влияние на морально-боевой дух вермахта, в это время стала насильственная мобилизация на военную службу жителей оккупированных территорий.

Чтобы не разрушать европейские столицы, превращенные гитлеровцами в крепости, советским войскам было запрещено использовать дальнобойную артиллерию и авиацию. В это время активно применяется практика забрасывания в тыл военнопленных с целью морального разложения войск противника

В некоторых дивизиях численность «легионеров» достигала 30 %, в то время как в начале «Восточной кампании» вермахт был однороден. Подобные изменения, по мнению руководства советской спецпропаганды, негативно сказывались на психологии войск противника.[45] Тяжелую атмосферу подтверждали найденные в 1944 году личные документы убитых немецких военнослужащих. «Теперь, когда мы по горло сыты войной, – было написано в дневнике убитого старшего врача из 27-й пехотной дивизии Германа Шнайдера, – никто не думает о победе, у каждого только и есть на душе, чтобы уцелеть, выбраться из этого ада, выжить. Теперь солдаты все чаще вспоминают листовки 1941-1942 годов, которые предупреждали, что Германия будет разбита. Раньше мы этому не верили. Теперь каждый видит, что русская пропаганда говорит правду. Ее листовки – это капли, долбящие гранит. Они научили нас немножко заглядывать в будущее и критически относиться к своим правителям».[46]

Немецкие военнослужащие по своей инициативе создавали подпольные группы. В апреле 1944 года в 12-й немецкой танковой дивизии, дислоцировавшейся в Курляндии, существовала подпольная организация «Свободная Германия». «За попытку мятежа» военный трибунал приговорил 7 солдат к расстрелу и 14 солдат к различным срокам тюремного заключения.[47]

Приказ № 70 Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1944 года поставил перед офицерами ГлавПУРа новые задачи (расширение работы пропаганды на страны фашистского блока). В ходе освобождения Европы населению объяснялось, что СССР не имеет в отношении их стран экспансионистских намерений, а присутствие советских войск вызвано только военной необходимостью. При этом особое внимание уделялось расколу войск противника по национальному признаку (на оккупантов и их пособников). Вся тяжесть военных преступлений возлагалась исключительно на СС. В целях разъяснения этого офицеры седьмых отделов активно сотрудничали с представителями местных коммунистических партий.

Во время освобождения Европы офицеры спецпропаганды были на переднем краю. С риском для жизни они отправлялись парламентерами. По мере приближения к Германии росло сопротивление немецких войск, запуганных посредством геббельсовской пропаганды ужасами советского плена. Фашистским «солдатам последнего часа» насаждалась ненависть. В Венгрии немецкое командование пошло даже на убийство парламентеров.

Чтобы не разрушать европейские столицы, превращенные гитлеровцами в крепости, советским войскам было запрещено использовать дальнобойную артиллерию и авиацию (например, в Познани). Поэтому, чтобы снизить потери среди штурмующей пехоты, активно применяется практика забрасывания в тыл военнопленных с целью морального разложения войск противника. В ходе битвы за Берлин за период с 16 апреля по 2 мая 1945 г. в противостоящие части противника было заброшено 210 немцев, из них 146 военнопленных солдат и офицеров и 64 немца из состава гражданского населения. Плененные офицеры, в том числе высшие, неоднократно подтверждали, что во всех случаях отпуск военнопленных являлся самой действенной формой пропагандистского воздействия со стороны противника.[48] Как сообщал начальник политотдела 3-й ударной армии начальнику политуправления 1-го Белорусского фронта:

> *«В результате заброски вернувшиеся обратно привели с собой 2215 немецких солдат и офицеров, в том числе заброшенные немцы из гражданского населения привели с собой 1615 немецких солдат и офицеров… Заброска военнопленных в части противника приняла широкий характер и производилась не только инструкторами по работе среди войск противника, но и командирами частей и заместителями командиров полков и батальонов по политчасти».*[49]

После победы над Германией Седьмое управление получило задачу готовить агитационные материалы против Квантунской армии. Здесь имелись некоторые наработки. Политорганы Забайкальского и Дальневосточного военных округов располагали кадрами. Пригодился опыт Халхин-Гола и Великой Отечественной войны. Последний еще в 1944 году был обстоятельно проанализирован в труде, подготовленном работниками политуправления Забайкальского военного округа под руководством аналитически мыслящего, весьма квалифицированного спецпропагандиста майора Кара-Мурзы, в прошлом журналиста-международника.[50] После перехода советскими войсками границы на их сто-

рону перешли насильно мобилизованные монголы, китайцы и корейцы. Мирное население помогало с организацией госпиталей.

В ходе капитуляции японского гарнизона в Харбине работники отделения спецпропаганды политотдела 1-й Краснознаменной армии убедили плененного генерал-лейтенанта Симидзу, командующего 5-й японской армией, написать обращение к своим частям, находившимся в отрыве от места дислокации штаба, с указанием прекратить борьбу. Эта акция армейских политработников была тем более своевременной, что японские войска, несмотря на то, что император Японии запросил мира, продолжали отчаянно сопротивляться. После того, как было распространено обращение Симидзу, в плен сдались около 600 тысяч японских солдат и офицеров, из них 480 тысяч – основная масса – уже в ходе общей капитуляции.[51]

После капитуляции Квантунской армии особое значение приобрела работа спецпропагандистов в лагерях военнопленных, чтобы в Японию вернулись сторонники мира с СССР.

Деятельность Седьмого управления в ходе Великой Отечественной войны обогатила теорию и практику спецпропаганды. Были признаны его значение и возможности как эффективного средства подрыва морально-боевого духа войск противника в интересах выполнения боевых задач. Известный американский специалист в области психологической войны М.А. Лайнбарджер говорил:

> *«В своей специальной пропаганде русские были в одинаковой степени прямы и реалистичны. Они напомнили немцам о предупреждении Бисмарка не применять свои силы на Востоке. Они использовали каждый пропагандистский прием, о котором когда-либо можно было слышать, пленных они превратили в свой актив, используя их в пропаганде, и сагитировали целый штат немецких генералов принять участие в движении «Свободная Германия».*[52]

В то же время, пропаганда не может долгое время быть успешной без надлежащего фактического наполнения. Пропаганда – это приукрашенная правда, но не абсолютная ложь. В ходе Великой Отечественной войны, как отмечают современные исследователи, основное влияние на пленных оказывала не столько сама советская спецпропаганда, сколько положение на фронтах и их бытовые проблемы.[53] Тем не менее, опыт Великой Отечественной войны свидетельствует: идеологическое оружие, ни в коем случае не подменяя собой реальное, способно вносить свой немалый вклад в победу, обеспечивая достижение победы меньшей кровью и с большей эффективностью. ■

---

1 Цит. по: **Волковский Н.Л.** История информационных войн. Ч. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 145 – 146.

2 **Бурцев М.И.** Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 26.

3 **Константинов А.А.** Он словом правды побеждал врага. // Независимое военное обозрение. 2007 г. 12 июля.

4 **Волковский Н.Л.** Указ. соч. С. 382 – 383.

5 Там же. С. 378.

6 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 35.

7 **Андреев П.П.** История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1960. С. 344.

8 **Волковский Н.Л.** Указ. соч. С. 379.

9 **Константинов А.А.** Указ. соч.

10 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 70.

11 Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1971. С. 23.

12 **Соловьян В.А.** На МГУ по дорогам войны // Особый фронт. С. 78 – 79.

13 **Варин В.И.** Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании третьего периода Великой Отечественной войны (январь-май 1945 г.). С. 150.

14 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 47, 50.

15 **Торсуков Е.Г.** Архангельский Демосфен // Красная звезда. 2008. 02.21.

16 **Попов И.М.** Советская специальная пропаганда на вермахт: некоторые уроки и выводы / (Персональная страница И.М. Попова) // Военная история и футурология: материалы международной конференции по военной истории, август 2003. URL: http://milresource.ru/Presentation-SP.html (дата обращения: 07.06.2009).

17 Там же.

18 **Мягков М.Ю.** «Я умру, я это чувствую...» – так писал своей жене германский солдат под Москвой // Красная звезда. 2002. 02.09.

19 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 68.

20 Документы Русской истории. 1993. № 10. С. 86 – 87; Там же. 1994. № 3. С. 102 – 107; Исторический архив. 1994. № 5. С. 136 – 164.

21 **Крысько В.Г.** Указ. соч. С. 44.

22 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 42.

23 Адам В. Катастрофа на Волге. Смоленск: Русич, 2001. С. 367 – 373.

24 **Копалин И.** Операторский фронт / Лекция во ВГИКе, 15 марта 1958 г. // сост. С. Ишевская. URL: http://

www.kinozapiski.ru/article/343/ (дата обращения: 06.06.2009).

25 Правда. 1943. 09.20.

26 **Торсуков Е.Г.** Правнук Бисмарка сотрудничал с Красной Армией // Независимое военное обозрение. 2003. 08.06.

27 Там же.

28 Документы русской истории. 1993. № 10. С. 93 – 94.

29 Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР. Пленный немецкий генерал в послевоенной ситуации / Публикация Л.Г. Бабиченко // Документы русской истории. 1996. № 1. С. 51 – 59.

30 **Крысько В.Г.** Указ. соч. С. 44.

31 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 191.

32 **Крысько В.Г.** Указ. соч. С. 44.

33 **Мягков М.Ю.** Вермахт у ворот Москвы, 1941-1942. М., 2005. С. 231.

34 Там же. С. 235.

35 **Старунский А.Г.** Спецпропаганда // PEACEKEEPER.RU: независимое информационное обозрение. 2005. 26 окт. URL: http://www.peacekeeper.ru/ru/index.php?mid=688. (дата обращения: 07.06.2009).

36 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 71.

37 Там же. С. 119.

38 Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1971. С. 128.

39 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 122.

40 Там же. С. 126.

41 Там же. С. 223.

42 Там же. С. 232.

43 Там же. С. 235.

44 Там же. С. 236.

45 Там же. С. 202.

46 Там же. С. 203.

47 Там же. С. 201.

48 **Крысько В.Г.** Указ. соч. С. 126.

50 Донесение начальника политотдела 3-й ударной армии начальнику политического управления 2-го Белорусского фронта о работе по разложению берлинского гарнизона в ходе наступления // Русский архив. – Т. 4(5): Великая Отечественная война. М., 1995. С. 235.

51 **Бурцев М.И.** Указ. соч. С. 309.

52 Там же. С. 312.

53 **Торсуков Е.Г.** Указ. соч.

54 **Крысько В.Г.** Указ. соч. С. 45.

Александр Дюков

«Докладные Берия»
и проблема достоверности статистики советских репрессий

Изучение репрессивной политики советской власти невозможно без привлечения достоверной статистической информации. Только располагая соответствующей статистикой, мы можем проследить масштаб, динамику и направленность репрессий, делать предположения об их целях и задачах. Без точных данных исследования советской репрессивной политики оказываются лишены фундамента, превращаются в конъюнктурные спекуляции «на заданную тему».

Однако выявление достоверной статистики – дело не столь легкое, как может показаться. В российских и зарубежных архивах отложилось большое количество внутренних документов органов НКВД–МГБ, содержащих статистические данные по репрессивной политике вышеуказанных ведомств. Количество этих документов огромно; здесь есть и первичные данные, собранные территориальными органами внутренних дел и госбезопасности, и их обобщения, подготовленные уже в центральных аппаратах соответствующих ведомств, и итоговые справки, направлявшиеся руководству страны.

Первичные данные, разумеется, являются наиболее достоверными источниками. Сфальсифицировать огромный массив первичных данных невозможно, да и не нужно – ведь каждая из этих многочисленных докладных записок и информационных сообщений сама по себе мало что значит; она является лишь крошечным фрагментом общей картины.

К настоящему времени, однако, далеко не все первичные данные рассекречены и не все рассекреченные – введены в научный оборот. Таким образом, воссоздание полномасштабной картины советской репрессивной политики на основании таких материалов оказывается невозможным из-за фрагментарности источниковой базы. Именно поэтому историки, изучающие советские репрессии, обращаются к итоговым справкам о деятельности органов НКВД–МГБ, содержащим столь необходимые исследователям статистические данные.

Однако итоговые справки должны подвергаться гораздо более тщательной источниковедческой критике, чем первичные материалы. Как минимум некоторые из них готовились не столько в информационных, сколько в политических целях; следовательно, в содержащихся в этих документах данных могут быть заложены серьезные искажения. Отказ от учета этой возможности зачастую приводит к использованию ложных данных, что, в свою очередь, ставит под вопрос достоверность выводов исследователя.

Именно такую ошибку совершил вполне добросовестный исследователь, эстонский историк Тыну Таннберг, в 2005 году опубликовавший статью «Новый курс Л. Берии по подавлению движения сопротивления в Балтии и в Западной Украине весной 1953 года».[2] В качестве достоверного

Таблица 1.
Масштабы репрессий в республиках Прибалтики и на Украине в 1944 – 1953 гг. на основании докладов Л. Берии[1]

Вид репрессий	Эстония	Латвия	Литва	Украина	Всего
Арестовано	45056 – 66,8 %	72975 – 61,3 %	130337 – 47,2 %	134467 – 27,4 %	382835 – 40,1 %
Убито «бандитов»	1495 – 2,2 %	2321 – 2,0 %	20005 – 7,2 %	153259 – 31,2 %	177080 – 18,6 %
Депортировано	20919 – 31,0 %	43702 – 36,7 %	126037 – 45,6 %	203737 – 41,4 %	394395 – 41,3 %
Всего	67470 – 100 %	118998 – 100 %	276379 – 100 %	491463 – 100 %	954310 – 100 %

источника в данной статье использованы так называемые «докладные Берия» – комплекс докладных записок о положении в западных республиках СССР, подготовленных по заказу Л. Берия в мае – июне 1953 года. Таннберг использовал эти записки не только в качестве источника по истории «нового курса Берии», но и как исходный материал по советской репрессивной политике в республиках Прибалтики и на Украине. На основании «докладных Берия» Таннбергом была составлена следующая таблица (см. табл. 1).

Аналогичные данные на основании все тех же докладных приводит российский историк Елена Зубкова в своей монографии «Прибалтика и Кремль».[3]

К сожалению, и Таннберг, и Зубкова ошибаются. Приводимые ими данные советских репрессий из «докладных Берия» не являются достоверными и не могут быть использованы при исследовании советской репрессивной политики в Прибалтике и на Украине.

* * *

Смерть Сталина в марте 1953 года ознаменовала собой начало масштабной борьбы за власть между председателем Совета министров СССР Г. Маленковым, с одной стороны, министром внутренних дел СССР Л. Берия и секретарем ЦК КПСС Н. Хрущевым – с другой. Одним из важных элементов этого противоборства стал вопрос о положении в западных областях СССР.

Начиная с апреля 1953 года, в МВД начался сбор негативной информации о положении в республиках Прибалтики и на Западной Украине. К началу мая собранная информация была положена в основу первой «докладной Берия» – доклада «О ситуации в Литовской ССР», 8 мая направленного главой МВД СССР в Президиум ЦК КПСС. Спустя неделю, 16 мая, в Президиум ЦК была отправлена новая докладная «О ситуации в западных областях Украинской ССР», подписанная опять-таки Берия.[4] Обе докладные записки были выдержаны в весьма мрачном тоне. Согласно им, борьба с националистическим подпольем и бандформированиями в обеих республиках велась «неудовлетворительно», а жертвами репрессий со стороны органов МВД–МГБ за 1944 – 1953 гг. в Литве стало более 276 тысяч, а на Западной Украине – более 491 тысячи человек.

26 мая на основании этих докладов были утверждены два постановления Президиума ЦК КПСС, в которых вина за сложившееся положение была возложена на ЦК республиканских компартий и республиканские Советы министров. В постановлениях руководству Украинской и Литовской ССР было предписано «в ближайшее время добиться ликвидации буржуазного националистического подполья», проводя одновременно выдвижение на руководящие должности национальных кадров.[5]

8 июня в президиум ЦК КПСС была направлена новая докладная записка «О положении дел в Латвийской ССР», подготовленная уже не Берия, а Хрущевым. Содержательная же часть докладной была идентична предыдущим: националистическое подполье не подавлено, репрессии со стороны советских властей были «огульными», необходимо выдвигать национальные кадры.[6]

Примерно в то же время в Президиум ЦК КПСС поступила еще одна докладная, подписанная Хрущевым – на сей раз о «неудовлетворительном» положении в Белорусской ССР.[7] Одновременно, под руководством Хрущева готовились еще две записки – по Молдавии и Эстонии.[8] Проект записки по положению в Эстонии был предоставлен заведующим отделом ЦК Е. Громовым своему непосредственному начальнику Хрущеву 20 июня 1953 года.[9] Однако оказаться оформленным в качестве докладной в Президиум ЦК КПСС этому документу было не суждено: 26 июня Берия, инициировавший разработку предыдущих записок, оказался арестован.

Таблица 2.

Статистика советских репрессий на территории Западной Украины за период 1944 – 1953 гг. в докладных П. Мешика и Л. Берия[12]

	П. Мешик, 22.04.1953 г.	Л. Берия, 16.05.1953 г.
Убито бандитов и бандпособников	153259	153259
Арестовано	103003	134467
Депортировано	203737	203737

Поскольку логического завершения история «докладных Берия» (под этим термином мы понимаем всю совокупность подготовленных для Президиума ЦК КПСС докладных записок о положении в западных регионах страны) не обрела, историкам остается лишь строить предположения, зачем подготовка этих документов понадобилась главе МВД СССР в самый разгар серьезной борьбы за власть. Наиболее вероятным, на наш взгляд, выглядит предположение историка Юрия Жукова, считающего, что таким образом Берия готовил ловушку для своего главного соперника Маленкова:

> *«Должен был собраться президиум ЦК. А на нем выступил бы Берия – или, может быть, Хрущев, Молотов, Булганин – и выдвинул обвинения в адрес Маленкова. На него возложена была бы вся ответственность за положение дел в Прибалтике, западных областях Белоруссии и Украины, а заодно – за все репрессии послевоенного периода, за поддержку Абакумова, Рюмина… Выступили бы и другие, усугубив вину Маленкова, приведя новые «факты» его серьезных политических ошибок. Затем большинством в семь, а возможно, и в девять голосов Президиум освободил бы Георгия Максимилиановича от обязанностей председателя Совета Министров СССР, вывел бы его из состава Президиума…»*[10]

Несомненная политическая значимость «докладных Берия» заставляет критически подойти к их содержанию. Перед историками встает принципиально важный вопрос: насколько содержащиеся в этих документах данные достоверны, не сфальсифицированы ли они в политических целях?

Вопрос о достоверности содержащихся в «докладных Берия» данных о размахе советских репрессий возник практически сразу после ареста Берия. На состоявшемся в июле 1953 года пленуме ЦК КПСС первый секретарь ЦК компартии Литвы А. Снечкус произнес следующую речь:

> *«Теперь несколько слов о том, как составлялась записка Берия… Ее составлял не Шария, о котором упоминали, ее составлял в основном другой кудесник в генеральской форме – Сазыкин. Этот Сазыкин был в Литве два раза, но в ЦК не зашел, и ЦК не знал даже, что тот в Литве был, был инкогнито…*
>
> *Товарищи из МВД Литвы сначала возражали против многих положений в записке Берия, но были вынуждены затем подписать документ после непристойных грубостей. Товарищ Мартавичус – заместитель министра внутренних дел Литовской ССР – пишет так: «Докладная записка, составленная нами,… была весьма самокритичная докладная записка, но Берия она не удовлетворила. Он обвинил нас в сокрытии действительного положения в Литве (хотя этого руководство Литвы даже в мыслях не допускало). Берия обругал нас самой низкопробной бранью, пригрозил и заставил переделать в угодном ему духе, то есть раздуть состояние действующего националистического подполья и руководящих центров католического духовенства, показать их массовыми, строго организованными и централизованными, находящимися вне нашего поля зрения. Что касается националистического подполья, такого положения у нас в республике нет, но мы вынуждены были так это подполье описать, как хотелось Берия. На мои возражения Берия против этой необъективной*

Таблица 3.
Статистика советских репрессий
на территории Эстонии за период 1944 – 1953 гг. в докладных М. Крассмана и Е. Громова[16]

	М. Крассман, 04.06.1953 г.	**Е. Громов, 20.06.1953 г.**
Арестовано органами госбезопасности	18772	18772
Арестовано органами милиции и прокуратуры	26284	26284
Убито как участников банд нацподполья	1495	1495
Выслано из пределов республики	20919	20919
Всего	67470	67470

Таблица 4.

Статистика борьбы с националистическим подпольем и националистическими бандформированиями в период с 1944 по 1953 гг. по справке 4-го отдела МВД ЭССР и документам ГУББ МВД СССР[19]

	Всего	**В том числе**									
		1944 г.	**1945 г.**	**1946 г.**	**1947 г.**	**1948 г.**	**1949 г.**	**1950 г.**	**1951 г.**	**1952 г.**	**1953 г.**
Ликвидировано											
Вооруженных банд	662	14 **13** (+1)	376 **236** (+140)	155 **110** (+45	29	12	22	25	14	7	8
Националистических орг. групп	336	31 - **(+31)**	212 **4** **(+208)**	52 **7** **(+45)**	8	13	8	5	2	1	4
При этом убито											
Участников бандформ., бандитов-одиночек и националистов	1495	9 **14** **(-5)**	565 **332** **(+233)**	244 **218** **(+26)**	76	74	166	145	91	73	52
Захвачено и арестовано											
а) участников банд-формирований и бандитов-одиночек	5742	96 476 (-380)	3894 869 (+3025)	656 113 (+543)	179	161	192	232	186	84	61
б) Участников нац. организаций и групп	1114	113 - **(+113)**	265 **42** **(+223)**	198 **296** **(-98)**	64	203	61	146	27	3	34

оценки положения он на меня обрушился руганью с угрозами». Вот как эта записка составлялась.

Да, кстати, о пресловутой цифре. В докладной записке дана большая цифра – 270 тысяч всех репрессированных, но она составлялась нечестно. Вот взять хотя бы то, что там, в записке, указано с 1944 года, а, между тем, входят и репрессированные до войны 1941 года. Это одно, и потом там, видимо, по нескольку раз тот же самый человек проходит. В эту цифру входят и немцы, репатриированные в Германию. А эта цифра у нас теперь в республике начала ходить, на Пленуме ведь она была оповещена».[11]

Во время следствия по делу Берия показания о фальсификации содержавшейся в «докладной Берия» статистики репрессивной деятельности дал министр внутренних дел Литовской ССР Петр Кондаков. Вот эти показания:

«Не удовлетворившись моим докладом, Берия приказал вызвать в Москву моих заместителей – Мартавичуса и Гайлявичуса. 23 апреля я вместе с ними прибыл к Берия. На этом приеме Берия дал указание нам выехать в Литву, собрать материалы о состоянии партийного и советского аппарата и эти материалы доложить ему через три дня. Мы выехали в Вильнюс, а вместе с нами, в качестве наблюдающего, Берия был направлен Сазыкин. Была подготовлена объективная докладная записка, однако ею Берия не удовлетворился. Он снова ругал нас и обвинял в том, что

Таблица 4. (окончание)

	Всего	В том числе									
		1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Кроме того, арестовано											
а) банд-пособников	1853	-	250 **449** **(-199)**	122 **114** **(+8)**	30	204	61	146	27	3	34
б) бывших немецких пособников, измен. Родине и др.	1212	- **906** **(-906)**	200 **1476** **(-1276)**	100 **30** **(+70)**	40	126	156	270	231	44	45
Всего арестовано:											
Всего убито и арестовано:	9921	209 **1382** **(-1173)**	4609 **2836** **(+1773)**	1076 **526** **(+550)**	313	694	790	1106	744	192	187
Легализовано:	11416	218 **1396** **(-1178)**	5174 **3168** **(+2006)**	1320 **744** **(+576)**	389	768	956	1251	835	26 5	239
бандитов и нелегалов	5255	- **2** **(-2)**	1494 **1623** **(-129)**	2715 **1262** **(+1453)**	864	70	5	9	-	31	67

Примечание: Жирным шрифтом выделены данные справки 1947 г. В скобках жирным шрифтом указаны расхождения между данными справки 1947 г. и справки 1953 г. Плюсом обозначены случаи, когда данные справки 1953 г. превышают данные справки 1947 г., минусом – случаи, когда данные справки 1947 г. превышают данные справки 1953 г.

мы якобы пытаемся скрыть действительное положение дел в Литве.

Снова мы выехали в Литву. 5 мая с.г. я и мой заместитель Мартавичус были опять вызваны к Кобулову. Нам объяснили, что мы приглашены для участия в подготовке проекта записки Президиуму ЦК КПСС. В действительности же оказалось, что проект указанной записки уже был подготовлен Кобуловым. В этой записке данные о репрессированных были увеличены, сюда включили даже задерживаемых, а цифру погибших от рук националистического антисоветского подполья Кобулов слишком завуалировал. По указаниям Берия в органах МВД Литвы было проведено большое сокращение штатов, ликвидированы областные управления МВД и заново расставлен руководящий состав, как в министерстве, так и в периферийных органах. Это привело к полнейшей дезорганизации работы органов МВД Литвы и к тому, что националистическое подполье подняло голову и активизировало свою антисоветскую подрывную деятельность».[13]

Свидетельства Снечкуса и Кондакова о заложенных в «докладных Берия» фальсификациях достаточно важны. Этому, однако, существуют более существенные доказательства.

Как мы помним, 16 мая 1953 г. Берия подписал и направил в Президиум ЦК КПСС докладную записку «О ситуации в западных областях Украинской ССР». Совсем недавно украинскими историками в научный оборот был введен документ, на котором основывается «докладная Берия» от 16 мая. Это докладная записка министра внутренних дел УССР П. Мешика министру внутренних дел СССР Л. Берия от 22 апреля 1953 г. Сопоставление данных о репрессивной деятельности на Западной Украине, содержащихся в этих документах, позволяет увидеть очень интересную деталь (см. табл. 2).

Как видим, численность убитых и депортированных в докладных Мешика и Берия совпадают с точностью до единицы. А вот данные об арестованных различаются практически на треть: чуть больше 103 тысяч у Мешика и свыше 134 тысяч у Берия. Это расхождения невозможно объяснить иначе, чем намеренной фальсификацией.[14]

К сожалению, документы по Литве и Латвии, на основании которых готовились соответствующие «докладные Берия», в научный оборот пока не введены. А вот по Эстонии предварительные документы имеются – они опубликованы историком Тыну Таннбергом.

Докладная записка о положении в Эстонии, как мы уже упоминали, готовилась одной из последних; ее проект был предоставлен Хрущеву только 20 июня 1953 года. Ей предшествовало два документа: подписанная министром внутренних дел ЭССР М. Крассманом «Справка о положении с национальными кадрами в МВД Эстонской ССР и о результатах проведенных мероприятий органами МВД Эстонской ССР с националистическим подпольем в Эстонии» от 4 июня 1953 года и справка 4-го отдела МВД ЭССР «О работе органов МВД Эстонской ССР по ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд за период с 1944 по 1 июня 1953 г.» от 8 июня 1953 года.[15]

Сопоставление этих документов с подготовленным Е. Громовым проектом «докладной Берия» от 20 июня 1953 г., однако, преподносит нам сюрприз. В отличие от случая с докладной Мешика, данные, содержащиеся в справке Крассмана и справке 4-го отдела МВД ЭССР, в точности совпадают с данными, приведенными в проекте «докладной Берия» (см. табл. 3).

По мнению Тыну Таннберга, это совпадение свидетельствует о достоверности статистики, содержащейся в докладной от 20 июня 1953 года.[17] Однако более тщательное рассмотрение документов позволяет усомниться в этом тезисе.

Мы уже упоминали, что практически одновременно со справкой министра внутренних дел Эстонии М. Крассмана 4-й отдел МВД ЭССР подготовил справку о результатах борьбы с националистическим подпольем в 1944 – 1953 гг. В ней представлены детальные статистические данные, с разбивкой по годам и категориям репрессированных. Аналогичные данные МВД ЭССР за 1944 – 1946 гг. хранятся в Государственном архиве РФ (причем, в достоверности этих данных сомневаться не приходится; они полностью подтверждаются первичными материалами). Непосредственный интерес для нас представляет «Справка о ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ними банд, участников, организаций, их пособников, укрывателей и другого антисоветского элемента на территории Эстонской ССР», датируемая началом 1947 года.[18] Сопоставление данных, содержащихся в этой справке и в справке 1953 г., позволяет выявить любопытные расхождения (см. табл. 4).

Перед нами предстает весьма интересная картина. Если бы все цифры за 1944 – 1946 гг., содержащиеся в справке 4-го отдела МВД ЭССР, были больше данных, содержащихся в справке 1947 г., этому расхождению можно было бы дать логичное объяснение. Как известно, после войны в СССР существовало два ведомства, параллельно боровшихся с националистическим подпольем и бандформированиями – МВД и МГБ. При этом вплоть до марта 1947 года основная тяжесть борьбы со всевозможными «лесными братьями» ложилась на Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР; позднее борьба с националистическими формированиями была передана в отдел 2-Н МГБ СССР.[20] После смерти Сталина МГБ и МВД были объединены в единое ведомство – Министерство внутренних дел.

Таким образом, в итоговой справке МВД ЭССР от 8 июня 1953 года о борьбе с националистическими формированиями могут быть отражены результаты этой борьбы и по линии бывшего МГБ, и по линии бывшего МВД. Если бы итоговые данные, содержащиеся в записке объединенного МВД ЭССР, были бы выше аналогичных данных МВД ЭССР за 1944 – 1946 гг., все было бы абсолютно понятно и объяснимо. Однако, как нетрудно убедиться, посмотрев на таблицу, имеют место вещи, толкование которых подобным образом невозможно. По данным справки 8 июня 1953 г., в 1944 году было убито 9 боевиков, а по данным справки 1947 г. – 14. За тот же год в справке 1953 г. указано 96 арестованных участников бандформирований, а в справке 1947 г. – 476. В 1946 году по данным справки 1953 г. было арестовано 200 нацистских пособников, а по данным справки 1947 г. – 1476. И так далее…

Подобные необъяснимые расхождения ставят под большой вопрос достоверность статистики, приводимой в справке от 8 июня 1953 года. По всей видимости, эти данные завышены так же, как и в докладных по обстановке в Литве и на Западной Украине, однако завышение это замаскировано существенно лучше и будет выявлено только после введения в научный оборот итоговых документов МВД ЭССР, датируемых апрелем и маем 1953 г.

* * *

Окончательно вопрос о достоверности содержащихся в «докладных Берия» статистических данных о масштабах репрессий в западных областях СССР будет решен только после ввода в научный оборот подготовительных материалов, на которых эти документы основываются. Доступные к настоящему времени источники свидетельствуют, что статистика советских репрессий в «докладных Берия» была серьезно завышена по политическим соображениям. В качестве достоверного источника по истории советской репрессивной политики данные документы рассматриваться не могут. ■

---

1 **Таннберг Т.** Новый курс Л. Берии по подавлению движения сопротивления в Прибалтике и на Западной Украине весной 1953 г. // Tuna. Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX век. / Сост.: Т. Таннберг, О. Раун; пер. Е. Тамберг. Тарту, Таллинн, 2006. С. 192–210. (Эта статья была также воспроизведена в книге: Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944 – 1956 гг.): Исследования и документы. Тарту, 2008. С. 78–106.).

2 **Таннберг Т.** Новый курс Л. Берии… С. 210.

3 **Зубкова Е.Ю.** Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953 гг. М.: РОССПЭН, 2008. С. 256, 321 – 333.

4 См.: **Максименков Л.** Признания лубянского маршала. Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 авг.; **Максименков Л.** Неуслышанное предупреждение. Меморандум Лаврентия Берия о положении на Западной Украине в 1953 г. // Независимая газета. 2004. 3 дек.

5 АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 864. Л. 135–140; Д. 207. Л. 15 – 19; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФ «Демократия», 1999. С. 46 – 52.

6 **Зубкова Е.Ю.** Указ. соч. С. 327 – 329.

7 12 июня 1953 г. на основании докладной записки «О положении в Белорусской ССР» Президиумом ЦК КПСС было принято соответствующее постановление. См.: Лаврентий Берия. 1953… С. 61 – 62. – **Прим. авт.**

8 **Жуков Ю.Н.** Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2005. С. 666.

9 **Таннберг Т.** Политика Москвы в республиках Балтии… С. 312–320.

10 **Жуков Ю.Н.** Указ. соч. С. 667.

11 Лаврентий Берия. 1953... С. 297.

12 Составлено по: **Максименков Л.** Неуслышанное предупреждение. Меморандум Лаврентия Берия о положении на Западной Украине в 1953 г. // Независимая газета. 2004. 3 дек.; Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА, 1944 – 1945 р. / Інститут української археографії та джерелознавства НАНУ. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 9.] // Упор., передмова О. Іщук, С. Кокін. Київ; Торонто, 2007. С. 15 (со ссылкой на ДА СБУ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 58. Л. 1 – 4).

13 **Сухомлинов А.В.** Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-пресс, 2003. С. 343 – 344.

14 Следует также отметить, что П. Мешик был «человеком Берия»; его назначили на должность министра внутренних дел УССР в середине марта 1953 г. Поэтому не исключено, что данные о репрессиях, приведенные в его докладной, также неадекватны. – **Прим. авт.**

15 **Таннберг Т.** Политика Москвы в республиках Балтии… С. 286 – 297.

16 Там же. С. 286 – 288, 312 – 317.

17 **Таннберг Т.** Новый курс Л. Берии… С. 196 – 197.

18 ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 28.

19 **Таннберг Т.** Политика Москвы в республиках Балтии… С. 292; ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 28.

20 См.: **Кокурин А.И.** Органы НКВД–МВД СССР по борьбе с вооруженным националистическим подпольем (Западная Украина и Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония), 1939 – 1953. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007.

Олег Росов

Операция «Перелом»: неизвестные подробности гражданского конфликта на Западной Украине

Сегодня на Украине, как впрочем и в других постсоветских государствах, история стала орудием лжи на уровне государственной политики. Это обусловлено, прежде всего, стремлением властей «переформатировать» имеющийся «человеческий субстрат» – сконструировать из массы населения новую национальную идентичность, вытеснив присущее большинству граждан нашей страны мировосприятие.*

Откровенно высказался по этому поводу директор Государственного архива службы безопасности Украины В. Вьятрович:

> *«Мы должны говорить вообще о существенном переосмыслении украинской истории, должны понять, что главным субъектом исторического процесса в Украине XX столетия была не Украинская Советская Социалистическая Республика, а украинское освободительное движение. Т.е. то движение, которое способствовало созданию украинского независимого государства. И эта мысль, возможно, сделает переворот в нашем сознании, так как мы иначе будем смотреть на советский период, на ключевые его событии, на Отечественную войну…».*[1]

Понятно, что под украинским освободительным движением «специсторик» Вьятрович подразумевает, прежде всего, Организацию украинских националистов и ее вооруженное формирование – УПА, которые, по его мнению, и есть истинные творцы современной истории Украины. Переосмысление же должно заключаться в том, что определяющую роль советского народа (включая граждан Украинской ССР) в разгроме фашизма необходимо девальвировать, а тем, кто спас Родину и весь мир откоричневой чумы, и их потомкам внушить чувство вины перед «настоящими героями».

Стоит ли при этом говорить, что данный процесс «переосмысления» сопровождается откровенной подтасовкой и фальсификацией исторических фактов, не имеющих с исторической наукой ничего общего? Вопрос риторический.

Однако это не все. Украинским «специсторикам» мало внушить советским воинам-освободителям чувство вины перед боевиками УПА. Им важно доказать, что подавление «героического» сопротивления борцов за независимость со стороны советской власти сопровождалось исключительно применением силы, террором и ориентацией на беспощадное истребление.

В контексте этой ситуации большой интерес представляет одна малоизвестная операция, которая получила название «Перелом». Она была спланирована Народным Комиссариатом Государственной Безопасности Украины сразу же после освобождения нашей страны от немецко-фашистских захватчиков и утверждена руководством республики осенью 1944 года. Большинство современных украинских исследователей в силу вышеозначенных причин предпочитают не привлекать внимания к этому эпизоду, а если упоминают о нем, то вносят существенные искажения, расставляя акценты так, как им представляется выгодным, и опускают важные детали, позволяющие восстановить истинный ход событий.

Надеемся, что наша публикация позволит не только восстановить детали этой уникальной операции, понять истинные цели и намерения как советской стороны, так и оуновского подполья в кровавом гражданском конфликте, но действительно послужит переосмыслению националистической концепции, столь упорно навязываемой властью гражданам сегодняшней Украины.

***

29 августа 1944 г. в результате успешного завершения Львовско-Сандомирской стратегической наступательной операции войска 1-го Украинского

* Статья была написана до избрания президентом Украины В. Януковича. Автор выражает надежду, что описанная им ситуация уйдет в прошлое.

фронта разбили немецкую группу армий «Северная Украина», освободили западные области Украинской ССР, форсировали р. Висла и захватили крупный плацдарм на ее западном берегу в районе Сандомира. Войска 4-го Украинского фронта заняли карпатские перевалы и вышли на государственную границу с Чехословакией. Таким образом, к середине октября 1944 г. территория Украины была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Но положение в западном регионе Украины оставалось чрезвычайно сложным и драматичным. После продвижения Красной Армии на запад свою деятельность на освобожденной территории развернули подполье Организации украинских националистов (ОУН) и формирования Украинской Повстанческой Армии (УПА). Как показывал на допросе 29 мая 1945 г. заместитель начальника отдела «Абвер II» полковник Э. Штольце, «во время отхода немецких войск с Украины по линии абвера лично Канарисом были даны указания о создании националистического подполья (банд) для продолжения борьбы с Советской властью на Украине, проведения террора, диверсий, шпионажа».[2]

Характерно, что до перехода линии фронта УПА в основном ограничивала свою деятельность сбором разведданных о Красной Армии, передачей их немецкой военной разведке, охраной коммуникаций от нападений партизан, действовавших в тылу противника, и содействием оккупантам в нейтрализации советских десантных групп. Затем, просочившись мелкими отрядами через линию фронта в тыловые районы и переждав в лесах и труднодоступных горных массивах проход крупных войсковых сил, УПА перешла к проведению диверсий и вооруженным выступлениям в советском тылу. Специально для руководства националистическим движением, как показывал далее Штольце, оставлялись официальные работники – офицеры и агентура. Были даны указания о создании складов оружия, продовольствия и боеприпасов.

По свидетельству офицера абвера З. Мюллера связь командования вермахта и немецкой военной разведки с формированиями УПА осуществлялась путем коротковолновых радиопередатчиков через дислоцировавшуюся в Кракове абверкоманду-202, возглавляемую капитаном Витцелем (Кирном). Со стороны Центрального Провода ОУН работу координировали бывший капеллан «Нахтигалля» кавалер Железного Креста отец И. Гриньох и специально прибывший из Берлина в Краков С. Бандера. Здесь же из украинских националистов готовились специальные диверсионно-террористические группы, которые затем перебрасывались в расположение УПА.[3]

Как вспоминал позднее адъютант Р. Шухевича (руководителя Провода ОУН на Украине и главнокомандующего УПА) по батальону «Нахтигалль» Ю. Лопатинский – «Калина», заброшенный немцами в декабре 1944 г. за линию фронта, он лично обучал Шухевича как лучше выбирать места для высадки парашютистов и приема грузов и обустраивать взлетно-посадочные полосы для самолетов «Люфтваффе».[4]

По словам полковника немецкой военной разведки А. Бизанца, абвер, получая от Шухевича разведывательные данные о Красной Армии, передавал ему, в свою очередь, дальнейшие указания по разведке, диверсиям и вооруженным выступлениям в тылу советских войск.[5]

Реализуя поставленные задачи, формирования УПА осуществляли вооруженные нападения и обстрелы из засад офицеров и красноармейцев, небольшие гарнизоны, автоколонны и тыловые объекты; проводили террористические акты против советского и партийного актива; срывали мобилизационные мероприятия в западных областях УССР путем нападений на колонны призывников, направляющихся на призывные пункты, и угона их в лес; срывали поставки сельскохозяйственной продукции для нужд Красной Армии; пытались дезорганизовать работу промышленных предприятий, в частности, сорвать добычу нефти. К примеру, на нефтепромыслы Станиславской области было совершено несколько вооруженных нападений, во время которых было уничтожено или повреждено 26 нефтяных и свыше 30 других производственных объектов.

Тем не менее, главной задачей, поставленной немецкой военной разведкой формированиям УПА, как показывал на допросе 19 сентября 1945 г. сотрудник абверкоманды-202 З. Мюллер, было проведение диверсий на железных дорогах и магистральных автотрассах, по которым перебрасывались войсковые резервы и соответствующее снаряжение в направлении фронта.[6] Так, 10 августа в р-не Добротвер Каменко-Струмиловского района Львовской области был пущен под откос эшелон с боеприпасами, 11 августа в Ровенской области был подорван санитарный поезд № 454, в результате чего погибло 15 человек, а 40 медсестер уведено в лес. В тот же день на перегоне Каменка Струмилов – Ракеты в 4 км от ст. Ракеты было подорвано железнодорожное полотно, вследствие чего произошло крушение воинского эшелона с боеприпасами. Через месяц, 10 сентября 1944 г. на том же участке бандгруппы УПА пустили под откос еще один воинский эшелон с боеприпасами, а 12 сентября захватили железнодорожную станцию Угнив и уничтожили эшелон с воинским иму-

Деятельность УПА в советском тылу объективно тормозила наступательные действия Красной Армии и срывала поставки фронту воинских контингентов, вооружения и боеприпасов.

ществом.[7] В Станиславской области возле станции Зеленая Угневского района 13 августа был подорван эшелон и 40 вагонов с боеприпасами, при этом бандиты расстреляли 50 красноармейцев и столько же увели в лес. В начале сентября на участке Езуполь – Галич было вырезано 9 пролетов связи, трижды повреждена связь Станислав – Львов. 23 сентября 1944 г. в 3 часа ночи на 160 километре перегона Отиния – Марковцы налетел на мину и потерпел крушение поезд № 901. В ночь на 18 октября 1944 г. в Рожнятовском районе Станиславской области было сожжено 11 мостов общей протяжностью 783 погонных метра.[8] На территории Ровенской области с 25 сентября до 25 октября 1944 г. боевиками было срезано и вывернуто 179 телеграфно-телефонных столбов и уничтожили около 9 тыс. м связи.[9]

По сути, выполняя директивы вермахта и военной разведки, УПА занялась в советском тылу той же «войной на рельсах» (правда, в меньших масштабах), которую проводили на немецких коммуникациях советские партизаны.

Необходимо подчеркнуть – деятельность УПА в советском тылу объективно тормозила наступательные действия Красной Армии и срывала поставки фронту воинских контингентов, вооружения и боеприпасов. Так, командующий 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский сообщал в НКВД УССР, что крупные отряды УПА, оперирующие на Волыни, совершают дерзкие налеты на коммуникации и тыловые объекты войск его фронта.[10]

Однако наибольший урон от действий бандформирований несли войска 1-го Украинского фронта, в связи с чем его командующий И.С. Конев и член военного совета фронта Л.З. Мехлис были вынуждены обратиться в Государственный комитет обороны.[11] В связи с этим, решением Ставки Верховного главнокомандования пришлось снять с Сандомирского плацдарма на Висле и передислоцировать на Волынь и в Галицию соединения и части 13-й и 38-й армий, которым поручалось прикрытия транспортных коммуникаций и защиты населенных пунктов от нападений УПА. Стоит ли повторять, что снятие с фронта (тем более, с такого важного участка как Сандомирский плацдарм) боеспособных соединений объективно замедляло темп наступления Красной Армии и способствовало укреплению немецкой обороны на территории Польши?!

Одновременно с этим, Председателем ГКО И.В. Сталиным были даны соответствующие указания по линии НКВД. Для их реализации в пораженные бандформированиями УПА районы Львовской, Волынской, Ровенской и Тернопольской областей были переброшены подразделения внутренних войск НКВД (8 стрелковых дивизий, 1 мотострелковая бригада и 1 кавалерийский полк), оперативные работники из других областей, а также усилены пограничные войска на государственной границе с Польшей. Дополнительно для охраны железных дорог были выделены 2 стрелковые дивизии Внутренних войск НКВД, усиленные 8 бронепоездами. Для координации борьбы с оуновским подпольем в западные области УССР был командирован заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглов.[12]

До конца сентября 1944 г. против формирований УПА было проведено 2573 чекистско-войсковых операций. Как докладывал Л.П. Берия в ГКО 17 сентября 1944 г.:

> *«В связи с тем, что в бандах имеется известное количество офицеров разгромленных немецких частей, а также офицерского состава украинской дивизии «Галиция», бандиты ведут пулеметный и винтовочный огонь, а также огонь из минометов организованно и продуманно. Банды организуют оборону, отрывают окопы и ходы сообщения в полный профиль и в ряде мест сооружают деревоземляные укрытия. Участники большинства разгромленных банд одеты в немецкую форму обмундирования, а также красноармейскую форму».*

В результате проведенных операций было ликвидировано 37087 повстанцев и арестовано 7968 активных участников националистического бандподполья. При этом было захвачено 28 пушек, 1720 станковых пулеметов, 163 ПТР, 10646 винтовок, 2365 автоматов, 236 минометов, 960 пистолетов и револьверов, 20450 гранат, 2575165 шт. патронов, 14074 мины и 6618 артснарядов.[13] Потери советской стороны составили 2235 убитых, 2621 раненых и 330 человек, пропавших без вести.[14]

Именно эту печальную статистику используют «национально-патриотические» историки Украины для обоснования собственного тезиса, что главныой целью «Советов» по отношению к националистам были «сила и террор».

Однако этот тезис не соответствует действительности. Советское руководство не ставило перед собой задачу ликвидации ОУН-УПА только силой оружия, а придавало большое значение методам идейного воздействия.

Принимая во внимание политическую и социальную неоднородность состава УПА, низкий общеобразовательный и культурный уровень рядовых боевиков, наличие среди учасников банд большого числа обманутых оуновской пропагандой или запуганных «эсбистами» (служба безопасности ОУН) молодых крестьян, правительство УССР старалось применять дифференцированный и гуманный подход, проявлением которого, в том числе, стали неоднократные обращения высших государственных и партийных органов республики к участникам вооруженных националистических формирований. Первое из таких обращений – «К участникам так называемых «УПА» и «УНРА» за подписью Председателя Президиума Верховного Совета УССР Н. Гречухи и Председателя Совнаркома республики Н. Хрущева появилось еще в феврале 1944 г. В нем, в частности, говорилось:

«Оуновский Провод дал вам оружие в руки, полученное от их немецких хозяев. Где и когда вели они вас с этим оружием против фашистских завоевателей? ... Сколько немецких поездов пустили под откос ваши отряды? Мы знаем, что на крючок оуновско-немецкой пропаганды попались и честные люди, среди которых больше всего обыкновенных трудящихся крестьян. Эти люди поверили, будто оуновские отряды УПА ...будут бороться с немецкими угнетателями, и только потому оказались в их отрядах. Мы знаем, что много есть и мобилизованных в бандитские оуновские отряды под угрозой уничтожения их семей. Мы знаем, что среди участников УПА ...есть много таких, которые уже и сами чувствуют свою глубокую ошибку в том, что попали в эту УПА, чувствуют, что катятся в бездну, в которую их тянут гитлеровцы-оуновцы. Правительство Советской Украины не хочет напрасного пролития ни одной капли народной крови. Поэтому Советское правительство открывает дорогу к жизни, к мирному труду... перед всеми участниками так называемых УПА..., которые порвут всякие связи с врагами народа – гитлеровцами и оуновцами, которые искренне и глубоко чувствуют свою тяжкую ошибку в том, что вступили в ряды этой УПА... Именем Правительства Украинской Советской Социалистической Республики мы гарантируем всем участникам так называемых УПА..., которые перейдут на сторону Советской власти, которые честно и полностью порвут всякие связи с оуновцами, которые искренне и целиком отрекутся от всякой борьбы и враждебных происков против Красной Армии и Советской власти, – полное прощение их тяжкой ошибки, их прошлых провинностей перд Родиной».[15]

И подобные призывы находили отклик в умах людей – достаточно сказать, что лишь за первый год амнистией воспользовались 29204 участника УПА и оуновского подполья.[16] Эти меры советского руководства подполье ответило увеличением количества диверсий, чисткой собственных рядов и террором против явившихся с повинной повстанцев и членов их семей. Одновременно началась и структурная реорганизация бандформирований, завершившаяся к лету 1945 г. – переход к действиям мелкими, хорошо законспирированными маневренными боевками.

Перед советской стороной отчетливо встала перспектива затяжного гражданского конфликта и появления в условиях войны на западных границах страны серьезного очага напряженности. И, несмотря на многочисленные реляции об успешной ликвидации «остатков украинско-немецких националистов», ЦК КП(б)У и Совнаркомом УССР безусловно отдавали себе в этом отчет. Проанализировав обстановку, сложившуюся в оуновском подполье и взвесив все обстоятельства, в октябре 1944 года руководство республики решается на смелый и неординарный шаг...

Согласно директивам полученным от Н.С. Хрущева, к середине октября руководством НКГБ УССР при непосредственном участии наркома С.Р. Савченко была разработана операция, получившая название «Перелом». Суть ее заключалась в следующем: через доверенных лиц установить контакт с представителями Центрального Провода ОУН, убедить главарей подполья прекратить вооруженную борьбу и таким образом нормализовать военно-политическое положение в советском тылу и всем западноукраинском регионе. По имеющимся на сегодняшний день материалам сложно судить, была ли эта операция одобрена лично И.В. Сталиным, зато совершенно точно можно утверждать, что проводилась она в тесном контакте украинских чекистов с руководством союзного НКВД.

Народный комиссар госбезопасности УССР Сергей Романович Савченко не сразу определился, кому из подчиненных доверить непосредствен-

Даниленко (Карин) Сергей Тарасович,

1898 года рождения, уроженец с. Высокие Байраки Кировоградской области, украинец, из семьи крестьянина-бедняка, с незаконченным высшим образованием, женат. После окончания реального училища добровольцем вступил в РККА. В органах государственной безопасности с 1921 года. Член КП(б)У с 1925 года. Во время гражданской войны неоднократно забрасывался во вражеские тылы, с легендой участника петлюровского подполья внедрился в Повстанческо-партизанский штаб генерала Ю. Тютюнника во Львове и способствовал выводу последнего на территорию УССР. Затем на работе в ВУЧК. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начальник 3-го отделения Секретного отдела ГПУ УССР, затем на работе заграницей. Участник оперативных игр с зарубежными националистическими центрами. В 1934 г. разработал и успешно провел операцию «Капкан», в результате которой на советскую территорию были выведены и задержаны два эмиссара РОВСа. В 1934 г. после возвращения на родину был назначен заместителем начальника отдела ГУГБ НКВД УССР. В июле 1937 г. после ареста наркома внутренних дел УССР В. Балицкого понижен в должности и назначен начальником управления пожарной охраны НКВД УССР. 27 августа арестован (вместе с женой) по обвинению в «заговоре Балицкого», имущество конфисковано. 11 месяцев (из них месяц в одиночке) содержался в Лефортово, затем был переведен в Бутырскую тюрьму. Признательные показания на себя и своих коллег давать категорически отказался. 22 октября 1939 г. за отсутствием состава преступления был освобожден и благодаря поддержке С.Р. Савченко восстановлен в партии. Из-за подорванного в тюрьме здоровья в 1940 г. был вынужден выйти в отставку. 23 июня 1941 г. подал рапорт с просьбой использовать его оперативный опыт в борьбе с фашистами и был включен в оперативную группу НКВД УССР по организации партизанского движения на оккупированной территории и подготовке разведывательно-диверсионных групп. Находясь в прифронтовой полосе, вместе с частями КА в результате отступления оказался на Волге. Участник обороны Сталинграда, награжден Орденом Отечественной войны I степени. Неоднократно подавал рапорта с просьбой о заброске за линию фронта в одну из партизанских бригад. Осенью 1943 г. был приглашен руководителем недавно созданного НКГБ УССР С.Р. Савченко на работу в центральный аппарат и назначен заместителем начальника 4-го управления. С марта 1945 г. – руководитель Оперативной группы НКГБ УССР на Западной Украине, полковник государственной безопасности.

ное выполнение этой действительно уникальной операции. Молодые сотрудники, пришедшие в органы во время войны, для этой роли не годились – здесь нужен был настоящий интеллектуал и профессионал с большим опытом оперативной работы. После долгих раздумий нарком решился: реализацию операции «Перелом» он поручил заслуженному ветерану советской спецслужбы и человеку, к которому относился с большим уважением и доверием, – полковнику государственной безопасности С.Т. Карину-Даниленко. Безусловно, Савченко понимал, что операция связана с большим риском, и подводить под удар такие кадры ему не хотелось, но иного выбора у него не было.

Обсудив с наркомом детали намеченной операции, в 20-х числах октября 1944 г. Карин-Даниленко вылетел во Львов.

Первой задачей, стоявшей перед Кариным, было создание канала связи, сложность же заключалась в том, что верхушка Провода была тщательно законспирирована, и выходов на нее у советской стороны не имелось. Для успешного воплощения операции нужен был посредник – человек, с одной стороны знакомый руководству ОУН и имевший с ним в прошлом контакты, а с другой – проживающий легально и пользующийся авторитетом и уважением. Еще одним непременным условием должны были быть честность и порядочность посредника, и уверенность в том, что его участие в миротворческой миссии будет искренним и исключающим двойную игру.

Долгими ночами, сидя в прокуренном кабинете львовского управления госбезопасности, перелистывал Карин агентурные дела и оперативные сводки, пытаясь подобрать отвечающего этим требованиям человека. И, наконец, кандидатура на роль посредника была найдена.

Этот человек, действительно сложной и интересной судьбы, привлек Карина не только тем, что вполне искренне симпатизировал Советской власти и не запятнал себя в годы оккупации пособничеством немцам, но и, прежде всего, своими родственными связями.

Пока Юлиан учился в Праге и готовил диссертацию, его младший брат Богдан Кордюк успел поступить в Львовский университет и стать членом УВО (кличка «Аркас»), а затем сделал стремительную карьеру в ОУН. В 24 года он уже был краевым референтом ОУН на западноукраинских землях, но в связи с неудачным нападением на почту в Го-

родце, в ходе которого погибло и было арестовано несколько оуновских боевиков, был вынужден передать дела новому краевому референту С. Бандере и выехал в Берлин. Работал в Проводе украинских национолистов, активно печатался в оуновской прессе, преподавал в Берлинском университете. После раскола поддержал Степана Бандеру, участвовал в работе Украинского Национального Комитета, организованного в 1941 г. ОУН(б) в Кракове, а летом 1941 г. вернулся во Львов. Вместе с остальным руководством бандеровской ОУН осенью 1941 г. был интернирован. После окончания войны стал членом политсовета ЗЧ ОУН, затем примкнул к группе Н. Лебедя. Один из функционеров, а впоследствии руководитель ОУН (за границей).[18]

Несмотря на столь различную судьбу и политические убеждения, какие-то взаимоотношения между братьями все же должны были сохраниться, и именно на это делал свою ставку Карин.

Ранним ноябрьским утром в кабинет заместителя заведующего львовским облздравотделом вошел подтянутый, средних лет человек в штатском. После знакомства и взаимных приветствий чекист сразу перешел к делу.

(Далее диалоги приводятся по рапортам, которые в ходе операции готовил С.Т. Карин-Даниленко для наркома госбезопасности УССР С.Р Савченко).

С.К.-Д.: *Органы государственной безопасности ознакомлены с Вашим прошлым и знают, что Вы никогда не состояли ни в какой антисоветской организации, и, исходя из этого, относятся к Вам с полным доверием. Вместе с тем, мы имеем объективную информацию о круге Ваших знакомых в годы буржуазной Польши и гитлеровской оккупации, особенно из окружения Вашего брата, и в связи с этим хотели бы привлечь Вас к тайной и важной акции, преследующей исключительно благородные, гуманные цели.*

Ю.К.: *Благодарю Вас за высказанное доверие, но с братом и его друзьями-бандеровцами я практически порвал в первые недели оккупации, так как не мог и не хотел принять их коллаборационистскую политику.*

С.К.-Д.: *Однако же, семейные контакты у вас сохранились?*

Ю.К.: *Конечно, жены, да и мы иногда продолжали бывать друг у друга. Но прежней теплоты, родственной атмосферы этим встречам уже не хватало... Наконец, уезжая на Запад, Богдан даже не попрощался. Если же Ваше ведомство интересуется кем-то из моих прежних знакомых – я к Вашим услугам.*

Кордюк Юлиан Степанович,

1894 года рождения, украинец, из семьи священника-униата, беспартийный, женат, образование высшее. Проживал во Львове по адресу ул. Шашкевича, дом 7.

Будучи солдатом австрийской армии, в 1915 г. был взят в плен российскими войсками и два года провел в лагере для военнопленных. После Октябрьской революции добровольцем вступает в РККА, затем на работе в ВЧК в Средней Азии. Командовал боевыми подразделениями в борьбе с басмаческими формированиями. В 1922 г. оставил военную службу, нелегально перешел советско-польскую границу и вернулся домой. Окончил Пражский медицинский институт, врач-бактериолог. Защитил диссертацию, доктор медицинских наук. После освобождения Львова, в августе 1944 г., назначен главным врачом одной из больниц города, в октябре переведен в облисполком на должность заместителя заведующего Львовским областным отделом здравоохранения.

Далее, как указывал в рапорте Карин, «учитывая, что Кордюк ведет себя искренне, благосклонно относится к предложению органов НКГБ, я решил говорить с ним откровенно и раскрыть, как говорится, свои карты».

С.К.-Д.: *Вы знаете, что ЦК партии и Правительство республики прилагают максимум усилий к прекращению развязанной бандами кровавой бойни в западных областях, к нормализации обстановки. Еще весной этого года они издали к бандеровцам т.н. УПА обращение, в котором призывали их прекратить борьбу с советской властью и возвратиться по домам, а их заблуждения будут прощены и они смогут мирно продолжать свой труд. Помимо этого, принято решение в ближайшее время установить контакт с руководством ОУН-УПА, уговорить бандеровцев прекратить братоубийственную борьбу и, как первый шаг в этом направлении, – согласиться на переговоры с представителями правительства Советской Украины. Вы можете спросить, почему в этом сверхважном и деликатном деле мы обращаемся именно к Вам.*

Ю.К.: *Да, да, почему? Чем я, обычный врач, могу помочь в таком архисложном и к тому же опасном деле?*

С. К.-Д.: *Что ж, вопрос закономерный. Начнем с того, что Вы не такой уж обычный врач, а хорошо известный на Галичине специалист, доктор медицинских наук, к тому же заместитель заведующего отделом облисполкома, то*

есть представитель Советской власти. Но есть еще одна причина в пользу именно Вашего участия в этом миротворческом деле. Ведь Вас хорошо знают те, к кому мы хотим обратиться. Я имею в виду верхушку бандеровского Провода. Не мне Вам говорить, что в подполье многие люди в течение долгих лет знают Вас как честного и порядочного человека, как ученого и интеллектуала.

Ю.К.: *Но меня тревожит возможность расплаты со стороны бандеровцев.*

С.К.-Д.: *Насчет этого можете не волноваться. С того момента, как Вы возьмете на себя посредничество в установлении контакта с бандеровцами для ведения переговоров о прекращении борьбы, Вы и Ваша семья будут находиться под охраной правительства республики.*

Ю.К.: *Хорошо, я согласен и попробую найти тропку к руководителям подполья. Совесть врача и гражданина не разрешает мне отказаться от участия в деле, которое может спасти жизнь многих людей. Сейчас никаких связей, никакого реального пути к УПА я не знаю, но начну заниматься их поиском с сегодняшнего дня.*

Через несколько дней, докладывал Карин в очередном рапорте, Ю. Кордюк предложил ему использовать для выходов на подполье свою старую знакомую, львовскую художницу Ярославу Музыку. По его словам, в настоящий момент это был единственный человек, который мог бы связать его с «лесовиками». Как пояснял свой выбор Кордюк, «пани Слава» всегда находилась в эпицентре нашего национального вопроса, у нее была уйма хороших знакомых в разных группировках, среди ее друзей были, конечно, и бандеровцы». Муж художницы, Максим Максимович Музыка, известный микробиолог, заведующий кафедрой Львовского мединститута и близкий друг Ю. Кордюка, давно махнул на все рукой и в дела жены предпочитал не вмешиваться.

Подытожив первые результаты своей работы, Карин просил санкции Савченко на контакт Кордюка с Музыкой. Получив в середине ноября согласие наркома, чекист поручил Юлиану Степановичу как можно скорее встретиться с художницей и выяснить, может ли она связать его с руководством подполья для передачи важного и экстренного сообщения.

Одновременно, по распоряжению Савченко квартира и мастерская Музыки были взяты под скрытое наблюдение сотрудниками львовского УНКГБ. Благодаря оперативным источникам стало известно, что мастерская Музыки в годы оккупации была своеобразным салоном, который посещали участники различных националистических группировок, в том числе и члены Центрального Провода ОУН Степан Ленкавский и Лев Ребет. Я. Музыка, сама не являясь членом ОУН, в то же время им активно симпатизировала и помогала подполью, передавая деньги и медикаменты, а ее племянник, 28-летний врач Левко Стефанив находился в УПА. Связь с ним поддерживалась через молодую женщину, которая периодически появлялась в мастерской Музыки и так же внезапно исчезала. Не заставили себя ждать и результаты наружного наблюдения. Через несколько дней львовские чекисты доложили Карину, что молодая женщина, посещающая «пани Славу», не рядовая связная, а руководительница УЧХ (Украинского Червоного Хреста) и женской сетки ОУН, дочь профессора математики львовского университета Катерина Зарицкая, более известная в подпольных кругах как «Монета». Регулярные появления такой значимой фигуры в мастерской художницы позволяли предположить наличие во Львове не только крупной оуновской сетки, связанной с руководством Провода, но и значительной группы симпатиков, в которую входит (или непосредственно с ней контактирует) «пани Слава».

Таким образом, «тропинка» Юлиана Кордюка вывела туда, куда и было задумано. Теперь успех операции зависел от результатов разговора Юлиана Степановича с Музыкой. Опасаясь, чтобы работники госбезопасности не расшифровали себя и не спугнули художницу, Карин приказал немедленно снять наблюдение с дома и мастерской «пани Славы».

В конце ноября Ю. Кордюк несколько раз встречался с Музыкой и, наконец, как рассказывал он Карину, смог ее «разговорить». Я. Музыка сообщила ему, что якобы беседовала с одной подпольщицей, и та пожаловалась ей на огромные потери, которые несет УПА от столкновений с советской стороной и охватившие в связи с этим рядовых участников уныние и растерянность. Воспользовавшись моментом, как и было обусловлено с Кариным, Кордюк доверительно сказал ей, что в облисполкоме находится специально прибывший из Киева представитель правительства УССР, уполномоченный вступить в контакт с руководством ОУН-УПА и договориться о прекращении вооруженного сопротивления. Далее Юлиан Степанович сообщил Музыке, что «киевлянин» вы-

звал и его, и он дал свое согласие участвовать в подготовке таких переговоров. Введя художницу в курс дела, Кордюк принялся уговаривать ее помочь встретиться с каким-либо «ответственным человеком из числа повстанцев, чтобы он смог передать ему содержание своих бесед с киевским представителем». По словам Кордюка, Музыка заинтересовалась встречей с «киевлянином» и стала выяснять мельчайшие подробности, вплоть до примет Карина и того, насколько хорошо он владеет украинским языком. В итоге она заявила Кордюку, что «перетрактации с большевиками ни к чему не обязывают, но позволят нашим хлопцам получить хоть временную передышку», поэтому она переговорит «с кем нужно» и даст ответ.

Между тем диверсионно-террористическая деятельность УПА в советском тылу не прекращались. До конца октября 1944 г. лишь на Волыни было совершено около 800 нападений на советские тыловые объекты. С 15 по 27 ноября имели место 2 аварии поездов на железнодорожном участке Здолбуново – Дубно и 3 аварии воинских эшелонов на участке Здолбуново – Оженино. Во всех случаях аварии произошли в результате подрыва мин, подложенных под рельсы. 12 ноября банда УПА устроила нападение на гарнизон в селе Княгинин с целью отвлечь внимание бойцов, охранявших мост через реку Стубла, и в это время взорвать мост. Ночью 21 ноября было осуществлено нападение на с. Добровляны, подорван мост на дороге Калуш – Добровляны длиной 320 м и срезаны телефонные столбы на линии связи Калуш – Новицы. В ночь на 9 декабря в результате нападения на железнодорожную станцию Снятин было повреждено 100 м железнодорожной колеи и сожжен мост (05.12. – **Прим. авт.**). Всего до конца 1944 года формирования УПА совершили 134 диверсии на железных дорогах, подорвали 13 и сожгли 15 железнодорожных и 12 шоссейных мостов. Потери советской стороны по неполным данным составили 7544 человека.

В первой половине 1945 г количество диверсий на железных дорогах, автомобильных шоссе и линиях связи увеличилось до 212. Так, в сводке Управления НКГБ по Ровенской области сообщалось:

«...12 января 1945 года на перегоне Малинск – Москвин бандой был обстрелян воинский поезд. В результате один убит и ранено шесть военнослужащих, пробит тендер паровоза...

16 января на перегоне Рудня – Михайловка миной натяжного действия был подорван еще один поезд. В результате взрыва сошло с рельсов и свалилось под откос 3 цистерны, сгорела теплушка, убито два и ранено два человека...

Музыка Ярослава Львовна,
1898 года рождения, родилась в Шумском районе Тернопольской области, замужем. Образование высшее, в 1925 году окончила институт народного творчества во Львове, затем несколько месяцев училась в Москве и Париже. Работала художником-консультантом Львовского этнографического музея. Проживала по ул. Чернецкого, дом 26.

14 февраля в 22.00 на железнодорожном перегоне ст. Пост – Рокитное бандой разобрано 300 м железнодорожного пути и подпилена рама моста. В результате следовавший санитарный поезд потерпел крушение. Паровоз и 18 вагонов свалились под откос...

15 февраля на перегоне Остки – Рокитное бандой УПА был разобран путь, в результате чего потерпел крушение поезд № 1111. Сошел с рельсов паровоз и 14 вагонов с народнохозяйственными грузами.

17 февраля на перегоне Сарны – Немовичи в результате взрыва мины потерпел крушение пассажирский поезд местного сообщения. Паровоз и шесть вагонов сошли с рельсов. Убит машинист паровоза, ранено 14 пассажиров...».[19]

Для находящегося во Львове Карина тянулись томительные недели ожидания, нервничал и Хрущев, требуя от чекистов максимально ускорить начало переговоров.

Но заканчивался декабрь, а реакции Провода ОУН не было. Странно вела себя и Я. Музыка, которая на взволнованные вопросы Кордюка, нет ли ответа «звідтам», никак не реагировала, и вообще стала избегать встреч с Юлианом Степановичем...

И здесь Савченко и Карин получили неожиданную помощь – к операции «Перелом» подключились чекисты союзного наркомата.

Используя факт пребывания в Москве делегации Украинской греко-католической церкви, которая, находясь в столице, занималась урегулиро-

ванием вопросов правового положения униатской церкви, было решено встретиться с церковными иерархами и уговорить их взять посредническую миссию на себя. Интересно, что к этой мысли чекистов подтолкнули сами униаты, которые во время встреч с Председателем Совета по делам религиозных культов при СНК СССР И.В. Полянским ставили не столько церковные, сколько «вопросы политического положения в Западной Украине», и при этом намекали, что не против помочь власти стабилизировать положение в регионе. Как хвастливо отмечал в беседе с оперативным источником член делегации и ее неформальный лидер, отец Гавриил Костельник, «наше влияние в народе на Западной Украине огромно. При желании, мы могли бы оторвать народ от симпатий к бандеровскому течению. Советская власть без нашей помощи бессильна что-либо сделать в этом направлении. Желательно, чтобы Советская власть сделала бы уступки бандеровцам».[20]

26 декабря 1944 года в здании НКВД СССР на Лубянке в кабинете начальника секретариата НКВД СССР С.С. Мамулова состоялась встреча руководства органов госбезопасности с представителями униатской церкви. Делегация УГКЦ прибыла на встречу в полном составе: архимандрит ордена «Студитов» и брат покойного митрополита А. Шептицкого Климент Шептицкий, член митрополичьей капитулы, доктор философии отец Гавриил Костельник, иеромонах ордена «Студитов» Герман Будзинский и священник УГКЦ Иван Котив. Советскую сторону представляли начальник 2-го управления НКГБ СССР П.В. Федотов, начальник 4-го управления НКГБ СССР П.А. Судоплатов и начальник ГУББ НКВД СССР А.М. Леонтьев. При этом, как указывали чекисты в рапорте о встрече, «делегаты представили себе, что они были в «Политическом Управлении Красной Армии», а нас приняли за ответственных представителей этого Управления».

Стоит отметить, что в начале встречи произошел один интересный эпизод, который произвел на униатов положительное впечатление и расположил их к советским представителям. Позднее г. Костельник вспоминал: «Когда мы зашли, я говорю: «Уважаемые господа генералы! Мы разговариваем только по-украински, и следовало бы, чтобы мы поняли друг друга, пригласить переводчика». Слово взял П.А. Судоплатов, «красивый, симпатичный, с черными глазами, сравнительно молодой», как описывал его г. Костельник, «и на чисто украинско-галицкой мове, ей богу, лучше, чем владею я сам, говорит: «А я что, не украинец? Будем говорить с Вами по-украински» – и начал, и начал... ». «Русский, – подчеркивал далее отец Гавриил, – никогда так не смог бы говорить по-украински, сколько бы он его не изучал».

В дальнейшем тон беседы задавал г. Костельник, который пустился в пространные рассуждения, пытаясь уверить советских представителей, что формирования УПА якобы изначально создавались отнюдь не для борьбы с Советской властью. В свою очередь Судоплатов, выслушав эту ложь, дипломатично не стал ее опровергать, а напротив, воспользовавшись моментом, намекнул представителям УГКЦ, что коль скоро изложенная ими информация соответствует действительности, с их стороны было бы желательно организовать встречу руководства ОУН с представителями Советской власти для переговоров о прекращении вооруженного противостояния.

При этом, как указывали в рапорте чекисты, «мы заявили Костельнику, что ...гарантируем делегатам-бандеровцам безопасность и возможность уйти в лес, если даже не придем к соглашению… Делегаты просили дать им возможность через некоторое время встретиться с нашим представителем во Львове, через которого они могли бы сообщить нам, как они выполняют данные ими здесь обещания, а самое главное, условиться, как лучше организовать встречу представителей бандеровского течения с уполномоченными Советской власти. Делегатам было сказано, что они могут дать нам о себе знать через уполномоченного по делам культов во Львове». (Здесь стоит уточнить, что в роли уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК УССР должен был выступать все тот же С.Т. Карин-Даниленко).[21]

И уже вечером того же дня от оперативного источника в 4-е управление НКГБ поступила информация, что во время разговора с ним Костельник доверительно признался: «Мы не сказали, что непосредственно можем связаться с руководителями бандеровцев, но... мы же можем с ними связаться, мы знаем священников, через которых можем установить контакт».[22]

На следующий день, 27 декабря, накануне отъезда делегации УГКЦ из Москвы, оперативный источник вновь встретился с г. Костельником. «Вчера, – сообщил ему Костельник, – как Вам известно, генералы нам говорили об установлении связи с руководством бандеровцев. Мы, когда вернемся во Львов, свяжемся с такими людьми, пусть руководители придут на переговоры с представителями властей, их отпустят обратно в лес, если они даже не договорятся с властями. Я в это верю: убедить же их в необходимости такой встречи я смогу, я договорюсь с ними, и они поймут, что большевики с ними не будут говорить после окончания войны. Надо использовать подходящий мо-

мент и сейчас принимать меры, чтобы выставить перед большевиками требования (они хотят ставить вопрос, в частности, о создании украинского войска), необходимость такой встречи именно сейчас поймут...». «Костельник, – резюмировал свое донесение источник, – высказывает твердое намерение по приезде во Львов принять все меры по организации встречи руководителей бандеровцев с представителями советских властей. Он считает, что на такую встречу должны придти от бандеровцев люди с именем, которые могут принимать решения и решают вопросы».[23]

Таким образом, у советской стороны появился еще один реальный шанс установить канал связи с главарями подполья.

Полученная в ходе встречи информация, равно как и сообщения оперативных источников, были немедленно переданы в Киев, а оттуда во Львов, и уже 8 января 1945 года в здании Львовского облисполкома С.Т. Карин-Даниленко встретился с г. Костельником и И. Котивым. После взаимных приветствий чекист, соблюдая легенду прикрытия (напомним, он выступал в роли уполномоченного совета по делам религиозных культов при СНК УССР), долго расспрашивал униатов о пребывании делегации УГКЦ в Москве и переговорах с Полянским, и, наконец, перешел к выяснению главного вопроса. При этом Карину необходимо было разобраться и понять для себя, действительно ли униаты готовы всерьез заняться налаживанием каналов с подпольем, или это были лишь пустые слова для отвода глаз. В связи с этим, когда беседа коснулась встречи с «генералами», между ним и Костельником произошел примечательный диалог (цитируем по рапорту Карина):

С. К.-Д.: *О чем же Вы говорили?*

Г.К.: *Мы говорили о том, как начать переговоры с теми, ну как их... – да с этой самой УПОЙ.*

С. К.-Д.: *Какой УПОЙ?*

Г.К.: *Да с УПОЙ, которая в лесу.*

С. К.-Д.: *С так называемой УПА, Вы хотите сказать? С нею или с Центральным Проводом ОУН?*

Г.К.: *Да, с УПОЙ и с Центральным Проводом ОУН.*

С. К.-Д.: *Ну, а как же Вы думаете это сделать? Где Вы их найдете?*

Г.К. (наивно): *Ну, мы как-нибудь будем искать их, а может быть они, узнав, что мы были в Москве, сами придут к нам, поинтересуются, что мы там дели. Мы воспользуемся случаем и постараемся убедить их в необходимости переговоров с Советской властью с тем, чтобы они прекратили те безобразия, какими занимаются.*

С. К.-Д.: *А кого Вы персонально из главарей этой самой УПА или Центрального Провода знаете?*

Г.К.: *Боже спаси, никого не знаю.*

С. К.-Д.: *Состава Центрального Провода не знаете?*

Г.К.: *Не знаю.*

С. К.-Д.: *Ну, а Романа Шухевича знаете?*

Г.К.: *Ну конечно, Романа Шухевича хорошо знаю, это же мой бывший ученик.*

С. К.-Д.: *А Вы его давно видели?*

Г.К.: *Да, давненько. Если память мне не изменяет, Шухевич был у меня в 1942 году. Он ехал с отрядом куда-то в Белоруссию для борьбы с советскими партизанами. Зашел ко мне и просил, кажется, чей-то адрес. Не помню, дал ли я ему этот адрес или не дал, но больше я его не видел.*

С. К.-Д.: *А Максима Рубана Вы знаете?*

Г.К.: *Максима Рубана? Не слыхал такого.*

С. К.-Д.: *Как, совсем не слышали?*

Г.К.: *Не слышал.*

С. К.-Д.: *Так говорите, о Максиме Рубане не слышали? А Николая Лебедя знаете?*

Г.К.: *Николая Лебедя? Как же, это тоже мой бывший ученик.*

С. К.-Д.: *Это и есть Максим Рубан.*

Г.К.: *Теперь припоминаю, господин министр, что действительно эту фамилию я слышал, когда Вы упомянули о Николае Лебеде, но забыл. Знаете, старческая память.*

С. К.-Д.: *А других членов Центрального Провода знаете?*

Г.К.: *Никого не знаю.*

С. К.-Д.: *А Бандеру Степана знаете, где он теперь?*

Г.К.: *Бандеру Степана не знаю, но слышал, что он где-то в тюрьме у немцев.*

С. К.-Д.: *Вопрос относительно переговоров с УПА или с Центральным Проводом ОУН возник по Вашей инициативе?*

Г.К.: *Нет, не по нашей инициативе. ...Нас повезли к генералам, и в беседе они нам предложили взять на себя миссию установить контакт с ОУН-УПА с тем, чтобы они пошли на переговоры с представителями Советской власти…*

С. К.-Д.: *Ну что же Вы делаете в этом направлении?*

Г.К.: *Мы ищем и ждем их к себе.*

С. К.-Д.: *Вы с охотой взяли на себя эту миссию?*

Г.К.: *Конечно, с охотой, потому что нужно положить конец тем страданиям, какие терпит народ Западной Украины от этого леса и спасти, по возможности, ту молодежь, которую ОУН и УПА увлекли за собой. Будем надеяться, что нам кое-что удастся сделать. Когда мы ехали в Москву, нас пугали тем, что там, на территории Советского Союза и на Украине, в частности, действует 4 миллиона этой самой УПА, но мы видели, что никаких там 4 миллионов, да и вообще ничего подобного на территории Советского Союза нет. Бандеровцам ничего не остается делать, как только начать переговоры с тем, чтобы как-нибудь спасти свои головы.*

С. К.-Д.: *Ну что же. Вы взяли на себя, безусловно, благородную миссию, желаю Вам успеха.*[24]

Беседа с Костельником и Котивым оставила у Карина двойственное впечатление. Без сомнения, униаты поддерживали контакты с руководством оуновского подполья и могли передать ему мирные предложения советской стороны. В то же время, и Карин это хорошо понимал, УГКЦ на всем протяжении существования националистического движения являлась его вдохновителем и опорой, а потому расчет на использование униатов в операции «Перелом» казался Карину малоперспективным. И наигранное поведение Костельника, избравшего для сегодняшней беседы роль наивного простака, это подтверждало. Как показали дальнейшие события, интуиция не подвела опытного чекиста.Тем не менее, в НКГБ УССР все же решили разыграть униатскую карту до конца, и Карин получил указание встретиться и попытаться привлечь к посреднической миссии униатов главу УГКЦ Иосифа Слепого, занявшего митрополичий престол в ноябре 1944 г. после смерти Андрея Шептицкого. Чекисты были осведомлены, что Слепой совершенно не имел того уважения и авторитета, каким пользовался покойный владыка Андрей. Расчет был в другом: в период оккупации Слепой играл активную роль в политической жизни Галиции, участвовал в различных мероприятиях оккупационных властей, соответственно, был лично знаком со многими оуновскими функционерами, а потому мог при желании повлиять на руководство подполья и уговорить его принять советские предложения.

Воспользовавшись тем, что делегация УГКЦ после своего возвращения детально информировала митрополита о своем пребывании в Москве и состоявшихся там встречах и переговорах, в том числе и о взятых на себя обязательствах, 11 января 1945 г. Карин нанес Слепому визит, и среди прочего, поднял вопрос о посреднической миссии. «Делегация взяла на себя эту миссию, отдавая себе полностью отчет в том, что всякие мероприятия, направленные на умиротворение в областях Западной Украины, являются делом христианской морали, – признал в разговоре с Кариным Слепой. – Вот все, что я Вам могу сказать по этому вопросу».

И вновь предоставим слово Карину (цитируется по рапорту):

С. К.-Д.: *Какие же меры принимают в осуществление своей миссии члены делегации, каким образом они надеются установить контакт с Проводом ОУН и УПА?*

И.С.: *Они ищут путей для того, чтобы связаться с этим Проводом, но подробно об этом я Вам ничего не скажу, так как об этом они меня не информировали.*

С. К.-Д.: *Но Вы, Ваша Экселенция, одобряете такую миссию делегации?*

И.С.: *Безусловно, одобряю.*

С. К.-Д.: Но, ведь Вы сами можете им в этом многим помочь.

И.С.: Я не совсем понимаю, каким образом я бы мог им помочь.

С. К.-Д.: В период оккупации, Ваша Экселенция, Вы являлись членом «Национальной Рады», членом «Рады Сеньоров» и, как мне известно, принимали активное участие в политической жизни этих украинских организационных центров. Больше того, Вы ведь вели переговоры по умиротворению бандеровцев и мельниковцев. Так ведь?

И.С. (смущенно, сглотнув слюну): Да, это так, я был членом «Национальной Рады» и членом «Рады Сеньоров», но это были не политические организации, а чисто общественные.

С. К.-Д. (перебивая Слепого): Нет, Ваша Экселенция, это были политические организации. Больше того, эти организации являлись, по существу, по тем планам, какие они лелеяли и по претензиям, – прототипом украинского правительства, но немцы их просто разогнали. Вопрос этот для нас бесспорный и мы не будем о нем дискутировать. Меня больше интересует Ваша миссия в деле умиротворения бандеровцев и мельниковцев. С кем персонально по этому вопросу Вы вели переговоры?

И.С.: Право, фамилий лиц, с которыми я вел по поручению покойного митрополита Андрея переговоры, я не помню. Лица эти были мне незнакомы.

С. К.-Д.: Как же так, Вы вели переговоры и не знали с кем?

И.С. (смущенно): Представьте себе, что не знаю. Ведь это люди такие, что трудно знать их фамилии... Да, простите, одну фамилию вспомнил. Случайно как-то в процессе переговоров была произнесена фамилия Ребет. Кто он такой, какое занимал положение – не могу Вам сказать, но он представлял бандеровцев. Но эти переговоры ни к чему не привели, так как бандеровцы с мельниковцами не хотели мириться.

С. К.-Д.: А какое положение занимал среди бандеровцев Ребет?

И.С.: Повторяю, я не могу Вам об этом сказать.

С. К.-Д.: Ребет, Ваша Экселенция, являлся шефом Государственного Устройства при правительстве Стецько.

И.С.: Да, может быть, но я не в курсе дела...

С. К.-Д.: Вы простите, Ваша Экселенция, что я так подробно останавливаюсь на этих вопросах, но мне также кажется, что, поскольку Вы в свое время по поручению митрополита Андрея вели переговоры, вернее, были посредником между бандеровцами и мельниковцами, то и сейчас могли бы оказать большую помощь членам делегации по осуществлению той миссии, какую она на себя взяла. Я думаю, что Вы отдаете себе отчет в том, какое важное дело сделала бы церковь, вернее, ее представители в лице делегации, если бы, установив контакт с Проводом ОУН и УПА, добились бы прекращения борьбы, которую ведут оуновцы и участники УПА против украинского народа и Советской власти – борьбы, полезной только нашим врагам.

И.С.: Я полностью отдаю себе в этом отчет, и буду содействовать тому, чтобы делегация успешно осуществила свою миссию в этом деле. Очень сожалею, что лично я ничего для этого не могу сделать. Если потребуется мой совет, я дам его, как делегации в целом, так и каждому члену ее, как я дал им на это свое благословение после того, когда они информировали меня о своих переговорах с генералами.[25]

Таким образом, предчувствие Карина оправдалось – расчет на содействие митрополита оказался напрасным. Иосиф Слепой полностью устранился от посредничества и занял выжидательную позицию.

Тем не менее, находясь, по сути, в патовой ситуации из-за отсутствия других каналов связи с подпольем, Сергей Тарасович все же периодически напоминал им о взятых на себя посреднических обязательствах. Костельник же продолжал юлить и тянуть время, мотивируя отсутствие конкретных шагов со своей стороны боязнью ареста за связь с бандеровцами и прочими надуманными причинами. И Карину вновь приходилось разъяснять доктору философии, что и ему, и представителям подполья от имени правительства гарантирована полная неприкосновенность и безопасность.

Когда терпение Карина уже подходило к концу, от И. Котива, наконец, была получена информация, что «дело находится на хорошем пути», и доктор Костельник просит «господина министра» пожаловать к нему на обед в четверг, 1 февраля, к пяти часам вечера, где они и смогут в домашней обстановке обсудить все интересующие вопросы.

Точно в назначенное время Карин появился в квартире Костельника в доме № 1 по улице Корняктов. Судя по описанию встречи в докладной записке, доктор философии вновь избрал для себя роль наивного провинциала и, вместо обсуждения главного вопроса, принялся рассказывать о своем увлечении рыбной ловлей, носился по комнате, с гордостью показывал удилища, а во время обеда много шутил и «оглушительно пил водку и курил», чего, по словам Карина, он во время предыдущих встреч за ним никогда не замечал. Сергей Тарасович вынужденно прервал эту идиллию, и, заявив, что «деловых вопросов на десерт не оставляют», попросил информировать его о «результатах принятых делегацией мер по установлению контакта с Проводом ОУН». «Раз уж Вы настаиваете начать с деловых вопросов, – ответил Костельник, – то ничего не поделаешь. К Проводу ОУН мы нашли пути, поставили перед ним вопрос о возможности переговоров и получили такой ответ: «Нужно было с этим делом обратиться к нам до Рождества, теперь уже поздно».

Ошеломленный этим известием Карин записал полученный ответ в блокнот и попытался выяснить у униатов, как нужно это понимать. Костельник и Котив пожали плечами: «Разве этих людей поймешь, что они хотят? Разве поймешь, что они хотели сказать своим ответом на Ваше предложение? Ломаем мы голову, чтобы понять этот ответ, но пока безнадежно». Карин быстро взял себя в руки. «Что ж, – резюмировал он, – какой бы ответ ни был, но если он неположительный, то тем хуже для тех, кто именует себя Проводом ОУН и «иже с ними». Значит, они не отдают себе отчета в том, что их ожидает. Дело в том, что если они, так или иначе, не сложат оружия – мы их всех уничтожим не сегодня, так завтра. Конечно, Провод ОУН в этих условиях, очевидно, надеется улизнуть за кордон и расплатиться за свои действия жизнью всех тех, кто шел за ними и за т. н. УПА, но и эта глупая надежда неосуществима, так как кордон, с точки зрения наших возможностей, сегодня – вещь весьма условная, так же, как и для Гитлера нет таких кордонов, за которыми он мог бы скрыться. Не будет таких кордонов и для тех оуновцев, которые не пожелают сложить оружие».[26]

Как ни горько было Карину это осознавать, но результаты четырехмесячного напряженного труда оказались напрасными, и на операции «Перелом» можно было поставить крест. Ему оставалось лишь проинформировать Савченко о результатах и ждать дальнейших указаний наркома.

Через несколько дней за подписью последнего в Москву на имя П.А. Судоплатова был отправлен подробный отчет, в сопроводительном письме к которому Савченко указывал:

> *«...Униаты установили связь с Проводом, предложили ему войти в контакт с Советской властью и начать переговоры о прекращении борьбы. Однако, судя по ответу, Провод ОУН – УПА отказался вести такие переговоры через униатов».*[27]

Одновременно с этим руководство НКГБ УССР принимает решение максимально активизировать мероприятия по агентурному делу «Берлога», направленному на «полное вскрытие деятельности членов бандеровского Провода ОУН, проводящих на нашей территории активную бандитско-террористическую и шпионско-диверсионную работу, и их оперативную ликвидацию».[28]

Однако последующие события вновь приняли для чекистов совершенно неожиданный оборот. Морозным днем 15 февраля в кабинет Карина, который он занимал в здании львовского облисполкома, вошел взволнованный Кордюк. Юлиан Степанович рассказал следующее. Пару дней назад, на улице Радянськой недалеко от облисполкома к нему внезапно подошла Ярослава Музыка и тихо прошептала: «Наконец получено согласие на предварительную встречу. Ждите вызова». А сегодня утром она появилась на квартире у доктора и сообщила, что во Львове находится курьер от Центрального Провода ОУН, который желает безотлагательно встретиться с Кордюком. На выбор курьер предложил несколько мест встречи: собор св. Юра, Стрыйский парк или дом «пани Славы». Юлиан Степанович выбрал последнее и вскоре уже сидел в квартире Музыки напротив представителя бандеровского Провода.

Им оказалась молодая женщина. После приветствий Кордюк поинтересовался, заинтересованы ли ее руководители вступить в переговоры с правительством по вопросу прекращения вооруженной борьбы. «Заинтересованы, – последовал ответ. – И я по поручению организации должна передать Вам ответ. Провод согласен на встречу, но, по мнению руководства, она должна проходить на паритетных условиях, при равном числе

людей с обеих сторон. Что же касается советской стороны, то поскольку переговоры будут охватывать общеукраинские вопросы, Провод полагает, что в них не должны принимать участие работники львовского партийного или государственного аппарата, а только деятели республиканского уровня». «Каковы же технические условия встречи?» – спросил Кордюк. «Мне поручено озвучить наши предложения по организации встречи. Во всяком случае, переговоры должны проходить на нашей территории и под охраной наших хлопцев. Это одно из принципиальных условий Провода. Все условия изложены в этом «грипсе»» – с этими словами курьер передала Кордюку небольшую запечатанную записку. Юлиан Степанович пообещал передать «грипс» представителю правительства и условился встретиться с курьером через два дня, чтобы сообщить результаты.

В «грипсе» Провода ОУН содержались технические условия: встреча должна была состояться 24 февраля (запасная дата 28 февраля), одна-две автомашины с представителями советской стороны должны были выехать из Львова в восемь часов вечера и двигаться со скоростью 30 километров в час в сторону Тернополя, подавая каждую минуту сигналы светом фар. Точное место встречи указано не было. На каком-то участке шоссе машины будут остановлены круговыми движениями фонаря. Здесь представителей правительства встретят связные Провода и проводят к месту переговоров. Если советская сторона согласна на эти условия, должен быть подан условный знак: на фонарном столбе по улице Коперника напротив дома № 5 начерчены мелом две точки.

В тот же день, 15 февраля, во Львов экстренно вылетел народный комиссар госбезопасности УССР Савченко. Вечером, в присутствии Карина он встретился с Кордюком и внимательно выслушал сообщение последнего. Было решено, что на обусловленную встречу с курьером 17 февраля вместе с Кордюком отправится и Карин. При этом с Музыкой должно было быть согласовано, чтобы курьер о внезапном визите «киевлянина» ничего не знала.

А на фонарном столбе по улице Коперника появились две нарисованные мелом точки…

17 февраля 1945 года в 12.30 в здании Облисполкома Карин встретился с Кордюком, чтобы вместе направиться на квартиру к Музыке. Кордюк сообщил, что уже побывал там, но, чтобы выиграть время для встречи с Кариным, предупредил связную, что из-за срочного задания переносит разговор на час-полтора. «Пани Слава» о визите «киевлянина» для встречи с курьером была предупреждена и дала охотно свое согласие. Курьер, по словам Кордюка, о визите Карина ничего не знала.

В 12.40 Карин и Кордюк переступили порог квартиру художницы. Представившись Музыке и извинившись за незваный визит, Карин попросил ее пригласить «невидому пани». Через минуту в гостиную вошла молодая женщина. Вот как описывал ее Карин: «По внешнему виду и одежде, она похожа на домашнюю работницу. Скромная на вид, с простым, типично украинским обветренным лицом, с прической деревенской девушки, в серенькой поношенной, городского фасона юбке и свитере, в приличных, по ноге сшитых сапогах, «невидома пани», благодаря своей простоте, не могла привлечь к себе никакого внимания». Как впоследствии выяснили чекисты, это была Богдана Свитлык-Литвиненко (оуновская кличка Светлана), руководительница женской сетки ОУН г. Львова.

Далее между ними состоялся весьма примечательный диалог, из которого мы позволим себе процитировать весьма обширный фрагмент (цит. по рапорту С.Т. Карина).

«Начиная деловую беседу, я сказал: «Я представитель Правительства Украины из Киева. Мне поручено войти с Вами в контакт по вопросу ведения переговоров с т. н. Центральным Проводом ОУН о прекращении ОУН-УПА борьбы с нами. Меня проинформировали, что люди, именующие себя Центральным Проводом ОУН, через посредников обратились к советскому украинскому правительству с таким предложением и для предварительной встречи назначили свои условия, вернее не условия, а технику встречи для ведения предварительных переговоров.

Прежде чем говорить о самих то ли предварительных, то ли генеральных переговорах, я хочу Вам сказать...».

«Пожалуйста», – перебила меня связная.

«Я хочу сказать о безопасности, – продолжал я далее. – Больше того, о неприкосновенности тех людей, которые будут с Вашей стороны вести переговоры с нами о прекращении борьбы, в частности, о Вашей лично безопасности, поскольку Вы являетесь деловым посредником из леса. С той минуты, когда я вступил с Вами в личный контакт, Вам, от имени Правительства Украины, гарантируется полная безопасность и неприкосновенность».

Склонив набок голову и несколько смущаясь, связная поблагодарила меня, но с таким выражением на лице, которое как будто гово-

рило – «но я могу обойтись и без Вашей гарантии».

«Теперь я хочу Вам сказать, кто я, – продолжал я далее. – Я уполномоченный по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров Украины. Человек я для Вас неизвестный, но Вы можете обо мне спросить у известных, пожалуй, даже авторитетных для Вас людей, которые меня лично знают, например: его Екселенция митрополит Иосиф Слепой – глава греко-католической церкви, архимандрит Климент Шептицкий, доктор Костельник и капеллан Котив».

При этом я протянул связной Провода свой документ с фотокарточкой, выданный мне как врио Уполномоченного по делам религиозных культов при СНК УССР за подписью Зам. Пред. Совнаркома тов. Корниец. Связная внимательно прочла текст удостоверения, остановила взгляд на заглавном штампе его – «Совет Народных Комиссаров», затем опустила глаза на подпись внизу и передала документ Я.Л. Музыке, которая протянула за ним руку. Музыка прочла документ, отдала его снова связной, которая, передавая его мне, сказала: «Благодарю Вас, этого мне достаточно».

Я продолжал далее: «Так вот, «невидома пани», от имени Правительства Украины ставлю Вас в известность о том, что переговоры с Центральным Проводом ОУН о прекращении им борьбы с нами мы вести готовы, готовы также и встретиться с ответственными представителями его, но не таким способом, как это нам предложено Вашим «грипсом». Вы наверно уже знаете, что согласно условию, предложенному нам в Вашем «грипсе», мы на фонарном столбе на улице Коперника, против дома № 5, поставили две точки мелом, но, «невидома пани», я хочу Вам заявить: это не значит, что мы принимаем все предложенные условия встречи с Вашими представителями. Две точки на столбе мы поставили для того, чтобы показать вам свою добрую волю, с которой мы соглашаемся вести с Вами переговоры. Но что касается условий встреч с ответственными Вашими представителями, то нашу точку зрения мне поручено изложить Вам лично для того, чтобы Вы передали о ней тем, кого Вы представляете. Исходя из этого, я и позволил себе просить Юлиана Степановича устроить встречу с Вами лично и через него же я просил Ярославу Львовну позволения встретиться с Вами в ее квартире. Чтобы Вам не поставили в вину встречу со мной, я, с Вашего разрешения, обращаюсь к Ярославе Львовне и Юлиану Степановичу с просьбой присутствовать при нашей беседе, дабы они могли засвидетельствовать, если это потребуется, о деловом содержании нашей беседы перед Вашими доверителями, ибо Ваши собратья, как нам известно, всякое произвольное общение с представителями Советской власти склонны воспринимать с подозрением и «без сантиментов».

Каким же образом мы склонны вести переговоры с Вашими представителями? Прежде всего, мы возражаем против ведения переговоров где-то там «у Вас», на «Вашей» территории, ибо никакой территории Вы не имеете, земля наша, украинская советская, отвоеванная у врагов кровью лучших сынов украинского народа. А теперь еще приходится вести борьбу и с Вами. Во имя чего подняли против нас оружие? Вы думаете, нам не больно от того, что Вы, украинцы, ведете борьбу против нас же, украинцев? Больно, конечно. Я украинец и это особенно чувствую. Поэтому к вопросу переговоров о прекращении Вами борьбы у меня есть стимул не только государственный, но и личный.

Переговоры с Вами, как я уже говорил, мы вести согласны, но в лес мы ехать не намерены. Пусть приезжают Ваши представители сюда – во Львов, в Киев, куда хотите. Мы гарантируем им полную неприкосновенность, и они будут в такой же безопасности, как Вы в данную минуту. Имея полномочия Правительства Украины из Киева, я пришел сюда на встречу с Вами для того, чтобы ускорить эти переговоры, ускорить, дабы избежать ненужных жертв в борьбе с Вами. Условия нашей с Вами борьбы Вам известны. Для всех Вас –

Б. Свитлык («Светлана»)

это вопрос жизни, ибо, если Вы не прекратите борьбы против нас, мы всех Вас уничтожим. Кто бы к нам не пришел для переговоров, но если придут с доброй волей и искренним сердцем, мы не отвергнем желания таких людей. Пусть приходит Степан Бандера, Стецько, пусть идет «Тур» – Роман Шухевич и даже референт СБ Центрального Провода ОУН – «Григор», переговоры мы будем вести и этим людям гарантируем неприкосновенность…

Ваши говорят, что они борются против нас за самостийную соборную Украину. Да мы уже 27 лет ее имеем… И разрешите Вам сказать, мы Украину возродили. Объединившись с другими народами, с братским русским народом, мы стали силой, оказавшейся способной разгромить гитлеровскую Германию. А Вы отдаете себе отчет в том, что было бы с Украиной, если бы она не была в союзе с русским народом и с другими народами в системе Союза Советских Социалистических Республик? Да Украина погибла бы и на сотни лет осталась бы рабой, колонией Германии. Я не имею намерения убеждать Вас в этом. Жизнь убедила теперь в этом всех. Мы возъединяем украинские земли и не от «Сана до Дона», как пелось в петлюровском и Вашем гимне, а от Закарпатья до Дона. Мы осуществляем то, за что боролись десятки поколений лучших патриотов украинцев. Возъединили Западную Украину, возъединяем Закарпатскую Украину…

Так вот, «невидома пани», передайте, пусть не боятся и приезжают для переговоров с нами сюда… Как Вы на это смотрите?», – спросил я связную Провода.

Спокойно, медленно, продумывая каждое свое слово, связная Провода ответила: «Мне поручили передать Вам условия встречи и изменять их я не вправе. Очень хорошо, что мы имеем возможность переговорить здесь с Вами лично, но еще было бы лучше, если бы Вы приехали к нам и там можно было бы установить «Синэ Ква Нон» (необходимые условия) для дальнейших переговоров. Согласно переданных Вам условий, поставив две точки на условном месте, Вы назначили встречу с нашими представителями на 24 февраля. Не изменяйте своего согласия и все будет хорошо».

Даже по этим словам, – по одной фразе «Синэ Ква Нон» можно было определить, что связная Провода имела солидный общий культурный уровень и политический кругозор…

«Я снова прошу Вас учесть, что я не могу ничего изменять или давать согласие на Ваши условия. Ваше положение несколько иное, чем наше. Вы можете без затруднений приехать, между тем, как нам прибыть во Львов гораздо сложнее. Поэтому я прошу Вас, будьте джентльменом, приезжайте к нам, приезжайте именно Вы, мы Вас неплохо примем», – настаивала связная.

«За приглашение я вас благодарю, но быть в таких условиях джентльменом – дело довольно трудное. Хорошее мне джентльменство в лесу ночью, нечего сказать, – заметил я, смеясь, связной. – Значит, Вы настаиваете на встрече у Вас 24 февраля? Лично я против этого ничего не имею, раз Вы настаиваете, не знаю, даст ли мне или кому-либо другому санкцию на это Правительство. Во всяком случае, чтобы ускорить переговоры, я буду просить разрешения», – сказал я связной.

«Я очень прошу Вас об этом», – ответила связная.

«Да передайте Вы Вашим лесовикам, пусть не боятся приехать во Львов, – убеждал я связную. – Ваши люди будут неприкосновенны так же как и Вы с момента нашей встречи. Кстати говоря, в Вашем положении Вы можете оказаться в опасности… Поэтому, дабы обезопасить Вас, я могу выдать Вам соответствующий охранный документ…».

«Я очень благодарна Вам, но и со своим документом я думаю проехать или пройти туда, куда мне нужно», – озорно улыбаясь, ответила связная.

«Ваша самоуверенность, девушка, делает Вам честь», – смеясь, заметил я связной.

«Оказывается, иногда интересно говорить не только с «видомой», но и с «невидомой пани», – обращаясь к Музыке, сказал я.

Связная поблагодарила меня за комплимент. Далее я спросил связную, какие вопросы она хотела бы еще обсудить.

«Самое главное – это то, что мы установили с Вами личный контакт и теперь надеемся на первую деловую встречу 24 февраля», – ответила связная.

Я перебил ее: «Слушайте, я страшно удивляюсь, почему Вы отвергаете возможность приезда Ваших представителей к нам во Львов. Вы боитесь нас? Когда Центральный Провод ОУН вел переговоры с немцами, то немец Кригер из полиции безопасности встретился с представителем Провода Герасимовским в Тернополе, на квартире адвоката Болюха, затем приехал во Львов, где неоднократно встречался с полицейскими чи-

новниками до тех пор, пока не договорился по всем вопросам, интересовавшим Провод. Так неужели же для Вас мы, украинцы, Ваши братья, – страшнее немцев? У меня не вкладывается ни в голове, ни в сердце это».

Уклонившись от прямого ответа, связная заметила: «Но они не договорились».

«Нет, Вы ошибаетесь, приняв все условия, какие были предложены немецкой полицией, Провод ОУН договорился с ней. Я читал протоколы этих переговоров, причем протоколы самих немцев», – ответил я связной и далее продолжал: «Вы знаете, милая девушка, что нам известно о том, что в УПА вступало много таких людей, которые, горя ненавистью к оккупантам, хотели бороться с ними за освобождение Украины от этих мерзавцев. Такое побуждение людей мы, патриоты, глубоко уважаем и ценим. И если бы УПА вела борьбу с немцами так, как вели ее наши советские партизаны, и после нашего сюда прихода влилась бы в Красную Армию и пошла бы на фронт защищать родину, то между нами и «Вами» не было бы никакой борьбы, не было бы таких кровавых жертв, какие имеются. Поймите, наконец, свои ошибки. Давайте договоримся и будем работать вместе на пользу украинскому народу, на пользу Украине, а не в интересах врагов ее… В 1939 году Советская власть возъединила Западную Украину с Великой Украиной, т.е. осуществила то, чего никто никогда не мог добиться для украинского народа, освободила тысячи заключенных поляками украинцев из тюрем, освободила, в частности, и Степана Бандеру. Понимаете ли Вы, ЧТО ЕСЛИ БЫ НЕ Советская власть – Степан Бандера сидел бы до конца своей жизни в Береза-Картузской в кандалах и чистил бы для своих тюремщиков картошку? Но сделал ли он из этого какие-либо для себя выводы и для тех, кто шел за ним? А ведь с нашей стороны было сделано все для того, чтобы Вы все были с нами, но Вы нас не знали, знать не хотели, стреляли в нас... Видели ли Вы, девушка, когда-либо живого большевика – украинца? Говорили ли Вы с ним? Спрашивали ли Вы у него ответа на волнующие Вас вопросы и недоумения? Думаю, что не было этого у Вас. И вот, теперь, когда мы видим, что Вы хотите разговаривать с нами, мы искренне отзываемся на Ваше желание. Вы простите, если я сказал Вам что-нибудь такое, что могло вызвать у Вас горечь, но я говорю с Вами не только, как представитель правительства, но и как человек, говорю сердцем и душой».

Девушка-связная внимательно слушала меня, не перебивая, затем, вздохнув, заметила тихо: «Много тяжелого пережил наш народ».

Чтобы не утомлять собеседников такой темой и не вызвать подозрения, что я их агитирую, мне пришлось перевести разговор в другую плоскость. Говорили о Киеве, Харькове, Полтаве, о разрушениях и злодеяниях, сделанных немцами… Затем я начал описывать красоты столицы Украины – Киева, Днепра. Девушка-связная слушала с увлечением. Я спросил ее, была ли она в Киеве, видела ли она Днепр. Вздохнув, она ответила, что Киева не видела, в водах Днепра не купалась, хотя часто и мечтала об этом, так как очень хорошо плавает. Я высказал девушке свое пожелание, чтобы наша беседа пробудила у нее надежду увидеть Днепр, покупаться в его голубых водах. Она на это ответила: «Я плавала в Висле, однако, это было не то ощущение. Я знаю, что если бы я плавала в Днепре, то у меня было бы совсем другое чувство, сладкое чувство, когда мечта становится действительностью. До сих пор я ведь жила только мечтая о Киеве и Днепре».

«Благодаря нашей беседе, есть проблески надежды, что мы с Вами увидимся в Киеве, и что вы будете смотреть в воды Днепра не с враждебным чувством по отношению к нам, любящим свою родину настоящей любовью. Я чувствую в Вас искренность и уверен, что пройдет еще некоторое время и Вы будете с нами, будете в Киеве также хорошо себя чувствовать, как и мы», – заметил я связной и, возвращаясь снова к деловым вопросам, спросил ее: «Значит, Вы настаиваете, чтобы наш представитель приехал к Вам 24 февраля?».

«Да, это будет лучше всего», – поддержала связную Я.Л. Музыка…

Заканчивая разговор и поблагодарив своих собеседников, я спросил связную: «Так Вы надеетесь на встречу 24-го февраля?».

«Да, конечно, на эту встречу я надеюсь», – ответила связная…

«Хорошо, я буду просить разрешения правительства приехать к Вам. Но передайте Вашим, что мы будем категорически настаивать на том, чтобы генеральные переговоры велись у нас – хотите во Львове, в Киеве или в другом месте», – сказал я связной…

Связная попрощалась со мной очень тепло. Я просил ее рассчитывать на мою помощь в случае, если бы с ней что-либо случилось…».[29]

Прежде, чем мы перейдем к дальнейшему изложению событий, нам необходимо прерваться и

рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Проводе ОУН к концу войны, и понять, что все же заставило Шухевича искать контактов с советской стороной.

На протяжении 1941 – 1943 гг. Провод возглавлял Николай Лебедь («Максим Рубан»), давний член ОУН и ближайший сподвижник С. Бандеры, которого «Быйлыхо» оставил вместо себя «урядуючим» проводником. К весне 1943 г. в результате проводимой немцами жесточайшей оккупационной политики в рядах ОУН все чаще стали раздаваться призывы к борьбе с оккупантами, а на Волыни (в большей мере стихийно или под воздействием других организаций) появились первые вооруженные отряды. Лебедь, который продолжал контакты с немцами и после ареста Бандеры, не мог нейтрализовать эти настроения и лишь упрекал членов Провода в плохой работе, самоуправстве и требовал для себя неограниченных полномочий и полного подчинения. В свою очередь, Лебедя обвиняли в том, что его диктатура ведет организацию к упадку и разложению. Возникший кризис умело обернул в свою пользу Р. Шухевич, который незадолго перед тем вернулся из Белоруссии и занял должность военного референта Провода. Он поддержал (как вскоре выяснилось, лишь на словах) курс на антинемецкое восстание и демократизацию внутренней жизни ОУН и, используя недовольство членов Провода диктаторской политикой Лебедя, в апреле 1943 г. отстранил последнего от руководства и занял место во главе коллегиального Бюро Провода ОУН.[30] Третий Великий Сбор ОУН в августе 1943 г. эти полномочия Шухевича утвердил. Тогда же, играя на разногласиях оуновских функционеров, он подчинил себе вооруженные отряды и занял место Главного командира УПА.

Здесь уместно привести свидетельство члена Провода и командира УПА-Запад А. Луцкого, согласно которому в руководстве ОУН Шухевича считали большим интриганом и безынициативным человеком, умеющим удачно улавливать чужие мысли и советы, а затем выдавать их за свои. Как подчеркивал далее Луцкий, «своего мнения у него нет, и он его прямо никогда не выскажет. Если бы не его заместитель по ОУН «Тарас» (Д. Маевский. – **Прим. авт.**), ему вообще трудно было бы руководить ОУН-УПА».[31] Похожим же образом оценивал Шухевича и другой член Провода М. Степаняк, характеризуя его как человека мелочного, мстительного и честолюбивого.[32]

Укрепив собственные позиции в руководстве и подчинив себе УПА, Шухевич занял еще более бескомпромиссную и диктаторскую линию поведения, а главное, отказался от намеченного ранее курса и перенаправил острие вооруженной борьбы против советских партизанских отрядов. Уместно предположить, что это было обусловлено договоренностями между Шухевичем с немецким военным командованием, которое было крайне заинтересовано привлечь формирования УПА к борьбе с советскими партизанами, активизировавшими боевые действия на Волыни и в Галиции в преддверии наступления Красной Армии, уже освободившей к тому времени часть левобережной Украины.

По выявленным на сегодняшний день документальным источникам сложно указать, когда именно произошло восстановление контактов немецкой разведки со своим бывшим офицером (если они вообще когда-либо прерывались), во всяком случае, на протяжении 1944 г. они документируются совершенно точно.[33] Попутно заметим, что Шухевич тщательно скрывал эти контакты от других членов Провода, не говоря уже о рядовых уповцах, а на словах по-прежнему декларировал антинемецкую позицию и грозил отдельным командирам, по собственной инициативе заключавшим соглашения с немецкими представителями на местах, «революционным» судом.[34]

Однако линия, которую проводило Бюро Провода, свидетельствовала об обратном. В этой связи среди оуновских функционеров возникли подозрения, что немцы имеют в Проводе своих агентов, а некоторые прямо указывали на самого Шухевича.[35]

В связи с этим неудивительно, что Шухевич своими действиями и интригами вскоре нажил себе в Проводе мощную и опасную оппозицию, в которую входили: начальник главного военного штаба УПА Д. Грицай («Перебейнис»), руководитель СБ ОУН Н. Арсенич («Михайло»), краевой проводник Галиции Р. Кравчук («Петро»), руководитель южного краевого Провода ОУН и командир УПА-Юг В. Кук («Лемиш»), командир УПА-Запад А. Луцкий, начальник отдела политвоспитания Провода ОУН и ГВШ УПА Я. Бусол («Галына»), члены Провода ОУН М. Степаняк («Сергий») и В. Охримович («Бард»).[36] Однако наиболее серьезным соперником Шухевича оставался Николай Лебедь, авторитет которого был по-прежнему высок у многих членов организации. После смещения с должности «урядуючого» проводника он на некоторое время отошел от дел, а затем, на фоне конфронтации Шухевича с другими членами Провода, вернулся к активной работе и занял пост Председателя Рады ОУН – высшего контрольного органа этой организации, и одновременно возглавил референтуру внешних связей (Р-33).[37]

В июле 1944 г. в связи с созданием «надпартийной» структуры «УГВР» (Украинской Главной Ос-

...Советская сторона, принимая позицию Шухевича за чистую монету, решила первой пойти навстречу и протянуть руку мира... Идти на реальное примирение Шухевич не собирался изначально. Он строил свой расчет только и исключительно на возможный конфликт бывших союзников с СССР...

вободительной Рады), призванной скрыть под новой вывеской запятнавшую себя пособничеством оккупантам ОУН и репрезентовать всю «воюющую» Украину, Лебедь занял в ней пост генерального секретаря иностранных дел. Стоит заметить, что на этот раз Шухевич не отважился пренебречь политическим авторитетом Лебедя и «спихнуть» с завоеванного пьедестала. Вместо этого, в связи с освобождением Красной Армией территории Западной Украины, он как глава Секретариата на специальном заседании инициировал вопрос о выезде делегации УГВР, в том числе и Лебедя, за границу.[38] Казалось бы, для амбициозного соперника это была почетная дипломатическая ссылка, но Шухевич ошибся. Ввиду поражения Германии и ожидаемого конфликта между США и Великобританией, с одной стороны и СССР – с другой, пребывающий в Братиславе Лебедь развил кипучую деятельность по установлению контактов с западными союзниками. Под прикрытием немецкой организации ОТ курьеры Лебедя Е. Стахив и К. Микитчук выехали в Триест, а оттуда в Италию, где связались с представителями армейского командования стран-союзников, в Вене в этот же период находился еще один член делегации УГВР М. Прокоп, который пытался наладить связь с английскими представителями через бывшего австрийского эрцгерцога Вильгельма Габсбурга (В. Вышиванного).[39]

Двух курьеров, отправившихся в Югославию, постигла неудача – они были захвачены и уничтожены партизанами Тито.[40]

В начале 1945 г. по поручению Лебедя вице-президент УГВР, бывший капеллан «Нахтигалля» отец И. Гриньох устанавливает контакты с украинскими представителями дивизии СС «Галиция», которая находилась тогда в Словакии, с целью взять дивизию под контроль УГВР и «возглавить ее, если бы возникла такая необходимость». После перехода дивизии в Каринтию, в Загреб перебирается и миссия УГВР.[41]

Таким образом, расчеты Шухевича на то, что, высланный за границу Лебедь окажется на второстепенных ролях в организационной иерархии и, по сути, в изоляции от событий в «Крае», не оправдались. Напротив, сосредоточив в своих руках все зарубежные контакты, Лебедь в условиях краха Третьего Рейха оказался монополистом на репрезентацию ОУН на Западе и, соответственно, лишь через него организация на Украине могла рассчитывать на получение помощи от стран – «альянтов».

Осенью 1944 г. Шухевич получил еще одно неприятное известие – на свободе оказались С. Бандера и Я. Стецько, с которыми Лебедь тут же устанавливает контакт. Непосредственно к Бандере он направляет И. Гриньоха, а связь между Братиславой и Краковом поддерживается через регулярно курсирующих курьеров Лебедя Р. Павленко («Юрко») и Михайлы Лебедя («Медвидя»).[42]

По свидетельству командира УПА-Запад А Луцкого, Бандера – «Быйлыхо» – был невысокого мнения о способностях Шухевича и собирался претендовать на ведущее место в ОУН, которое занимал до войны. Важно отметить, что возвращения «Быйлыха» к руководству ожидали и многие оуновские функционеры в «Крае», в частности глава СБ Н. Арсенич.[43]

Тем не менее, до конца 1944 г., в условиях прохождения фронта через территорию Галиции и Польши и активных боевых действий между частями Красной Армии и вермахтом, ни Бандера, ни «краевики» не говорили о смещении Шухевича. Все усилия были сконцентрированы на противодействии наступающим советским войскам, и, как уже отмечалось, Бандера и Гриньох оставались за линией фронта в распоряжении абверкоманды-202 и координировали заброску диверсионно-террористических групп в расположение УПА.[44]

Но уже в феврале в Вене на расширенном совещании членов ОУН, находящихся за границей, Бандера резко поставил вопрос о своем возвращении к руководству всей ОУН, отмене принципа коллегиального руководства и остальных «демократических» решений Третьего Сбора.[45] Одновременно с этим он направил Проводу ОУН письмо с указанием обеспечить технические условия для своего перехода на Украину.[46]

Таким образом, для Шухевича сложилась очень непростая ситуация: с одной стороны, он был вынужден считаться с оппозицией «краевиков», с другой же – оказался в фактической внешней изоляции, ибо приближающаяся капитуляция Германии лишала его связи с соответствующими немецкими кругами, а контакты с США и Великобританией оказались сосредоточены в руках врага и соперника Николая Лебедя. В дополнение ко всему, возвращение к руководству Степана Бандеры вообще грозило ему потерей всех занимаемых позиций в ОУН и УГВР.

Однако было бы неверным упрощать ситуацию и сводить все лишь к схватке за властные полномочия. К середине 1944 г. Шухевич, который мог воочию наблюдать развитие событий в «Крае», достаточно быстро понял всю сложность вооруженной борьбы с таким гигантом, каким был побеждающий в войне Советский Союз. Полное изгнание оккупантов с территории республики и непрекращающиеся войсковые операции против «повстанцев» заставили его всерьез задуматься о перспективах дальнейшей борьбы с «Советами». На состоявшемся в конце октября – начале ноября 1944 г. очередном заседании Провода политический референт и заместитель Шухевича Д. Маевский убеждал собравшихся, что с разгромом Германии война не закончится и перерастет в вооруженное столкновении США и Великобритании с Советским Союзом, соответственно, на этот конфликт им и следовало делать ставку. По его словам, «приход Англии давал бы возможность национальному оздоровлению». Но до этого времени нужно было банально дожить и сохранить структуру организации, поэтому активизация вооруженной борьбы в «подсоветской действительности» становилась нецелесообразной, и следовало искать другие пути. Они, по мнению Шухевича, должны были заключаться в овладении искусством «как владеть массами, чтобы их не потерять», потому до начала ожидаемого конфликта следовало не активизировать вооруженное сопротивление, а «массам давать такие задания, которые в каком-то проценте будут выполнимы».[47]

В августе 1944 г. органами госбезопасности был арестован член Провода ОУН М. Степаняк («Сергий»). В собственноручных показаниях он писал:

> *«Через некоторое время после прихода советской власти на Западную Украину Шухевич изменил свои взгляды относительно возможностей революции в СССР силами УПА, признавал предыдущий взгляд ошибочным и вслед за тем начал искать выход из создавшейся ситуации. Между прочим, высказывался в пользу роспуска УПА, основательной реорганизации ОУН с переходом к другим методам работы. ... [Через] некоторое время после того Шухевич начал задумываться над возможностью прекращения деятельности вообще, т.е. не только распустить УПА, но также распустить ОУН. Эти свои взгляды Шухевич высказывал только перед некоторыми членами Провода, напр[имер], «Тарасом» (Д. Маевским. –* **Прим. авт.***), который по этому поводу с Шухевичем соглашался. Шухевич и «Тарас» считали, что прекращение всякой деятельности, то есть роспуск ОУН и УПА, возможно только в случае, когда со стороны советской власти были бы принятые определенные условия, над которыми Шухевич, и, в частности «Тарас», некоторое время размышляли. То есть, речь шла о развязке путем договоренности с представителями советской власти. Что сделано было со стороны Шухевича и «Тараса» в этом деле, неизвестно».* [48]

Можно предположить, что именно эта информация послужила отправной точкой для разработки операции «Перелом»: советская сторона, принимая позицию Шухевича за чистую монету, решила первой пойти навстречу и протянуть руку мира. Однако понадобилось несколько месяцев, и серьезные изменения во внешнеполитической ситуации и в самом руководстве ОУН, прежде чем Шухевич сделал ответный шаг.

В феврале 1945 г. на совещании членов Провода он формально подчиняется С. Бандере, вводит последнего в Бюро Провода ОУН и одновременно с этим проводит решение, согласно которому Бандере категорически воспрещается появляться в «Крае». Мотивировка была выбрана вполне благопристойная – высокая вероятность ареста проводника «Быйлыха» советскими спецслужбами. В результате Бандера сохранял политическое лидерство, а реальные рычаги управления организацией на Западной Украине пока оставались в руках Шухевича.[49]

Следующим его шагом стала отправка курьера во Львов, который должен был передать советской стороне согласие на встречу...

...Учитывая важность полученной от «Свитляны» информации, Савченко и Карин вечером того же дня срочно вылетели в Киев и лично доложили о результатах встречи Хрущеву. Придавая серьезное значение наметившейся перспективе склонить подполье к мирному разрешению конфликта, Хрущев от имени ЦК дал указание чекистам принять условия Провода ОУН и вести переговоры в направлении прекращения или ограничения проводимой им диверсионно-террористической деятельности при одновременном прекращении против подполья оперативно-войсковых операций со стороны власти. При благоприятном развитии событий Карину следовало поставить вопрос об условиях легализации не только рядовых членов УПА, но и самих руководителей подполья с последующим привлечением их к общественной и государственной (sic! – **Прим. авт.**) жизни республики. При этом было решено, что идти на встречу одному Карину все

Маевский Дмитрий (он же «Косар», «Тарас», «Зруб»),

1914 года рождения, уроженец Сокальского района Львовской области, из семьи учителя, с незаконченным высшим образованием. Закончил учительскую семинарию, учился в Варшавской консерватории по классу скрипки. Член ОУН с 1932 г. Повитовый проводник ОУН Жовковского района, организатор вооруженных выступлений в сентябре 1939 г., затем окружной проводник Сокальского района. Участвовал в подготовке вооруженного восстания в советском тылу, приуроченного к нападению Германии на СССР. Бежал в Краков, после раскола поддержал группу С. Бандеры. Участник II и III Сборов ОУН. С началом войны один из руководителей т.н. Северной походной группы ОУН, организовывавшей на оккупированной территории местные органы власти. Член Провода ОУН с 1942 г., референт пропаганды. Доверенное лицо Р. Шухевича. С августа 1943 г. – заместитель руководителя Бюро Провода ОУН, политический референт ОУН.

же рисковано, потому ему следует взять с собой кого-нибудь из офицеров Львовского УНКГБ. Выбор пал на капитана Хорошуна, который должен был выступать под видом работника львовского облисполкома.

Во Львовском управлении опасались, что бандеровцы могут совершить попытку захвата или ликвидации представителей правительства и настаивали на страховке делегации подразделением внутренних войск, однако Карин от этого категорически отказался. Его и Хорошуна должна была сопровождать охрана из четырех сотрудников УНКГБ, и то лишь до места встречи.

Хорошун Александр Алексеевич,

1913 года рождения, уроженец г. Конотоп Сумской области, из семьи рабочего. Образование высшее, член КПСС с 1940 года. В органах государственной безопасности с 1938 года, участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями.

Итак, вечером 24 февраля 1945 года, четко придерживаясь инструкций курьера, из Львова в направлении Тернополя выехали два легковых автомобиля. Двигаясь по разбитому шоссе, передовая машина, в которой находился Карин, каждую минуту подавала сигналы светом фар. Но ответа от связных с той стороны не было. Доехав до Тернополя, делегация была вынуждена повернуть назад и к утру вернулась во Львов. Позже выяснилось, что Карин был абсолютно прав, когда отказался от усиленной охраны. Той ночью бандеровцы специально не выходили на связь и, наблюдая за кортежем автомобилей, проверяли, не сопровождает ли делегацию крупное войсковое подразделение.

Чекистам же оставалось ждать запасной даты.

Через четыре дня, 28 февраля в восемь часов вечера Карин и Хорошун вновь выехали в сторону Тернополя. Двигались медленно, через три часа миновали Злочев, и вдруг на 93 километре от Львова Карин, который всю дорогу напряженно всматривался в темноту, заметил слабый сигнал электрического фонаря, который круговым движением подавал какой-то человек, затаившийся на обочине шоссе. Это был обусловленный курьером знак, и Карин приказал остановить машины. Один из сопровождавших делегацию сотрудников Львовского УНКГБ вышел на дорогу, навстречу ему шагнул из темноты человек в полушубке, вооруженный немецким автоматом. Обменялись паролем, связник повстанцев подошел к машине, в которой находился Карин, и сообщил, что представителей правительства уже ждут, но место встречи находится в нескольких километрах от шоссе и добраться туда можно только лошадьми. Машины же с охраной следует оставить здесь, «під нашою опікою» (под нашей опекой. – **Перевод авт.**). Вариантов не было, и Карин согласился.

Подали сани, Карину и Хорошуну завязали глаза, и через несколько минут в сопровождении группы всадников и еще одних саней с вооруженными «хлопцами» они двинулись в сторону от шоссе. Вместе с чекистами в санях примостились двое повстанцев, которые следили, чтобы те не снимали с глаз повязок. Ехали долго, около трех часов. Как позднее рассказывал Карин своему ученику, уже упоминавшемуся И.К. Шорубалке, он вскоре понял, что провожатые специально запутывают дорогу, и лишь отмечал про себя, что вот проехали лес, здесь едут полем, миновали село, повернули направо. Наконец сани остановились, чекистам сняли повязки, и первое, что увидел Карин, была обычная сельская хата возле кромки заснеженного леса и усиленная вооруженная охрана вокруг и во дворе

дома... (Позже, несмотря на ухищрения с завязыванием глаз, чекистам удалось установить это место – хутор Конюхи Козовского района Тернопольской области, в нескольких километрах от шоссе Львов-Тернополь. Интересно отметить, что в этот период (зима 1944 – 1945 гг.) Козовский район служил местом укрытия Романа Шухевича, который наведывался, в том числе, и на этот хутор.)

...Чекистов ввели в жарко натопленную хату и предложили раздеться. Как вспоминал Карин, на длинном, покрытым вышитой скатертью столе уже стояли разные закуски и выпивка, притом, кроме самогона, была и водка заводского производства. В хате вкусно пахло жаренной с чесноком свининой. Чекисты сразу поняли: те, с кем предстоит вести переговоры, еще не прибыли. Выжидали и провожатые. И лишь через двадцать минут в комнату вошли двое. Поздоровались.

– Как доехали? – поинтересовался один, раздеваясь. – Надеюсь, наши хлопцы не причинили вам неудобств?

– Кроме того, что завязали глаза, неприятностей не было, – въедливо ответил Карин. – Спасибо, доехали хорошо.

– Извините, но у нас такая конспирация, даже для своих, – пояснил первый.

– Вас же, наверное, целый полк прикрывает, – густым басом вступил в разговор второй с характерной внешностью: почти квадратным лицом, слегка суженным к подбородку. – Вот и вынуждены скрываться...

– Может быть, – усмехнулся Карин.

– Прошу к столу! – пригласил первый. – Должно быть, проголодались с дороги.

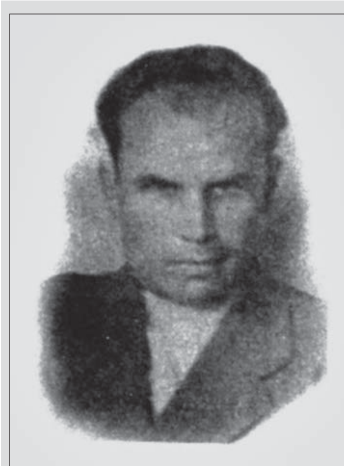
Карин и Хорошун сели за стол, хозяева налили по чарке и предложили выпить за встречу. Карин, у которого после тюремного заключения пошаливало сердце, вынужден был отказаться, его примеру последовал Хорошун, не стали пить и представители Провода.

– Ну, с чего начнем? – спросил первый.

(Далее текст приводится по отчету, составленному Кариным и Хорошуном):

С. К.-Д.: *Прежде всего, панове, мы хотели бы знать, кто будет вести разговор и кого вы представляете.*
Представитель Провода ОУН: *Мы, собственно, говоря, пользуясь правом хозяев, хотели бы задать аналогичный вопрос и вам.*

С. К.-Д.: *Я – уполномоченный Совета Народных Комиссаров республики Даниленко, а это (он показал на Александра Хорошуна) – представитель Львовского облисполкома Головко. (Карин-Даниленко знакомит представителей подполья с официальными полномочиями правительства Украинской ССР на проведение переговоров с руководством «повстанческой армии».) Теперь можем вернуться к моему вопросу.*
Представитель Провода ОУН: *Мы – представители организации украинских националистов, которая, как вам известно, находится в подполье. И потому по конспиративным причинам не имеем права называть свои фамилии. Что же касается репрезентации, то мы представляем здесь Центральный Провод ОУН.*

Бусел Яков
(он же «Галина», «Киевский», «Днепровой»),
1912 года рождения, уроженец г. Клевань Ровенской области, из семьи богатого землевладельца, после окончания гимназии год проучился в Львовском университете. Член ОУН с 1934 г. Организационный референт Провода ОУН на Волыни. В 1939 г. бежал в Краков, после раскола поддержал группу С. Бандеры. Участник II и III Сборов ОУН. После начала войны руководитель административного отдела Ровенской областной управы. Референт пропаганды краевого провода ОУН на Волыни, политреферент УПА-Север, заместитель командира УПА-Север. Член Провода ОУН с 1943 г., начальник отдела политвоспитания Провода ОУН и ГВШ УПА.

Карин про себя лишь усмехнулся. Он предполагал, что вряд ли на встречу прибудет сам главнокомандующий УПА, но рассчитывал, что делегация подполья по своему составу все же окажется внушительной. Так и оказалось. Хорошая зрительная память и знание примет оуновских главарей позволили ему сразу же вычислить, кого отрядил Шухевич на эту ответственную встречу. Первым представителем Провода, который выспрашивал чекистов о дороге и приглашал за стол, оказался Дмитрий Маевский, вторым, с характерной внешностью и густым басом – Яков Бусел.

С. К.-Д.: Мы прибыли сюда по поручению правительства Советской Украины с целью предложить вашему проводу и командованию УПА прекратить вооруженную борьбу против Советского государства, прекратить братоубийство. И мы хотим узнать: как вы относитесь к этому предложению? Имеете ли вы волю и желание вести переговоры с правительством республики о прекращении борьбы, сдаче оружия, наконец, о роспуске своих войсковых формирований и подполья?

***Д.М.:** Мы не готовы сразу дать ответы на ваши вопросы. Мы ищем брода, чтобы приблизиться к вам, но у нас возникает в связи с этим множество вопросов. Например, такие. Считает ли нас Советское правительство немецкой агентурой или политической силой? Оцениваете ли вы нас как конструктивный или как деструктивный элемент?*

***С. К.-Д.:** Мы ставим вопрос прямо – о переговорах, о прекращении кровопролития. Вы же сбиваетесь на общие проблемы. Стоит ли? О связях добавлю: агентурные связи вашего Провода с немцами широко известны, и сейчас, наверно, не время и не место дискутировать на эту тему.*

***А.Х.:** Нет необходимости и в определении конструктивности или деконструктивности ваших дел – о них пусть судят философы и историки. Мы призываем вас к конкретике, к решению принципиального вопроса – дать людям возможность мирно и спокойно жить, работать на своей земле. Хватит крови и жертв.*

***Я.Б.:** Мы не можем миновать ни философских, ни исторических проблем. Мы хотим быть конструктивным элементом в политической жизни Украины. Мы не имеем права пренебрегать тем психологическим комплексом, который лежит в основе нашей организации.*

***С. К.-Д.:** Мы знаем цену вашему психологическому комплексу. Видим и разницу между вашим и нашим, советским мировосприятием. Вы воспитаны и других воспитываете на предательских традициях Ивана Мазепы, Ивана Выговского, Симона Петлюры, а мы воспитываем людей на патриотических традициях Богдана Хмельницкого, на традициях дружбы народов.*

***Я.Б.:** Ваши традиции – то ваше дело. Но война продолжается. Правда, теперь у вас сильная армия. Вы даже можете разгромить немцев. А потом ваша армия столкнется с армиями союзников-альянтов. И это закончится вашим крахом.*

***С. К.-Д.:** О ваших надеждах мы читаем в вашей подпольной прессе, в журнальчике «Ідея і чин» и других. Слушая вас, вижу, что история так ничему и не научила вас, националистов. Знаете, я пришел в революцию юношей и вот уже 26 лет из лагеря наших врагов слышу это слово «крах». Сначала говорили, что крах Советской власти наступит через две недели, потом срок продлевали на месяцы, потом – на годы. Между тем, тех, кто пророчил нам крах, самих постиг крах, а власть Советов жила и крепла. В начале войны ОУН делала ставку на победу фашизма, однако крах потерпели именно гитлеровцы. Давайте все же не будем отвлекаться на идеологические дискуссии и споры, а дадим ответы на главные вопросы. Вы готовы прекратить вооруженную борьбу или, по крайней мере, ограничить ее на время переговоров?*

***Д.М.:** Конкретного ответа сейчас дать не можем. Нам надо все взвесить, посоветоваться со своим руководством. Пока что, как я уже говорил, мы ищем брода к переговорам, ищем вполне искренне.*

***С. К.-Д.:** Это не ответ. Правительство республики обратилось к вам с призывом прекратить обреченную на провал борьбу. Ведь дальнейшее ваше сопротивление абсолютно бесперспективно, оно выгодно только немцам. Об этом, в конце концов, шла речь в двух обращениях правительства Советской Украины к участникам подполья.*

***Д.М.:** Окончательного ответа на все вопросы дать не можем. Это прерогатива Провода. Хотел бы лишь уточнить – что вы предлагаете в первую очередь?*

***С. К.-Д.:** Предлагаем сложить оружие, вернуть «уповцев» к честному труду, вовлечь их в общественную жизнь. Всем, кто повинится перед народом, в том числе и руководителям подполья, правительство гарантирует освобождение от уголовной или какой-либо другой ответственности.*

Д.М.: *И эта гарантия будет закреплена каким-то документом? Как мы передадим ее нашим людям?*

С.К.-Д.: *Я думаю, мы с вами должны подписать соглашение, что ОУН и УПА прекращают борьбу и складывают оружие, а правительство Украины гарантирует каждому полную безопасность. Это соглашение можно будет размножить типографским способом и вручить каждому вашему человеку. Заверенное печатью, оно будет служить и пропуском, и гарантией.*

Д.М.: *И что будет с нашими людьми, когда они явятся к вам с этими листовками?*

С. К.-Д.: *Кто захочет учиться – может поступать в вузы и техникумы, выбор места работы в пределах республики гарантируется. Все желающие работать на земле – получат ее.*

Я.Б.: *А если кто-то не захочет возвращаться в свое село или город, опасаясь самосуда или преследования?*

С. К.-Д.: *Такие люди получат возможность свободно выбирать место проживания и им предоставят жилье.*

Д.М.: *А что будет с организацией, с нашими вооруженными подразделениями?*

С. К.-Д.: *Они должны быть распущены. Если захотят – могут пойти служить в Красную Армию. Условия прекращения борьбы, предлагаемые вам правительством, – почетные, благоприятные. Руководство республики не возражает и против участия «уповцев» и их проводников в общественной жизни, в деятельности государственного и хозяйственного аппарата.*

Д.М.: *Нет! На капитуляцию мы не пойдем. Даже если бы мы оба (показывает на себя и Бусела) капитулировали – за нами никто не пойдет. Мы хотим обсудить вопрос шире, обсудить политические и психологические аспекты прекращения вооруженной борьбы. А на это требуется время.*

А.Х.: *Вы снова уходите от прямых ответов на наши вопросы. Поэтому я склоняюсь к выводу, что у вас нет доброй воли к прекращению кровавой борьбы.*

Я.Б.: *Воля у нас есть, но сразу все решить невозможно.*

С. К.-Д.: *Давайте тогда обсудим хотя бы вопрос о прекращении массовых убийств мирного населения, о прекращении диверсий на железных дорогах. Этот вопрос очень тревожит правительство республики. Мы не понимаем, как можно подрывать пассажирские поезда с детьми, женщинами, пожилыми людьми. Несколько таких диверсий совершено на днях возле Здолбунова.*

Д.М.: *Это борьба. Вы арестовываете и судите наших людей. Мы же отвечаем своими методами...*

Переговоры продолжались пять часов, но позиции сторон так и не сблизились. Когда стрелка часов приближалась к шести утра, в комнате повисла тишина. Карин передал главарям подполья все, что было ему поручено Хрущевым, слово оставалось за Проводом. Но Маевский и Бусол молчали.

Как позднее вспоминал Карин, он видел, какая тяжелая внутренняя борьба происходит в головах этих людей, от решения которых зависела судьба их организации. Когда он все же рискнул предложить составить предварительное соглашение, в котором были бы изложены условия советской стороны, представители Провода ответили отказом. Маевский вновь повторил, что эта встреча носит лишь предварительный характер, так сказать, «знакомство», и подписывать какие-либо бумаги Провод их не уполномочивал. При этом он добавил, что о результатах встречи они доложат руководству подполья и затем через Музыку сообщат о принятых решениях. Если какие-то вопросы возникнут у советской стороны, она может по тому же каналу направить письмо в адрес Центрального Провода ОУН. В этом случае на конверте должно стоять имя «Гайворонский». Представителям правительства оставалось лишь распрощаться и покинуть хутор. Тем не менее, уже стоя на пороге, Карин повернулся к Маевскому и Бусолу и произнес: «Я все же очень надеюсь, что вы оцените гуманный шаг правительства к миру, а наши беседы положат начало согласию и прекращению братоубийственной борьбы». Делегации вновь завязали глаза и тем же кружным путем доставили на шоссе.

К полудню 1 марта Карин и Хорошун вернулись во Львов.[50]

Несмотря на первую неудачную попытку, советская сторона все же не теряла надежды на продолжение переговоров с подпольем. В 10-х числах

марта через Музыку представителям Центрального Провода ОУН-УПА были вновь переданы предложения об условиях дальнейших переговоров.

По сообщению Музыки 22 марта пани Славу вновь посетила «Светлана», заявив, что она прибыла от имени представителей Провода, с которыми встречались Карин и Хорошун, и забрала письмо с условиями дальнейших переговоров. Агентурное наблюдение показало, что «Светлана» пробыла во Львове около недели и затем ушла в месторасположение Провода ОУН. За это время она имела встречи с одним из агентов УНКГБ, в беседе с которым честно призналась, что «в связи с тяжелым положением, сложившимся для ОУН-УПА, в настоящий период актуальной необходимостью для них являются переговоры с Советским правительством».[51] Эта информация свидетельствовала о том, что Шухевич активно готовит почву для принятия советских предложений, и обнадеживала советскую сторону, что предпосылки закончить конфликт миром все же существуют.

Однако время показало, что надежды эти оказались преждевременными. В апреле агентурным путем появления «Светланы» во Львове зафиксировано не было. Не посещали связные Провода и пани Славу, и ответа на советские предложения она не получала. Оказались пустыми и пункты связи в других областях, обусловленные с представителями Провода ОУН…[52]

В конце марта 1945 г. оперативный источник, связанный с кругами униатской церкви, сообщил, что по возвращении из Москвы г. Костельник, И. Котив и К. Шептицкий действительно установили связь с верхушкой подполья, но предложения советской стороны вызвали в Проводе ОУН сильнейшие разногласия. Шухевич и Маевский с группой приближенных настаивали на переговорах, но большинство членов Провода во главе с Лебедем выступило категорически против любых контактов с «Совітами» и настаивали на активизации вооруженной борьбы.

А далее источник передал информацию, позволившую чекистам вскрыть и понять истинную подоплеку поведения Шухевича. В связи с особой важностью этого вопроса для нашей темы позволим себе привести обширную цитату из оперативного сообщения агента.

«Говоря о принципиальных позициях, занимаемых по вопросу переговоров одной и другой группами Центрального Провода, Костельник рассказал: «Шухевич считает, что методы, которые сегодня ОУН использует в практике своей работы, – гибельны для организации и могут привести к полному уничтожению оуновских кадров. Задача же состоит в том, чтобы сохранить кадры, и на выполнение этой задачи надо направить в нынешний период все усилия всех звеньев организации. Для этого нужно сейчас решительно перестроиться и найти новые методы, и единственный путь к этому – это путь переговоров с большевиками.

При помощи этих переговоров можно будет легализовать, т.е. спасти от уничтожения кадры, необходимые для будущей национальной революции и под прикрытием этой легализации замаскировать оуновские кадры, внедрив их в государственный аппарат, в армию, во все отрасли экономической и культурной жизни государства** (выделено мной. –* **Прим. авт.). Работу ОУН надо сейчас перестраивать на более длительный период с применением новых методов работы, над практическим применением которых надо думать уже сейчас. Шухевич считает, что надо сейчас отказаться от активной вооруженной борьбы с Советской властью, отказаться от террористических методов, а перейти на более глубокую работу».*[53]

Таким образом, идти на реальное примирение с советской стороной Шухевич не собирался изначально. Он строил свой расчет только и исключительно на возможный конфликт бывших союзников с СССР и планировал использовать мирное соглашение с советской стороной для реализации определенной тактической схемы, которая позднее получит наименование «Дажбог». Главная ее суть заключалась в следующем: путем легализации сохранить кадры ОУН, создать позиции в органах управления и подготовиться к возможному захвату власти на Украине. Участники легальной сетки должны были вступать в партию и комсомол, проникать в государственные учреждения, и при возникновении войны между бывшими союзниками создать инициативные группы и захватить власть на местах.[54]

Важно отметить, что схема Шухевича имела все шансы на успех – достаточно вспомнить, какие широкие возможности открывали для оуновцев предложения советской стороны, включая участие главарей подполья в общественной и государственной жизни республики! Они же позволяли Шухевичу сохранить лидирующее положение среди националистов на Украине уже в новом качестве. Однако для реализации этой схемы ему было необходимо сломить сопротивление остальных членов Провода, находящихся под влиянием Лебедя. И с этой целью Шухевич решился прибег-

нуть к помощи УГКЦ. Зная, под каким колоссальным влиянием униатов находится основная масса повстанцев, он вначале через собственную мать, а затем и через личного связного обращается к Костельнику с просьбой повлиять своим авторитетом на оппонентов и заставить их принять предложения советской стороны.

Униаты, которые поддерживали связь с обеими группировками (Костельник по утверждению источника даже имел с Лебедем в митрополии св. Юра личную встречу), оказались в сложной ситуации. В целом, в тот период отец Гавриил разделял позицию Шухевича и даже отзывался о нем как о «дальновидном политике и умном человеке». Он тоже считал, что с «москалями» следует «маскироваться», проводить «тонкую линию работы» и «находить точки соприкосновения». Но в то же время его тревожили серьезные сомнения, «чтобы не вышло так, что мы договоримся с Москвой и этим самым своими руками похороним свое детище – дорогое для Украины дело национальной революции».[55]

Поэтому, невзирая на давление некоторых униатов, в частности И. Котива, подталкивающих Костельника поддержать линию Шухевича, отец доктор предпочел занять нейтральную позицию и даже в определенной мере подыграл оппонентам последнего, заявив (как мы помним) на встрече с Кариным в начале февраля, что Провод отказывается от мирного урегулирования конфликта. На самом же деле, согласно сообщению источника, эта информация оказалась ложью, и давать такой ответ Провод его не уполномочивал. В итоге реальной поддержки от униатов Шухевич так и не получил, и, соответственно, не смог принудить противоположную сторону принять свою точку зрения.

Хорошо известно, что история не терпит сослагательного наклонения, и потому мы не можем знать, как развернулись события в реальности, если бы Шухевич, реализуя собственные цели, сломил сопротивление оппонентов и заключил мирное соглашение. Тем не менее, возьмем на себя смелость сделать некоторые предположения.

В связи с завершением войны и возможным конфликтом с бывшими союзниками СССР, безусловно, был заинтересован прекратить вооруженное сопротивление на своих западных границах, а потому был готов идти на существенные уступки подполью. Подтверждением тому служат условия, переданные Кариным во время встречи с руководством ОУН. В то же время, получив вышеупомянутое сообщение оперативного источника, советское руководство не могло не сделать для себя определенных выводов об искренности позиции повстанческих главарей в вопросе прекращения дальнейшей борьбы. И все же путь к миру был возможен. Показательно, что уже после того, как были выявлены подлинные мотивы Шухевича и, несмотря на двуличность его позиции, Хрущев и Савченко (как мы показывали выше) продолжали настаивать на перемирии и на протяжении весны – лета 1945 г. неоднократно передавали по каналу Я. Музыки предложения восстановить контакты и довести переговоры до логического конца. Расчет, по-видимому, строился на следующем: осознавая утопичность идеи «национальной революции» ОУН при отсутствии ее реальной поддержки в масштабах всей Украины, руководство УССР не воспринимало ее всерьез и надеялось блокировать планы Шухевича силами органов госбезопасности, и в то же время планировало склонить его группу к совместной работе. И судьба иных проводников, которые позднее были арестованы или сдались чекистам, позволяет предположить, что такой вариант был вполне реален. Ничуть не сомневаясь в «искренности» намерений тех же М. Матвиейко и В. Кука, руководство УССР, в то же время, помогало им получить образование и создать карьеру, способствовало обретению бывшими оуновскими проводниками различных материальных благ, создавало условия для активной жизни, конечно же не забывая использовать эту ситуацию в том числе и в пропагандистских целях. Можно предположить, что такая же судьба могла постигнуть и Романа Шухевича. Нет сомнений, что ему были бы созданы все условия для нормальной жизни и деятельности, а быть может, Шухевича действительно удалось бы привлечь к государственной жизни Украины. В то же время, пристальное внимание западных спецслужб, под которым, несомненно, находился бы повстанческий главарь, заключивший соглашение с «Совитами», исключало возможные репрессии и являлось для Шухевича определенной гарантией и страховкой. Но главное – мир в Галиции был бы восстановлен, а братоубийственному конфликту с многочисленными жертвами с обеих сторон положен конец.

Однако в игру вмешалась третья сила, ретранслятором которой выступил давний оппонент и соперник Шухевича Николай Лебедь.

В беседе с оперативным источником Костельник характеризовал его как «ярого фанатика-националиста», который «безоговорочно против [любых] переговоров с большевиками и твердо стоит на необходимости продолжения активной вооруженной борьбы». Далее источник сообщал, что после встречи с Костельником «Лебедь заявил большое недоверие интеллигенции гор.

...Перед американской разведкой встала первоочередная задача: создать для Белого дома систему раннего оповещения о военных действиях Советского Союза – как об их стратегических бомбардировщиках, так и о сухопутных войсках в Польше

Львова и особенно той части ее, которая организационно связана с ОУН. Лебедь, как говорит Костельник, считает, что интеллигенция Львова зашаталась, не протестует против Советской власти и ее мероприятий, а наоборот, льет все больше и больше воды на колеса большевистской мельницы, и в ее среде имеют явные тенденции к сговору с Советской властью. «75 % львовской украинской интеллигенции надо уничтожить», – так, со слов Костельника, якобы заявил Лебедь. Информацию «о крайне отрицательном отношении Лебедя к вопросу переговоров и перехода к новой тактике и методам работы» подтвердил в беседе с источником и Иван Котив. По его словам, «Лебедь угрожает – в случае, если Провод пойдет на переговоры – отколоться от Центрального Провода, создать свой Провод и стать на путь уничтожения тех, кто будет осуществлять как переговоры, так и практически вытекающее из результатов переговоров».[56]

Столь бескомпромиссная, на первый взгляд, позиция бывшего «урядуючого» проводника ОУН становится вполне объяснимой, если учесть основное направление его работы во второй половине 1944 – начале 1945 гг. Напомним, что после выезда в Словакию, Лебедь, действующий под прикрытием «надпартийной» УГВР, прилагает максимум усилий для установления через своих эмиссаров контактов с США и Великобританией. Его деятельность получила одобрение и на расширенном совещании членов ОУН в феврале 1945 г. в Вене (С. Бандера, Н. Лебедь, Я. Стецько, Л. и Д. Ребеты, М. Прокоп и др.), на котором было решено – не разрывая отношений с III Рейхом, налаживать контакты с западными «альянтами». В начале лета 1945 г. в гг. Цвикау и Эрфурте под эгидой Генерального секретариата иностранных дел УГВР, возглавляемого М. Лебедем, состоялись встречи оуновцев с представителями американского военного командования, контакт с которым удалось установить эмиссару Лебедя Анатолю Каминскому. ОУН представляли уже неоднократно упоминавшиеся члены Президиума УГВР И. Гриньох и М. Прокоп, а американскую сторону – сотрудник армейской контрразведки США С. Скубик. В Швейцарии аналогичные переговоры вел Е. Врецьона, в Мюнхене контакты с американской контрразведкой устанавил Е. Стахив, а во Франкфурте-на-Майне – руководитель разведки УГВР О. Татура.[57]

И вскоре деятельность Лебедя принесла свои плоды. В директиве министра государственной безопасности Украины С.Р. Савченко по этому поводу отмечалось:

«Имеющиеся в МГБ УССР материалы свидетельствуют, что американская разведка в своей шпионской, диверсионной работе против СССР широко использует организацию украинских националистов.

Установлено, что в результате имевших место переговоров между членами Центрального Провода ОУН ... и представителями американских оккупационных властей было заключено соглашение, согласно которому Центральный Провод ОУН обязался снабжать американцев информацией военно-разведывательного характера, а также о внутриполитическом и экономическом положении на Украине. В связи с этим Центральный Провод ОУН дал соответствующее указание всем низовым подпольным организациям.Одновременно американская разведка широко практикует дачу заданий своей агентуре, забрасываемой на территорию УССР как нелегально, так и под видом репатриантов, связываться с ОУН с целью использования ее в сборе разведывательных данных, оказания помощи в проведении оуновцами антисоветских акций, передачи собранных сведений американской разведке через возможности ОУН, нелегальных ходках через границу после выполнения агентурой заданий американской разведки.

Установлено также, что эмиссары закордонных центров ОУН, прибывая на территорию Украины, имеют одновременно задание по сбору разведывательных данных для американцев».[58]

В конце 90-х годов прошлого века в США вышла монография Питера Гроуза «Операция «Свертывание»: необъявленная война Америки за «железным занавесом», которая, по образному выражению американского историка Дж. Бурдса, явилась одной из мощнейших бомб, ударивших по традиционному восприятию истории холодной войны за последние годы.[63]

Операция «Свертывание» [Operation Rollback] – стратегия борьбы США с СССР с помощью тайных методов – была начата в 1946 г. по инициативе самого Джорджа Кеннана. Чтобы иметь возможность отрицать само существование этой

операции и избежать ее обсуждения в Конгрессе, руководство ею не было поручено ни Государственному департаменту, ни Центральному разведывательному управлению. «Внутреннее устройство ЦРУ, как с точки зрения кадрового состава, так и с точки зрения организационной структуры, неблагоприятно, – писал Кеннан. – Поэтому мы приняли вынужденное решение: не стоит тревожить нашу спящую собаку, ЦРУ. Мы рекомендуем создать особое ведомство, которое впоследствии можно было бы включить в состав Центрального разведывательного управления». Кеннан предпочел передать операцию «Свертывание» в ведение безобидного Управления координации политики [Office of Policy Coordination]. Финансировалась операция за счет регулярного перечисления средств, официально предназначавшихся для реализации плана Маршалла. К 1951 г. годовой бюджет операции вырос до ста миллионов долларов. «Мы предлагаем операцию в традиционном американском духе – организованную общественную поддержку сопротивления тирании в других странах. На протяжении всей истории США наши граждане объединялись как частные лица для защиты дела свободы во имя тех, кто страдает от угнетения. Мы предлагаем возродить эту традицию как раз для того, чтобы отстаивать национальные интересы США во время настоящего кризиса».[64]

Каким же образом нужно было поддержать эту, якобы частную, инициативу? В предпоследнем черновом варианте документа № 10/2 Национального совета безопасности США, датированном 30 апреля 1948 г., давался совершенно недвусмысленный ответ на этот вопрос:

«Общее руководство и финансовая поддержка возлагаются на Правительство [США], непосредственное руководство и финансирование передаются частной американской организации или организациям (возможно, «бизнесу»), состоящей(им) из частных лиц, приблизительно такого уровня, как Аллен Даллес. Эти организации, с помощью своих отделений в Европе и Азии, установят контакты с национальными подпольными движениями в разных странах через их представителей, находящихся в государствах свободного мира. Через таких посредников эти организации будут оказывать помощь и направлять движения сопротивления за «железным занавесом».[65]

Кеннан настойчиво подчеркивал:

«Это тайная операция… с использованием частных лиц в качестве посредников».[66]

Джеффри Бурдс указывает, что официально операция «Свертывание» была утверждена Объединенным комитетом начальников штабов США 18 июня 1948 г.[67] Однако уже в 1946 г., несмотря на упорное сопротивление некоторых армейских кругов и самой разведки, по инициативе Кеннана Соединенные Штаты стали тайно оказывать поддержку военизированным формированиям, боровшимся с Советами в Восточной Европе.

«Нужно положить начало оказанию… [поддержки партизанской войны, которую вели антисоветские националистические силы]. Представляется желательным приступить к работе с этими людьми ... и постепенно развивать ее как совершенно секретную операцию».[68]

Здесь необходимо внести небольшую коррективу в данные американских исследователей. Как было показано выше, спецслужбы США установили контакты с оуновскими кругами еще летом 1945 г., и тогда же это сотрудничество получило одобрение командующего американскими оккупационными войсками Д. Эйзенхауэра. Таким образом, начало контактов ОУН со спецслужбами США следует отодвинуть, по меньшей мере, на год, т.е. к лету 1945 г.

По свидетельству Гарри Росицки, руководителя резидентуры ЦРУ в Мюнхене, американское правительство оказывало поддержку не менее чем тридцати тысячам украинских националистов, действовавшим против СССР в Галиции. С воздуха им сбрасывали медикаменты, наличные денежные средства, радиопередатчики. «Общая задача наших операций, – подчеркивал Росицке, – состояла в том, чтобы создать систему раннего оповещения: чтобы нам сообщали о том, что в таком-то районе есть признаки мобилизации. Именно этого от нас добивался Пентагон... Один высокопоставленный полковник на совещании в Пентагоне потребовал от ЦРУ «поставить агента с радиостанцией на каждом аэродроме от Берлина до Урала».[69]

Таким образом, перед американской разведкой встала первоочередная задача: создать для Белого дома систему раннего оповещения о военных действиях Советского Союза – как об их стратегических бомбардировщиках, так и о сухопутных войсках в Польше. По мнению Росицки, «для того чтобы установить наблюдение за военными объектами в Восточной Европе, на наши базы в прилегающих районах были направлены сотни агентов… Эти операции с переброской людей по ту сторону границы потребовали колоссальной

Если Шухевич, находясь в гуще событий, был заинтересован до взрыва Третьей мировой войны любой ценой сохранить структуру организации, даже путем договоренностей с «Совитами», то для Лебедя главным было продемонстрировать перед западными спецслужбами «воюющую Украину» и при этом выполнить взятые на себя обязательства

технической и документальной поддержки, были задействованы сотни инструкторов, тысячи конспиративных квартир».

Готовясь к началу Третьей мировой войны, сотрудники разведок Запада тратили огромные силы на то, чтобы установить точную дислокацию советских вооруженных сил, что подтверждается и приведенным выше вопросником, направленным рядовым звеньям оуновского подполья. Как пояснял далее Гарри Росицки, «мы знали, чем занимаемся. Противно вспоминать, как приходилось использовать любого подонка, лишь бы он был антикоммунистом… А раз уж мы были готовы или даже стремились к тому, чтобы завербовать сотрудников, то выбирать нам особенно не приходилось…».[70]

В этот период и был завербован Председатель Рады ОУН, руководитель референтуры внешних связей и глава Генерального секретариата иностранных дел УГВР Николай Лебедь. В отличие от выше приведенного мнения г. Костельника, сотрудники американских спецслужб давали Лебедю совершенное иную характеристику:

> *«Он [Лебедь] жестко и непреклонно проводит свою линию, однако он не слеп в своих суждениях, как показывает его политическое прошлое. Он активен, у него прекрасное чутье – он умеет выслеживать и беспощадно преследовать врага. Он неподкупен, решителен, крайне инициативен и совершенно лишен эгоистических интересов в работе. Слывет одним из лучших антибольшевистских лидеров на Востоке, работающих над созданием новой Европы».*[71]

И здесь становятся понятными различия в тактических схемах Шухевича и Лебедя, которые, в конечном счете, и привели к провалу советской операции «Перелом». Если Шухевич, находясь в гуще событий, был заинтересован до взрыва Третьей мировой войны любой ценой сохранить структуру организации, даже путем договоренностей с «Совитами», то для Лебедя главным было продемонстрировать перед западными спецслужбами «воюющую Украину» и при этом выполнить взятые на себя обязательства. Тактика Лебедя объясняется следующим. Как считает Дж. Бурдс, использование спецслужбами США украинских националистических формирований преследовало две цели: с одной стороны, они являлись «глазами и ушами» разведки США во враждебном, согласно американской военной доктрине, государстве, а с другой, сковывая значительные силы Красной Армии, Внутренних Войск и истребительных батальонов, объективно дестабилизировали Советский Союз изнутри. И обе эти цели отвечали непосредственным задачам операции «Rollback».[72]

При этом характерно, что как подчеркивал руководитель резидентуры ЦРУ г. Росицки, «десятки агентов заплатили жизнью за решение наших проблем... Было совершенно очевидно, что они [украинские повстанцы] не смогут уцелеть».[73]

К чести Шухевича, важно отметить, что он предвидел такое развитие событий – использование рядовых повстанцев в качестве «пушечного мяса» для обеспечения интересов западных «альянтов», а потому пытался донести свою точку зрения о целесообразности заключения мирного соглашения с «Совитами» до номинального главы всей ОУН С. Бандеры и заручиться его поддержкой. И хотя, по сообщению источника, в существующем раскладе сил «Степан Бандера, как таковой, ... не играет никакой роли... и... мнение его не имело бы значения»,[74] Шухевич весной 1945 г., сразу же после встречи Маевского и Бусела с Кариным, все же направил к нему связного с сообщением о предварительных переговорах с советской стороной. Показательно, как отреагировал «Быйлыхо» – он не придумал ничего более умного, чем передать письмо с мирными предложениями советской стороны ... агонизирующему руководству Третьего Рейха. В 1946 г. в одном из немецких архивов была обнаружена копия письма, адресованного «Быйлыху» из «края», с перечнем советских мирных инициатив.

Не получив от Бандеры поддержки собственных инициатив и испытывая прямую зависимость от связей зарубежных центров ОУН (прежде всего Н. Лебедя) с западными спецслужбами, Шухевич вынужденно прерывает все контакты с советской стороной. Тем не менее, он все же попытается реализовать схему «Дажбог» в условиях подполья. И хотя, по информации советских спецслужб, до 25 % явившихся с повинной боевиков ОУН-УПА сделают это по заданию подполья,[75] эффект на первых порах окажется незначительным (он проявится много позже, когда ни Шухевича, ни Бандеры уже не будет в живых, но государственная машина

УССР, включая спецслужбы, окажется насквозь инфильтрированной сторонниками и симпатиками ОУН). Одновременно с этим, он попытается самостоятельно установить контакт с западными «альянтами» и даже направит с этой целью в Москву свою личную связную Д. Гусяк, чтобы та нашла подходы к американскому посольству. Однако и эта затея оказалась неудачной.[76]

...Предположение о том, что советские ответные меры были основаны на весьма реальной обеспокоенности по поводу угрозы собственной национальной безопасности, представляет радикальный вызов традиционной и доминирующей точке зрения о марксистской (экспансионной) идеологии, о советском (сталинском) элементарном стремлении к господству и о сталинской мании величия

К концу 40-х годов Шухевич окончательно разочаруется в своих надеждах на скорый конфликт англосаксов с Советским Союзом, и перед ним вновь встанет задача сохранения последних остатков по сути уже издыхающего подполья. В 1948 году он, уже со своей стороны, предпримет попытку возобновить контакты с советской стороной. Но было поздно…

Украинские спецслужбы, хотя и сделают ему навстречу определенные шаги, на этот раз уже не станут воспринимать всерьез мирные инициативы повстанческого главаря. К тому времени у руководства УССР уже была исчерпывающая информация о тотальной поддержке ОУН западными спецслужбами, главной целью которой являлась дестабилизации СССР изнутри. И попытка Шухевича на этот раз воспринималась именно в этом ключе.

Здесь уместно процитировать выступление одного из ведущих представителей американского истеблишмента, сенатора от штата Коннектикут Брайна Мак-Махона, который откровенно заявлял в тот период, что «сейчас настало время не только для сдерживания коммунизма, но для начала выдавливания Советской власти обратно».[77] И здесь ОУН со своей организацией в «Крае» была для американских спецслужб просто необходима.

Осталось досказать немногое.

Вскоре Кеннану пришлось пожалеть о решении начать необъявленную войну против Советов, оказывая поддержку движениям «сопротивления» в Восточной Европе. Давая показания в Особом комитете по разведке Сената США 28 октября 1975 г., главный разработчик операции «Свертывание» выразил глубокое раскаяние:

> *«Решение начать политическую войну было моей величайшей ошибкой. Оно привело к совершенно иным результатам, чем те, на которые я рассчитывал».*[78]

И в этой связи Дж.Бурдс задается вполне уместным вопросом: какое значение имела эта «величайшая ошибка» для ответных действий советской стороны? Прежде всего, она повлекла за собой серьезную эволюцию советского представления о западной угрозе. Тот факт, что националистические повстанческие формирования по всему периметру западных границ СССР активно поддерживаются Западом (в рамках проводимой Дж. Кеннаном операции «Rollback»), глубоко повлиял на советское восприятие западной угрозы и спровоцировал (начиная с 1946 г.) эпоху «повышенной бдительности» в отношении скрытых действий Запада, резкую эскалацию международной напряженности, а также повлек за собой крупномасштабные реорганизации советских спецслужб и начало послевоенных репрессий, направленных на ликвидацию внутренних врагов.[79]

И здесь для нашей темы уместно сделать некоторые выводы, в качестве которых мы позволим себе процитировать мнения современных американских исследователей.

Как считает Грегори Митрович, устрашение являлось лишь первым шагом к решительным мерам по уничтожению Советской державы. Влиятельными кругами США была разработана доктрина национальной безопасности, которая предусматривала значительно более решительную, чем это обычно понимается, политику, направленную на вытеснение советского влияния из стран Восточной Европы и подрывающую коммунистический контроль внутри самого СССР с применением любых «мер, за исключением войны».[80]

Посредством агрессивной психологической войны (начиная от обычной дипломатии и до тайных военных действий) американская элита, отвечающая за национальную безопасность, надеялась повлиять на умы советского руководства и населения. Она полагала, что либо заставит Советский Союз отказаться от своих усилий по созданию новой послевоенной международной системы и таким образом восстановит независимость Восточной Европы, либо же вызовет распад Советской коммунистической системы изнутри. При этом политические и военные круги США были уверены, что они могут осуществлять практически любые «резкие военные меры» без опасений получить адекватный советский контрудар.

В то же время, по мнению другого американского исследователя Мелвина П. Леффлера, своими

действиями США значительно усиливали тревогу советских руководителей и таким образом внесли весомый вклад в гонку вооружений и распространение холодной войны на страны третьего мира. По его мнению, холодную войну невозможно расценить как производную американской реакции на советский экспансионизм. Напротив, Кремль проводил реальную политику. И хотя идеология играла важную роль в формировании взглядов советских лидеров, тем не менее, они не были заинтересованы оказывать содействие продвижению «мировой революции». Главной заботой советского руководства являлось обустройство собственной страны, защита и обеспечение безопасности ее границ и сохранение собственного контроля над этими территориями. В итоге, подчеркивает Леффлер, становится ясно, что предположение о том, что советские ответные меры были основаны на весьма реальной обеспокоенности по поводу угрозы собственной национальной безопасности, представляет радикальный вызов традиционной и доминирующей точке зрения о марксистской (экспансионной) идеологии, о советском (сталинском) элементарном стремлении к господству и о сталинской мании величия.

Таким образом, по мнению Леффлера, «американцы должны перестать довольствоваться верой в мудрость своей страны времен холодной войны. ...Действия должностных лиц США вызвали недоверие, усугубили трения, и подняли ставки в глобальной игре. Их упорное стремление к проведению политики силы ... принесло больше вреда, чем пользы».[81]

Возвращаясь к теме нашего исследования, остается подчеркнуть, что советская сторона изначально была заинтересована в скорейшем прекращении вооруженного сопротивления на своих западных границах и была готова не только первой прекратить борьбу, но и пойти на значительные уступки подполью, а главное – привлечь руководство ОУН к общественной и государственной жизни страны.

Однако советская операция «Перелом» потерпела неудачу – лидеры ОУН предпочли войти в тесный контакт с западными спецслужбами и возобновить разведывательно-диверсионную деятельность на территории СССР уже под новым контролем. И в этом контексте вопрос об ответственности за начало холодной войны приобретает совершенно иные очертания… ■

---

1 СБУ гарантирует: никаких секретов не будет // День (Киев). 2008. № 27. 14 фев.

2 Государственный Архив Службы Безопасности Украины (далее: ГА СБУ). Ф. 13. Д. 372. Т. 35. Л. 138 – 142.

3 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 39. Л. 125 – 138.

4 Літопис УПА. Том 45. Торонто-Львів, 2007. С. 315.

5 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-7448. Л. 15 – 22.

6 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 39. Л. 125 – 138.

7 Літопис нескореної України. Кн. 2. Львів, 1997. С. 27.

8 Центральный Государственный Архив Общественных Объединений Украины (далее: ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 23. Д. 1697. Л. 60 – 62.

9 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 923. Л. 40.

10 ГА СБУ. Ф. 2. Оп. 54. Д. 2. Т. 1. Л. 197.

11 Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ), Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 233.

12 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 233.

13 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 400 – 412.

14 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 99. Л. 160.

15 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 757. Л. 15 – 24.

16 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2967. Л. 25.

17 **Виноградський В.М., Якименко І.Л.** Полковник Шовкуненко розповідає. // Комуніст України. 1990. № 1. С. 80 – 81.

18 Націоналістичний рух 1920 – 1930 років (матеріали до біографічного довідника) // Мірчук П. Нарис історії ОУН 1920 – 1939 роки. Київ, 2007. С. 712.

19 Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 58, 59.

20 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 19. Л. 323 – 331.

21 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 19. Л. 316 – 322.

22 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 19. Л. 323 – 331.

23 Там же.

24 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 19. Л. 342 – 371.

25 Там же.

26 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 20. Л. 12 – 20.

27 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 20. Л. 11.

28 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 1. Л. 1.

29 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 61. Л. 94 – 115.

30 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 75135-ФП. Л. 19 – 41.

31 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 53. Л. 35 – 36.

32 См.: Характеристика. Шухевич Роман «Тарас Чупринка» – «Тур» // Фонд музея СБУ, ед. хранения 1068, фотокопия на 2-х листах.

33 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-7448. Л. 23.

34 ГА СБУ. Ф. 5. Д. 67418. Т. 1. Л. 73 – 74.

35 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 75135-ФП. Л. 42 – 44.

36 ГА СБУ. Ф. 5. Д. 67418. Т. 1. Л. 161 – 208.

37 **Панченко О**. Микола Лебедь. (Життя. Діяльність. Державно-правові погляди). Лохвиця, 2001. С. 72.

38 ГА СБУ. Ф. 2. Оп. 40. Д. 1. Т. 10. Л. 4, 5.

39 **Панченко О.** Указ. соч. С. 89.

40 ГА СБУ. Ф. 11, Д. 19127. Т. 2. Л. 69.

41 **Панченко О.** Указ. соч. С. 93, 94.

42 Там же. С. 104.

43 ГА СБУ. Ф. 5. Д. 67418, Т. 1, Л. 161 – 208.

44 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 39. Л. 125 – 138.

45 **Маруняк В.** Українська еміграція в Німеччині і Австрії по Другій світовій війні. Т. 1. Мюнхен: Академічне Видавництво дра Петра Белея, 1985. С. 247.

46 **Киричук Ю.** Український національний рух 40-50 років ХХ століття: ідеологія та практика. Львів: Добра справа, 2003. С. 189.

47 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 13. Л. 88 – 165.

48 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-7448. Л. 59.

49 **Киричук Ю.** Указ. соч. С. 189.

50 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 61; **Виноградський В.М.**, **Якименко І.Л.** Указ. соч. С. 81 – 84.

51 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 62. Л. 65, 66.

52 Там же.

53 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 20, Л. 36 – 44.

54 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 490. Л. 142 – 144; Д. 372, Т. 28, Л. 100 – 106.

55 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 20. Л. 36 – 44.

56 Там же.

57 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 102. Л. 99, 100; **Панченко О.** Указ. соч. С. 95.

58 ГА СБУ. Ф. 9. Д. 145. Т. 1. Л. 159, 160.

59 ГА СБУ. Ф. 9. Д. 145. Т. 1. Л. 162 – 164.

60 ГА СБУ. Ф. 11. Д. 7765. Т. 6. Л. 86; Ф. 13. Д. 372. Т. 102. Л. 101, 107.

61 ГА СБУ. Ф. 9. Д. 145. Т. 1. Л. 164 – 167.

62 ГА СБУ. Ф. 9. Д. 145. Т. 1. Л. 73.

63 **Burds J.** The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944 – 1948 // The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies. Pittsburgh: University of Pittsburgh, number 1505. January, 2001. P. 5.

64 **Grose P**. Operation Rollback: America's Secret War Behind the Iron Curtain. Boston: Mass. Houghton Mifflin, 2000. P. 97, 103, 116 – 118, 204.

65 Ibid. P. 98.

66 Ibid. P. 97.

67 **Burds J**. Cit. op. P. 6.

68 **Grose P**. Cit. op. P. 94, 95.

69 **Reese M. E**. General Reinhard Gehlen: The CIA Connection. Fairfax, Va.: George Mason University Press, 1990. P. 121.

70 **J. Burds**. Cit. op. P. 18.

71 Ibid. P. 17.

72 Ibid. P. 9.

73 Ibid. P. 17.

74 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9113. Т. 20, Л. 36 – 44.

75 ГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 100. Л. 55 – 59.

76 ГА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 21. Л. 159 – 178.

77 **Dobriansky L. E**. The Kersten Amendment: The Kernel of American Policy of National Liberation // The Ukrainian Quarterly. Spring. 1952. P. 129.

78 **Grose P**. Cit. op. P. 98.

79 **Burds J**. Cit. op. P. 6 – 7.

80 **Mitrovich G**. Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947 – 1956. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000. P. 2.

81 New Perspectives on the Cold War. An Interview with Melvyn P. Leffler // Humanities. 1998. No. 6. November-December. P. 17 – 25.

Анна Колесникова

Образ врага периода “холодной войны” в детективно-приключенческих фильмах 1950-х – 1980-х гг.:

зрительская аудитория и проблема исторической памяти*

В период «холодной войны» созданный средствами советской пропаганды образ врага, выполнив свою основную функцию по консолидации и мобилизации общества, надолго остался в визуально-информационном пространстве и, как следствие, в исторической памяти.

Историческая память в контексте данного исследования понимается «как ценностная опора национального самосознания, источник самооценки народа, а во многом – ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность к развитию, к преодолению трудностей и препятствий, способность выдерживать исторические испытания».[1] Особое значение имеет память о военной истории, поскольку войны (в том числе и идеологические, такие как «холодная война», исключающие прямые военные столкновения непосредственных противников) являются апогеем напряжения сил, проверкой «на прочность» государств и их исторической состоятельности.

В статье приводятся и анализируются некоторые статистические данные (главным образом, исследования бывшего НИИ теории и истории кино при Госкино СССР, ныне НИИ киноискусства, и данные анкетирования журналов «Советский экран» за разные годы) и письма с отзывами советских зрителей (адресованные Съездам Союза кинематографистов СССР), доказывающие наличие широкой зрительской аудитории у детективно-приключенческих фильмов 1950-х – 1980-х гг. Кроме того, рассматривается проблема воздействия персонажей образа врага на советского зрителя.

Прежде всего, необходимо раскрыть содержание некоторых писем читателей разных лет в советские периодические издания. В 1958 г. в связи с нашумевшим случаем – скандалом между двумя известными изданиями – «Литературной газетой» и «Советским экраном», в первое было направлено множество писем читателей журнала о кино («Литературная газета» опубликовала статью «Ради рекламы» за подписью некого «Литератора» от 9 января 1958 г. с жесткой критикой журнала «Советский экран» за неинформативную рекламную деятельность). Среди этих посланий было письмо некой Ф.Я. Гершгорн, читательницы журнала «Советский экран» из Москвы. Она возмущена тем, что «Литератор» назвал в своей статье фильм «*Тайна двух океанов*» (Грузия-фильм, 1955 г.) откровенно слабым и пропагандистским произведением:

> *«Я и моя дочь, например, не раз посмотрели этот фильм с большим удовольствием. А знаете ли Вы, что этот фильм посмотрели десятки миллионов советских зрителей?».*[2]

Читательница «Советского экрана» права: этот фильм стал одним из лидеров проката 1957 г. (6-е место в прокате). С ней согласны еще несколько читателей журнала, которых возмутила низкая оценка, данная «Литератором» фильму «Тайна двух океанов».[3] Можно сделать вывод, что подобный отклик читателей не мог возникнуть просто так: эти люди посмотрели фильм (некоторые – не по одному разу!), он им понравился, причем настолько, что, увидев статью с его критикой, тут же ответили возмущенными письмами в адрес редакции.

Можно привести еще несколько ярких примеров за другие годы. В № 14 журнала «Советский экран» за 1978 год разворачивается полемика в рубрике «Отклики, отклики»: происходит обсуждение таких фильмов в жанре «детектив» как «*Транссибирский экспресс*», «*Мертвый сезон*».[4] В целом, отзывы на эти картины самые положительные: «до этого фильма не было такого понимания человеческой психологии, таких сильных,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

запоминающихся характеров»[5] (читатель А. Курганов из Коломны про «Транссибирский экспресс»); «когда-то смотрел фильм на одном дыхании»[6] (читатель С. Хохлов из Калуги). В № 21 за этот же год также приводится несколько писем читателей в защиту жанра «детектив» под названием «Очень трудный легкий жанр».[7] Читательница Ирина Н. (19 лет) пишет:

> *«Такие фильмы, как «Мертвый сезон»… действительно найдут отклик в душе. Это фильмы приключенческие, но, в то же время, глубоко жизненные, в них выдвигаются проблемы, волнующие людей».*[8]

Весьма показательными с точки зрения влияния кинематографических версий образа врага и их популярности в советском обществе являются письма советских зрителей к I и II Съездам кинематографистов СССР с отзывами на некоторые игровые фильмы. Так, в письме юных зрителей детского кинотеатра «Пионер» (г. Львов) в Президиум I Учредительного Съезда Союза кинематографистов СССР (ноябрь 1965 г.) ребята просят работников кинематографии не только о создании экранизаций их любимых книг. «Нам хочется увидеть фильмы о героизме советских людей, о борьбе наших чекистов со всякими *врагами* нашей Родины; мы убедительно просим вас создать фильмы о детях-помощниках *пограничников*»,[9] – говорится в письме. Даже относясь к этому источнику с известной долей критики, можно говорить о том, что «просьба» детей была услышана, и после 1965 г. на большой экран выходит серия фильмов о борьбе советской разведки с западногерманскими и американскими шпионами и диверсантами; были сняты также картины и о приключениях детей в приграничных районах, об их помощи пограничникам в поимке диверсантов и нарушителей советской границы.

В письме советского инженера Г.И. Рогова (г. Ульяновск) работникам кинематографии I Учредительного съезда Союза кинематографистов СССР (декабрь 1965 г.) поставлена проблема обличения новых «классовых врагов»:

> *«По моему мнению, надо начать с привлечения к ответу наших противников в прошлой и новой войне – носителей идей войны. И конечно необходимо обрушить всю силу видов искусства, в первую очередь, кино на поджигателей войны в настоящее время, начиная с американских и английских… А всякие Аденауэры – только люди на побегушках у этих военных воротил».*[10]

Если не принимать во внимание имеющийся идеологический «налет», это письмо – типичное для советского человека эпохи «холодной войны». Вполне отчетливо звучат призывы к критике идейных противников с помощью средств игрового кино; причем, критика эта должна быть направлена не только на побежденный немецкий фашизм (противники в прошлой войне), но и на *нынешних поджигателей войны* – американцев, англичан и западногерманское правительство («Аденауэры на побегушках»). Встречаются письма с призывами снимать больше *психологических* детективов, отходить от сложившихся штампов в изображении персонажей образа врага и положительных героев.[11] В целом, снятые до 1965 г. детективно-приключенческие ленты оцениваются зрителями положительно: «Разве не победа нашего киноискусства создание таких фильмов как «*Летят журавли*», «*Над Тисой*», «*Как Вас теперь называть?*»», – пишет учитель школы №49 С.В. Блохин из г. Ростова.

Оценивая в целом письма зрителей, присланные до и во время работы II Съезда кинематографистов СССР (10 мая – 8 июня 1971 г.), можно отметить, что в большинстве своем зрители *позитивно* оценивают снятые за последние годы кинофильмы, однако по-прежнему просят снимать побольше *психологических детективов* (экранизировать детективные произведения советских и зарубежных авторов, например, О. Пинто «*Охотник за шпионами*», А. Адамова «*Черная моль*» и «*Дело пестрых*»[12]), комедий и военно-исторических картин о событиях Второй мировой войны.

Можно заключить, что, во-первых, советский зритель находился под огромным влиянием тех версий образа врага, которые были созданы до начала 1960-х гг. (шпионы, диверсанты, бывшие нацисты и др.), во-вторых, остро реагировал на политическую конъюнктуру (конечно, в русле идейных установок КПСС), в-третьих, *действительно смотрел* советские детективы, находя в них как положительные, так и отрицательные стороны, но с нетерпением дожидаясь следующей «шпионской» киноленты.[13] Таким образом, детективный жанр (каким он был в СССР), по праву считающийся развлекательным, «легким», пришелся по душе советским гражданам; об этом свидетельствуют и впечатляющие данные о прокате фильмов, и отзывы потенциальных зрителей, и, кроме того, данные статистических исследований.

Статистические исследования в области кинематографии начинаются с 1960-х гг. Киноведы Г.М. Лившиц, А.Л. Богданов и Л.А. Васильева исследуют социологические аспекты кинопосе-

щаемости в конце 1960-х – начале 1970-х гг.[14] Согласно выстроенному ими соотношению жанрово-тематических групп, в 1969 г. было выпущено 45 ильмов, из них 4 – детективно-приключенческих, в 1972 г. всего в прокат вышло 60 фильмов, 7 из которых – в жанре «детектив».[15] На этом примере можно убедиться, что количество фильмов-детективов росло пропорционально числу снимаемых кинокартин; их не становилось меньше, они всегда находили своего зрителя, о чем свидетельствуют данные анкетирований, проведенных НИИ теории и истории кино при Госкино СССР и журналом «Советский экран». Например, в результате проведения НИИ киноискусства анкетирования в 1966 г. был выявлен список из 12-ти лучших отечественных фильмов, и 8-е место в нем занимает детективно-приключенческая лента «*Как Вас теперь называть?*» (Мосфильм, 1965 г.).[16] Сопоставим эти данные с результатами опроса журнала «Советский экран» за тот же год: указанный фильм входит в 10-ку лучших по итогам опроса, занимая 7-е место.[17]

Исходя из данных, представленных НИИ киноискусства, фильмы детективно-приключенческого жанра пользуются популярностью у служащих, студентов, работников сферы быта и услуг, учащихся школ, т.е. обширной категории советских граждан. Кроме того, «шпионское» кино по достоинству оценивается зрителями с высоким уровнем образования (например, фильмы «*Игра без правил*», «*След в океане*» только 7% зрителей с высшим образованием оценили отрицательно);[18] эти оценки в основном подтверждаются данными «Советского экрана» за 1966 год (№10).[19] В их анкете также исследуется проблематика любимого героя: в возрастной группе с 16 до 25 лет довольно много персонажей советских воинов-чекистов (тех самых антинонимичных образов, которые противопоставлены персонажам образа врага).

Интересны также опубликованные данные анкеты журнала «Советский экран» за 1969 год (№ 10 за май 1970 г.): в списке из 10-ти фильмов, получивших наибольшее одобрение участников опроса кинолента «*Мертвый сезон*» (Ленфильм, 1968 г.) на 7-м месте; кроме того, 14 % участников опроса считают его лучшим фильмом 1969 года. Актер Донатас Банионис, сыгравший в этом фильме главную роль (разведчик Ладейников) был признан 2-м в категории «лучший актер» (он «уступил» 1-е место только Олегу Стриженову).[20]

Некоторые статистические данные за более поздние годы имеются в исследованиях сотрудников НИИ киноискусства; проблемы социологии кино стали активно исследоваться только в 1970-е гг.: например, Востриков Ю.А., занимаясь вопросами посещаемости, отмечает, что наибольший успех имели фильмы о Великой Отечественной войне – у 46,6 % зрителей, комедии – у 51,9 %, мелодрамы – у 41,0 % и детективы – у 32,1 % зрителей, соответственно.[21]

Таким образом, невозможно поставить под сомнение популярность детективно-приключенческого кино в СССР – об этом свидетельствуют как источники личного происхождения, так и киностатистика за отдельные периоды. К сожалению, анкетирование журнала «Советский экран» проводилось, во-первых, нерегулярно, во-вторых, оно не могло охватить всю зрительскую аудиторию СССР, а в-третьих, справедливости ради надо отметить, что не все детективные ленты периода «холодной войны» входят в списки лучших.

Итак, потенциальные зрители у фильмов детективного жанра в период «холодной войны» имелись в достаточном количестве: судя по данным опросов, это были многочисленные категории граждан (школьники, студенты, рабочая молодежь, служащие и др.).[22] В этих картинах людей привлекал не только сюжет, но и психологизм характеров, моральные приоритеты героев, проблемы противостояния врагам всех категорий.

Если учесть, что за 1950-е – 1980-е гг. было снято *более 50-ти кинокартин детективного жанра*, содержащих элементы образа врага «холодной войны», то можно представить себе аудиторию тех, кто принял на себя *эффект воздействия кинематографических образов*. Под таким эффектом в данном исследовании понимаются все те изменения, количественные и качественные, которые происходят в сознании и поведении человека в *предкоммуникативной* (до просмотра картины), *коммуникативной* (во время просмотра) и *посткоммуникативной* (после просмотра) фазах его контакта с продуктами кинопроизводства.[23] Посткоммуникативная фаза связана еще и с возникающим в дальнейшем *эффектом исторической памяти* – долговременной ретрансляции последствий тех изменений, которые произошли в зрителе под воздействием фильма.

Действительно, как показали данные социологических опросов, поведение зрителя избирательно: из потока текущего кинорепертуара он выбирает для просмотра определенный фильм, таким образом, зрительский выбор является условием воздействия кинокартины, т.е. степени ее привлекательности. Но решение посмотреть фильм, кроме того, зависит и от его «аттрагирующих» свойств – наличия увлекательного сюжета, погонь, драк, тайн, приключений, игры знаменитых актеров. Что касается коммуникативной фазы, то, по мнению социолога кино М.И. Жабского, на ней

происходит информационно-заражающее воздействие: «то есть фильм сообщает зрителю определенную информацию и заражает определенными чувствами».[24] Далее, в посткоммуникативной фазе человек обдумывает фильм, обсуждает его с друзьями и знакомыми, т.е. увиденное по-прежнему оказывает на него влияние. Наконец, получив некую информацию и, возможно, в какой-то степени преобразившись под влиянием фильма, человек иначе чувствует, думает, ведет себя.

Теперь вставим эти теоретические выкладки в исторический контекст. Детективно-приключенческое кино периода «холодной войны» – это тип развлекательного и, одновременно, пропагандистского кино, в котором посредством различных художественных приемов визуализируется система образа врага. Она носит *официальный* характер, на ее формирование и эволюцию направлены усилия ряда государственных органов, вследствие чего «шпионское» кино находится в период «холодной войны» под многоступенчатым контролем власти. То есть, советским зрителям изначально представляется продукт киноискусства, обладающий как ярко выраженными «аттрагирующими» свойствами, так и официально сконструированной системой идеологических символов. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что образы и характеристики, дающиеся в этих фильмах западному обществу (политической системе, гражданам, продуктам его духовной и материальной культуры), столь эмоционально усваивались советским зрителем по той причине, что, согласно Постановлению ЦК КПСС от 8 августа 1963 г. «О порядке показа кинофильмов», показ фильмов производства студий капиталистических стран запрещался (делалось лишь послабление по согласованию с Госкино СССР).[25] Таким образом, реалии западного образа жизни возникали перед среднестатистическим советским зрителем в основном из *отечественных* игровых фильмов, т.е. из кинокартин, изначально идеологизированных, «нагруженных» необходимыми образами, в том числе и элементами образа противника в «холодной войне» (внешнего «западного» врага и его пособников из числа советских граждан).

Можно привести цитату из выступления на заседании Президиума Оргкомитета Союза работников кинематографии СССР (еще 14 сентября 1957 г.) одного из известных в свое время кинематографистов Б.А. Метальникова – режиссера и сценариста фильмов на производственные и сельские темы:

> *«Говорили, и совершенно справедливо, что сейчас идет самая ожесточенная идеологическая борьба. Буржуазная критика ведет нападки на киноискусство, на принципы социалистического реализма. Нам нельзя об этом забывать, нельзя забывать об окружении. Но мне кажется, что все-таки нельзя забывать и о том, что происходит у себя в тылу… мы должны бороться с отрицательными явлениями у себя внутри. Мы должны делать картину, условно говоря, для внутреннего потребления. Давайте не будем давать их на внешний рынок. Почему у искусства, которое всегда было острым оружием, хотят затупить острие этого оружия?».*[26]

Следовательно, можно предположить, насколько значительную роль в распространении образа врага в массовом сознании советского общества играл художественный кинематограф: постепенно система негативных характеристик создавала в сознании устойчивые стереотипы, обладающие еще и *кумулятивным свойством*. Под этим термином следует понимать последствия восприятия советским зрителем на протяжении всей его жизни повторяющихся схем, историй, образов, идеологических посланий, содержащихся в продуктах киноискусства.

В результате проведенного анализа совокупности игровых фильмов 1950-х – первой половины 1980-х гг., зафиксировавших образ врага «холодной войны», были установлены следующие явления. Можно констатировать постепенные изменения в классификации образа врага, представленного в художественных фильмах, а также отметить заметную трансформацию ее элементов в периоды усиления конфронтации между СССР и странами Запада. Это было связано, во многом, с культурной политикой советской власти, включающей многосторонний контроль над сферой искусства и кинематографом, в частности. Образ врага периода «холодной войны» как явление устойчивое, если иметь в виду его присутствие в игровом кино, как совокупность негативных характеристик потенциального противника, не мог не отложиться в исторической памяти общества, влияя на массовое сознание, помогая власти выстраивать в нем определенные представления. Это подтверждается присутствием «вражеского» элемента в структуре образа в советском игровом кино детективного жанра весьма *длительный период времени* – вплоть до конца 1980-х гг.

Период «холодной войны» определяется воздействием на сознание советских граждан так называемого кумулятивного эффекта, что подразумевает распространение стабильных, прочных и повторяющихся образов и представлений, вы-

ражающих институциональные характеристики, данные советским государством своим «идеологическим противникам».

Значимость исторической памяти для коллективного сознания велика и необычайно важна в деле налаживания международных отношений. Так, память об идеологическом противнике имеет две стороны.[27] С одной из них, в сознании людей она носит стихийный характер, так как принадлежит области массовой социальной психологии; с другой – историческая память и ее отдельные элементы формируются под воздействием института государства посредством пропаганды, через массовые произведения искусства (литература, кинематограф).

Можно с уверенностью утверждать, что несколько поколений людей, родившихся и выросших во время «холодной войны», воспитаны на произведениях массового искусства, в которых элементы образа врага присутствовали в полном объеме и, безусловно, повлияли в дальнейшем на позицию этих людей по отношению к «враждебной» нации. Проблема исторической памяти, тесно связанная с особенностями восприятия медиатекстов (таких, например, как художественные фильмы), содержащих элементы образа врага, может и должна исследоваться в каждом конкретном случае в комплексе с продуктами средств массовой информации и пропаганды.

Внимание власти к проблемам насыщения произведений киноискусства определенными образами и идеями связано, главным образом, с тесным влиянием продуктов идеологии на национальное самосознание, «которое, в свою очередь имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства в условиях нестабильности».[28] Значимыми являются представления о противнике, с которым велась война (пусть и «холодная»), как составляющая исторической памяти. Эти представления имеют свойство не исчезать, а вновь и вновь актуализироваться в периоды обострения внешнеполитических отношений с бывшим противником, как это было на протяжении десятилетий «холодной войны», когда элементы образа врага в игровом кино то проявлялись отчетливо, выстраиваясь в иерархичную систему негативных персонажей (50-е – начало 70-х гг., первая половина 80-х гг.), то практически полностью исчезали либо смягчали свое негативное содержание (как это было в период разрядки международных отношений с 1972 по 1979 гг.).

Последствия воздействия идеологически окрашенной фигуры врага в советском киноискусстве можно оценить как факторы, во многом детерминировавшие современное отношение россиян к западному и американскому социумам, их представителям, культуре, искусству и политике. «Холодная война», как полагают многие историки, закончилась с распадом СССР в 1991 году, однако отдельные ее отголоски и рецидивы имеют место по сей день. На современном этапе можно говорить о том, что интенсивная многолетняя пропаганда дала свои результаты. Тенденции нарастания, например, антиамериканизма в российском обществе на данный момент прослеживаются достаточно отчетливо. Этому способствовали и бомбардировки Югославии в 1999 г. (официальным поводом начала военных действий было объявлено присутствие сербских войск на территории края Косово и Метохия; с марта по июнь 1999 г. войска НАТО осуществляли военные действия на территории Сербии: основная часть военной операции состояла в применении авиации для бомбардировки военных и гражданских объектов; погибло, по-видимому, не менее 2000 гражданских лиц, около 6000 были ранены в ходе бомбардировок),[29] и недавний августовский грузино-юго-осетинский вооруженный конфликт (8 августа 2008 г. к конфликту на стороне Южной Осетии официально присоединилась Россия в рамках операции по принуждению Грузии к миру; 9 августа 2008 г. – Абхазия, в рамках соглашения о военной помощи между членами содружества непризнанных государств; 12 августа Россия официально объявила об успешном окончании операции по принуждению грузинских властей к миру). США и ряд прибалтийских стран активно поддержали нападение Грузии на Южную Осетию для «наведения конституционного порядка» на ее территории. Россия защитила независимость самопровозглашенной республики вооруженным путем, давая «втянуть» себя в новую конфронтацию с западным сообществом и, прежде всего, с США. После этого конфликта в начавшейся *информационной войне* (это социальное явление проявилось как социально опасная форма информационного противоборства, осуществляемого различными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач) вновь стал конструироваться образ врага. Сферами его присутствия становится Интернет, телевизионные программы, авторские ток-шоу на радио и др. Причем, основные элементы отчасти повторяют образ врага «холодной войны», воплощаются в подобных образах: диверсанта, шпиона, а также их пособников, «милитаристскую» элиту США. Апогеем проявления черт вновь созданного образа врага явился фильм «*Олимпус Инферно*»[30] (производство Первого ка-

нала, премьера 29 марта 2009 г.), где, помимо негативных персонажей грузинских военных, есть и американский «вражеский» элемент.

Таким образом, проблема образа врага тесно связана с тем кумулятивным эффектом, который порождается в процессе его бытования в информационно-визуальном поле и детерминирует *феномен исторической памяти*, характеризуя ее значимость для массового сознания. С одной стороны, образ врага носил черты идеологемы (т.е. продукта идеологии), сконструированной институтами власти, с помощью которой правящая элита, не затрачивая значительных ресурсов, решала сразу несколько стратегических задач (сохранение и увеличение власти, мобилизация человеческих ресурсов советского государства, подавления внутренней оппозиции и др.). С другой – можно говорить о взаимной обусловленности как идеологической, так и стихийно-массовой составляющей образа врага времен «холодной войны». В тот период это не только комплекс представлений, сформированный средствами массовой информации и долговременной пропаганды в ходе самого процесса глобального политико-идеологического противостояния СССР и стран Запада, но еще и историко-культурное наследие, «эхо войны», которое (конечно, с отдельными структурными изменениями) стимулирует *феномен исторической памяти*. «Важнейшим субъектом, формирующим историческую память, является государство, а фактором – политическая конъюнктура (политический режим, взаимоотношения с государством – бывшим противником и др.)».[31]

В контексте данного исследования историческая память подтверждает свое значение сложного феномена сознания постольку, поскольку через нее из поколения в поколение будет передаваться и претерпевать конъюнктурные изменения та система образа врага в «холодной войне», которая была визуализирована, в том числе, и в игровом кинематографе данного периода. ■

---

1 **Сенявский А.С.**, **Сенявская Е.С.** Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139.

2 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 78. Л. 65.

3 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 78. Л. 67 – 68.

4 Отклики, отклики. Письма читателей // Советский экран. № 14. 1978. С. 17.

5 Там же.

6 Там же.

7 Очень трудный легкий жанр. Письма читателей // Советский экран. № 21. 1978. С. 14.

8 Там же.

9 Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2936. Оп. 4. Д. 12. Л. 15.

10 РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 4. Д. 13. Л. 54.

11 РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 4. Д. 316. Л. 79 – 80.

12 РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 4. Д. 316. Л. 81.

13 Там же.

14 **Лившиц Г.М.**, **Богданов А.Л.** и др. О динамике кинопосещаемости. // Кино и зритель. Проблемы социологии кино. Сб. науч. тр. М.: ВНИИ киноискусства, 1978. С. 39–58.

15 Там же. С. 42.

16 **Кочан Л.Н.**, **Томилов Г.А.** и др. Кино и зритель. Опыт социологического исследования. М.: Искусство, 1968. С. 168 – 169.

17 Там же. С. 194.

18 Там же. С. 215.

19 Советский экран. 1966. № 10. С. 18 – 19.

20 Советский экран. 1970. № 10. С. 1.

21 **Востриков Ю.А.** Проблема посещаемости как практическая проблема // Проблемы социологии кино: Материалы заседания Совета по координации научно-исследовательских работ в области киноведения. М., 1978. С. 127.

22 Мухин П.Я. Кино и зритель: статистика общественного мнения. Учеб. пособие / П.А. Мухин, В.Я. Орлова. М.: ВГИК, 1987. С. 71.

23 **Тарасов К.** Кино в современном обществе: функции – воздействие – востребованность. / К.А. Тарасов, М.И. Жабский, Ю.У. Фохт-Бабушкин. М.: ВНИИ киноискусства, 2000. С. 106 – 107.

24 Там же. С. 106.

25 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 144.

26 РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 11. Л. 104.

27 **Сенявская Е.С.** Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОСПЭН, 2006. С. 250.

28 Там же.

29 Война НАТО против Югославии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_%D0%9D%D0%90%D0%A2%D0%9E_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B8%D0%B8_(1999) (дата обращения: 14.12.2009).

30 Олимпус Инферно // Производство Первого канала. 2008. URL: http://www.youtube.com/view_play_list?p=E03BEAB0054F18B3 (дата обращения: 14.12.2009).

31 **Сенявская Е.С.** Указ. соч. С. 250.

Александр Сенявский,
Елена Сенявская

Поле боя – историческая память

военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики*

В холодной войне, как известно, «полями битвы» были не только военно-техническая, экономическая, технологическая области. В общем-то, при неравных стартовых возможностях и всех отставаниях СССР эту гонку выдержал и, как признавали все советологи, практически до конца 1980-х гг., даже после утраты в 1970-е гг. динамизма развития, мог существовать как влиятельная мировая сила в течение многих десятилетий. «…Никто из зарубежных аналитиков не предсказывал развала Советского Союза и ликвидации социализма в обозримом будущем».[1] Важнее была конфронтация в нематериальной, «ментальной» сфере, в сфере сознания: в идеологии, культуре, ценностях, «образах». Именно здесь советская мобилизационная модель развития оказалась наиболее уязвимой, начав сдавать одну позицию за другой уже в середине 1950-х гг. И если атаки извне в этой области сначала весьма легко отбивались, то внутренний удар оказался куда опаснее.

Решающей вехой стал XX съезд, нанесший сокрушительный удар по ключевым символам советской системы – по ее вождю Сталину, еще недавно непререкаемому авторитету и триумфатору в победе над германским фашизмом; по коммунистической идее, практическое воплощение которой стали связывать с массовыми жертвами террора; по советскому государству, дискредитированному собственным высшим руководством, охарактеризовавшим его как инструмент репрессий; по советской модели социализма, отныне неизменно связываемой в пропаганде политических оппонентов с социальным насилием. Именно после XX съезда стали рассыпаться крупные западные компартии, дан старт «еврокоммунизму», в союзных соцстранах активизировалась оппозиция, поддержанная Западом, произошли волнения в Польше и Венгрии, внутри СССР начало формироваться диссидентское движение, проявился идейный раскол общества. Произошла также историческая дезориентация населения страны, была подорвана преемственность авторитетов лидеров: почти каждый последующий руководитель начинал свою деятельность с дискредитации предшественника, была подорвана едва сформировавшаяся единая система ценностей советского общества, народов СССР. Всем этим искусно воспользовались противники СССР в «холодной войне», развернув наступление на важнейшем ее «фронте» – в психологической войне.

Одной из решающих областей противостояния стала «битва за прошлое» – за историческую память, за интерпретацию истории. Причина в том, что именно историческая память является ценностной опорой национального самосознания, источником самооценки народа, его самоуважения, а во многом – ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность к развитию, к преодолению трудностей и препятствий, способность выдерживать исторические испытания. В этом смысле прошлое (не только в материализованном, вещественном и институциональном, но и в духовном плане) в решающей степени предопределяет настоящее и будущее. Особое значение в этом контексте имеет память о военной истории, поскольку войны, и тем более мировые, являются апогеем напряжения сил, проверкой «на прочность» стран и исторической состоятельности народов и государств.

Войны в исторической памяти: теоретический аспект

Любая война после своего окончания продолжает существовать в памяти многих людей – непосредственных участников, современников, ближайших потомков носителей экстремального военного опы-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

та. Если война оказывается значимым для социума событием, то память о ней сохраняется не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании, может закрепляться в официальном (идеологическом, политическом и т.д.) дискурсе на протяжении жизни нескольких послевоенных поколений.

Именно историческая память является ценностной опорой национального самосознания, источником самооценки народа, его самоуважения, а во многом – ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность к развитию, к преодолению трудностей и препятствий, способность выдерживать исторические испытания

При этом *образ войны*, то есть комплекс представлений о ней, включает в себя как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты. Интеллектуальные – это попытки рационально, логически осмыслить само явление. Эмоциональные представляют собой совокупность чувств, эмоциональных отношений к данной войне.

Субъект восприятия, формирования этого образа может быть весьма дифференцированным: это и массовое общественное сознание, и высшее политическое и военное руководство, и, наконец, армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено. Именно для обозначенных категорий существуют свои специфические закономерности формирования образа войны, хотя, разумеется, эти субъекты не отделены друг от друга непроходимыми барьерами, и потому существуют еще более обобщенные, даже универсальные психологические механизмы, характерные для всех. Естественно, чем ближе субъект к высшим звеньям управления, то есть к точкам пересечения информационных потоков и структурам, принимающим решение, тем выше доля интеллектуальных, рациональных компонентов как в формировании образа войны, так и в его структуре. Соответственно, массовое общественное сознание ориентируется, прежде всего, на эмоциональные компоненты, во многом определяемые так называемой «психологией толпы», а также формируемые под воздействием пропаганды, в том числе ретроспективной.

Каково *содержание категории «образ войны»*? В широком смысле она включает в себя и собственный образ, и образ врага, и образ союзника (если таковой имеется). Здесь же и представления о ее характере и масштабах, соотношении сил, развитии событий и др. Образ войны никогда не бывает статичным. Его можно весьма четко подразделить на три типа: прогностический, складывающийся иногда задолго до того, как война началась; синхронный, формирующийся непосредственно в ходе военных действий, по мере приобретения реального опыта; и *ретроспективный*, оформляющийся уже после окончания войны.

Нас интересует *ретроспективный образ войны*, который становится, с одной стороны, предметом профессионального анализа разными специалистами (историками, военными, идеологами и политиками), а с другой, – фактом исторической памяти народа. В профессиональном отношении этот образ оказывается более дифференцированным в зависимости от того, на какой его аспект направлено основное внимание. По прошествии времени информация становится доступнее, раскрываются архивные документы, и историки получают возможность более детального, полного и спокойного осмысления хода событий, их исторического значения. Военные специалисты анализируют прошедшую войну с точки зрения извлечения необходимого опыта для будущих войн, тем самым выполняя весьма противоречивую работу: позитивную и негативную одновременно. Ретроспективный образ, как правило, частично вбирает в себя и прогностический, и синхронный образы войны, естественно, с очень большой и содержательной, и ценностной корректировкой. В нем же заложены основы прогностических образов будущих войн, содержащие как элементы адекватного предвидения, так и заведомые искажения в силу особенностей человеческого мышления, недостатка информации и объективной неопределенности будущего. Полезным оказывается осмысление всего нового, что принесла конкретная война в стратегию и тактику, в военное искусство в целом. Но здесь же кроется негативная сторона – почти неизбежная абсолютизация прошлого опыта, тогда как последующая война всегда оказывается весьма отличной от предыдущей.

Если рассматривать войну в целом как элемент исторической памяти, то ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость постепенно со временем угасают, но остаются «ключевые вехи», которые выполняют социальную функцию опорных точек национального самосознания. Не случайно за соответствующее отражение конкретной войны в исторической памяти народов всегда борются идеологи, поскольку оно становится одним из средств в решении внутриполитических и идеоло-

Если рассматривать войну в целом как элемент исторической памяти, то ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость постепенно со временем угасают, но остаются «ключевые вехи», которые выполняют социальную функцию опорных точек национального самосознания

гических задач, а также инструментом международной политики и дипломатии.

Историческая память – весьма сложный феномен общественного сознания. В ней много пластов, формирующихся разными путями. С одной стороны, она принадлежит области массовой социальной психологии, причем во многом стихийной; с другой, – идеологической сфере, а значит, как правило, является предметом особой заботы государства, общества и их официальных институтов (политических организаций, структур образования и воспитания, средств массовой информации, религиозных организаций и др.). В последние годы историческая память все больше привлекает внимание исследователей, как историков, так и социологов,[2] причем предметом исследования становится и память о военных событиях.[3]

Механизмы формирования исторической памяти включают как институционализированные формы передачи информации (например, систему образования, СМИ и т.д.), так и языковые формулы, устную традицию, фольклор, семейные предания и т.п. Историческая память – основа национального самосознания, которое, в свою очередь, имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства, особенно в условиях тяжелых национально-государственных кризисов. Травмированное и дезориентированное массовое сознание, в том числе в отношении исторического прошлого своей страны, – один из сильнейших факторов подрыва национальной безопасности, способных привести к катастрофе.

Историческая память подразделяется на документальную, зафиксированную в источниках своей эпохи, и интерпретационную, в виде различных ретроспективных толкований (от мемуаров участников и очевидцев до учебников истории, исторической публицистики и т.д.), на память нарратива и актуализированную память массового сознания.

Следует отметить несколько важных особенностей, связанных с механизмами функционирования исторической памяти как явления массового сознания:

– историческая память избирательна. Это связано с тем, что ее емкость ограничена, поэтому в сознании обычного человека сохраняется весьма небольшое количество исторических событий и имен. Как правило, они связаны с экстремальными для жизни страны и общества явлениями – войнами, социальными потрясениями, крупными политическими событиями;

– историческая память делится на долговременную и кратковременную. Кратковременная связана с событиями, иногда в масштабах истории малозначительными, но о которых помнят их современники и непосредственные свидетели, или, косвенно, в основном через устную традицию, ближайшие потомки. Долговременная имеет более сложный механизм формирования и функционирования, в основе которого лежит избирательность;

– долговременная историческая память в массовом сознании всегда символична и мифологизирована. В ней остается не точная подробная передача исторических фактов, а предельно обобщенный образ;

– еще одной особенностью исторической памяти является ее оценочная бинарность (белое – черное, хорошее – плохое, герой – злодей и т.п.). Она почти не знает оттенков, переходных форм, сложностей и противоречий, которые характерны для реальной жизни. В значительной степени именно это позволяет манипулировать общественным сознанием, в том числе и исторической памятью, меняя оценочные знаки с плюса на минус и наоборот;

– исторические символы – основное содержание исторической памяти – одновременно являются и опорными точками национального самосознания, ориентирами для представителей социума в отношении к себе и миру, самоидентификации и опознании чужого, инородного. Размещая себя на оси времени, общество, имеющее прочный исторический фундамент из различных испытаний и трудностей и опыта их преодоления, может достаточно уверенно формировать традиции, выстраивать свою перспективу, сохранять оптимизм даже в условиях сильных потрясений. Утрата исторической памяти или ее сильная деформация дезориентируют общество также в настоящем и будущем, порождают массовый пессимизм;

– в определенных условиях для исторической памяти характерен механизм актуализации, то есть избирательного интереса к событиям прошлого, вызывающим ассоциации с настоящим. Например, актуализируются даже плохо зафиксированные в исторической памяти войны при новой войне с тем же историческим противником.

В Великую Отечественную часто вспоминали Первую мировую, современные события в Чечне вызвали повышенный интерес к Кавказским войнам XIX века и т.д.

Представления о прошлом формируются разными путями. В современной России, по данным социологических обследований, основными источниками исторических знаний являются: «учебники» – указали более 70 %, «кинофильмы» – более 60 %, «телепередачи» – более 50 % опрошенных.[4] Таким образом, подавляющая часть исторической информации население получало через систему образования, наиболее массовое искусство и самый распространенный вид СМИ. Все это в основном институционализированные и пассивные формы потребления. «Чтение мемуаров, художественной литературы, газет и журналов» назвали источником исторических знаний лишь около 40 %, «рассказы старшего поколения» – около 30 %, а «семейные архивы» – 5 % опрошенных. То есть, прямая передача исторических знаний явно уходит на второй план и характерна лишь для относительно небольшой части общества. Из этого следует особенно большая ответственность государства, регулирующего систему исторического образования, а также деятелей киноискусства и средств массовой информации, популяризирующих и интерпретирующих исторические события, в том числе отечественной военной истории.

Доминирующая роль институциональных механизмов формирования исторической памяти общества нового и новейшего времени предопределяет особую значимость идеологии и политики в отборе и интерпретации событий, явлений и персонажей истории, закрепляемых в массовом сознании. Государство и власть влияет на этот процесс либо непосредственно (через учебные программы), либо косвенно (через культуру и СМИ). В советском обществе это влияние было всеохватывающим и, как правило, прямым, в постсоветском – чрезвычайно широким, хотя и косвенным. В условиях «перестройки» историческая память использовалась как поле политической борьбы, причем разрушались не только классовые символы советской эпохи, но ставились под сомнение героические символы Великой Отечественной войны, а наиболее радикальными публицистами и журналистами – многие общенациональные символы российской истории. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. пытались даже термину «патриотизм» придать негативный оттенок и отождествить с реакционностью (патриоты – «красно-коричневые»: попытка навесить ярлык, с прямым намеком на фашизм, однозначно негативно воспринимаемым массовым российским сознанием).

Категории войн и национально-историческое сознание народов в XX веке

Военное прошлое и военный опыт занимают в исторической памяти особое место. Войны – это всегда экстремальное состояние для страны и государства, причем, чем масштабнее военные события и их влияние на развитие общества, тем они потенциально занимают более значительное место в структуре общественного сознания. А наиболее важные из войн, «судьбоносные» для конкретных стран и народов, превращаются в важнейший элемент «опорного каркаса» национального самосознания, предмет гордости и источник, из которого народы черпают моральные силы в периоды новых тяжелых исторических испытаний.

Так, в исторической памяти россиян, прежде всего в русском национальном самосознании, особое место занимают войны не столько победоносные, сколько те, в которых народ проявил жертвенность, стойкость и героизм, иногда даже независимо от исхода самой войны. В исторической памяти русского народа сохранились имена, связанные с военными событиями и приобретшие характер символов – Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр Великий, Суворов и Кутузов, маршал Г.К. Жуков и генералиссимус И.В. Сталин. Если мы вспомним исторических персонажей военной истории «второго плана», то есть не вождей и полководцев, а простых людей и рядовых воинов, то ответы, как правило, ограничатся героическими символами Великой Отечественной войны, как индивидуальными (Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло и др.), так и коллективными (защитники Брестской крепости, панфиловцы, «молодогвардейцы»). От более ранних войн события и персонажи сохранились в исторической памяти большинства наших современников почти исключительно благодаря популярным (особенно классическим, изучаемым в рамках школьной программы) произведениям литературы и искусства.[5] Но именно Великая Отечественная война закрепилась в народной памяти как самое значительное событие в истории России (всей, а не только XX века!), как опорный образ национального сознания и национального единства.

У других народов также есть свои «героические вехи», ценностные ориентиры из давнего или недавнего прошлого, заключающие в себе мощный импульс дальнейшего развития. При этом у каждой страны историческая память – сугубо «индивидуальная», содержащая собственные оценки событий, не похожие на взгляды и оценки иных социумов.

Войны можно оценивать по многим параметрам: по количеству вовлеченных в них участни-

ков и роли каждого из них в мировой политике, по величине территории, охваченной боевыми действиями, по масштабу материальных потерь и человеческих жертв, по тому влиянию, которое данная война оказала на положение ее участников, в особенности «великих держав», и на международные отношения в целом и др. Но все они – мировые и локальные, «большие» и «малые» – имеют разную значимость в общеисторическом масштабе и в истории отдельных народов. Так, для одних народов даже крупнейшие мировые события, не коснувшиеся их непосредственно, остаются на периферии исторической памяти, а то и вовсе выпадают из нее. Вместе с тем, даже незначительное для мировой истории военное столкновение, затронувшее маленькую страну и ее народ, нередко оказывается в фокусе исторической памяти этого народа и может даже превращаться для него в элемент героического эпоса, закладывающего основы национального самосознания. Тем более значимыми для национальной исторической памяти становились войны, которые выводили страну и народ на широкую международную арену. Таким событием стала русско-японская война 1904 – 1905 гг. для Японии, впервые одержавшей победу над крупной европейской державой.

Историческая память не бывает «линейной» и «статичной»: «воспоминания о войне» изменяются со временем, переставляются акценты, «забывается» и вытесняется из памяти все «неудобное» для национального сознания

Другой пример – советско-польская война 1920 г., которая практически не отложилась в исторической памяти россиян, поскольку была всего лишь одним из эпизодов длительной и многообразной по театрам боевых действий и составу противников Гражданской войны и иностранной интервенции. Однако в Польше этой войне придается едва ли не всемирно-историческое значение. В современных учебниках истории ее называют «битвой, которая спасла Европу», имея в виду гипотетические планы нападения большевиков на другие европейские страны с целью экспорта коммунистической революции.[6]

Аналогично малозначимой для СССР советско-финской войне 1939 – 1940 гг. и боевым действиям на второстепенном для Великой Отечественной войны Карельском фронте в 1941 – 1944 гг. (в финской трактовке – Зимняя война и война-Продолжение) в Финляндии придается судьбоносное значение не только для национальной истории маленькой северной страны, но и для всей «Западной цивилизации и демократии». При этом сознательно умалчивается, что во Второй мировой войне Финляндия была союзницей Гитлера.

Есть и иная категория войн, являющихся для страны и ее народа источником психологической фрустрации (в ряде случаев – национальным позором), – войны, которые стараются вытеснить из исторической памяти или трансформировать, исказить их образ, «переписать историю» с тем, чтобы избавиться от неприятных эмоций, травмирующих массовое сознание, вызывающих чувство вины, активизирующих комплекс «национальной неполноценности» и т.п. Так, для Японии психологическим шоком на многие десятилетия стало ее поражение в 1945 г. Воспоминания о Второй мировой войне до сих пор болезненны для национального самолюбия японцев, а потому в этой стране «очень сильны праворадикальные националистические настроения», влияющие и на российско-японские отношения.[7] При этом историческую память актуализирует так называемая «проблема северных территорий», а именно – передача СССР в результате капитуляции Японии Курильских островов, которую японцы считают незаконной. Обостряет ситуацию и отсутствие мирного договора между Россией и Японией. При этом японцы предъявляют России претензии не только территориального, но и морального порядка. Все настойчивее звучат требования к России «покаяться» за «агрессию СССР против Японии» и за «порабощение множества японских граждан» (имеются в виду интернированные в СССР военнопленные).[8] Вместе с тем, «по удивительному стечению обстоятельств или в результате четко продуманной стратегии, японцы не питают ни малейшей обиды к американцам» и не требуют от США публичного покаяния за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.[9] В японских учебниках истории «идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны», обеляются или умалчиваются вовсе «преступления японской военщины»,[10] в чем отчетливо проявляется закономерная для побежденных психологическая тенденция найти самооправдание и предпринять попытки самоутверждения. Не случайно 70 % японских школьников сегодня искренне считают, что во Второй мировой войне пострадала именно Япония.[11] Так историческая память превращается в «историческую амнезию».

В современной Европе к подобной категории событий, травмирующих национальное сознание,

относится участие разных стран во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии. Одни из них в противовес политике правящих в то время режимов стараются подчеркнуть борьбу своих антифашистов. Другие, напротив, пытаются завуалировать и даже оправдать преступления своих соотечественников, сотрудничавших с нацистами, как это происходит в прибалтийских государствах.

Для российского исторического сознания весьма противоречивой оказалась память об Афганской войне 1979 – 1989 гг., о которой, пока она шла, в стране почти ничего не знали, а когда она завершилась, начался период острой политической борьбы, трансформации и распада советской системы и государства. Руководство М.С. Горбачева объявило введение войск в Афганистан «политической ошибкой», и в мае 1988 – феврале 1989 гг. был осуществлен их полный вывод. После Второго Съезда народных депутатов, когда было принято Постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан,[12] – произошло изменение акцентов в средствах массовой информации в освещении Афганской войны: хотя она не закончилась военным поражением, ее стали изображать как проигранную. При этом распространившееся в обществе негативное отношение к самой войне стало переноситься и на ее участников.

К одной и той же войне у разных народов может быть проявлено разное отношение, в зависимости от вида самой войны, характера участия или неучастия в ней (так как в одних войнах позорно участвовать, в других – не участвовать), исхода войны для каждой из сторон, проявленных в войне качеств национального характера и т.д. Причем историческая память не бывает «линейной» и «статичной»: «воспоминания о войне» изменяются со временем, переставляются акценты, «забывается» и вытесняется из памяти все «неудобное» для национального сознания. Поток событий отодвигает ранее значимые имена, явления, факты на второй план. Для каждого нового поколения современные им события почти всегда кажутся более существенными, нежели ушедшие в прошлое и объективно более значимые для истории. В ментальной (а не документальной, зафиксированной в письменных источниках) исторической памяти всегда остается очень ограниченное число «единиц хранения». Поэтому можно констатировать как закономерность динамику исторической памяти трансформацию ее структуры, значимости, смысла и других оценок по мере удаления исторического события и смены поколений, в зависимости от политической конъюнктуры и т.д.

Огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это произошло, например, в начале XX века в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран и в конце XX века при распаде «социалистического лагеря» и СССР. В этом контексте особенно сильно на историческую память народа влияла ретроспективная пропаганда, причем степень воздействия этого инструмента на массовое сознание оказалась столь мощной, что пропагандируемые события потеснили иные, гораздо более значимые для мировой истории, освещение и оценка которых были серьезно искажены. Тем самым наглядно высветилось такое явление социальной психологии, как отсутствие прямой, жесткой связи между масштабностью, объективной значимостью для страны события и его фиксированием в исторической памяти. Яркий тому пример – Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, но память о которой была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую роль в этом «вытеснении» мировой войны сыграла идеологическая политика советского государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми. Было приложено максимум усилий, чтобы «вытравить» все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем, в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в

ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство.

Первая мировая война выявила широкий спектр психологических эффектов, связанных с отражением одного и того же события в исторической памяти разных стран, социумов, народов, социальных и иных слоев. Она выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики, и, в то же время, определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей. Наконец, выявилась очень значимая роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы, мемуаристики и т.д. Относительно кратковременная историческая память о Первой мировой войне – в масштабах поколения ее участников и современников – стала важным фактором дальнейшего развития мировой истории, повлияв на мотивацию реваншизма в потерпевших поражения странах, на реакцию «избегания» и нерешительности в отношении потенциального агрессора среди элит «западных демократий» накануне Второй мировой войны, вылившуюся в политику «умиротворения» Гитлера и Мюнхенский сговор. Поздняя, «отсроченная» память о Первой мировой в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой войны, а в официальной исторической памяти – в политике, идеологии, системе образования и т.д. – фиксировалась в соответствии с интерпретацией властных элит конкретных стран, в том числе и для обеспечения их текущих интересов и соответственно международной конъюнктуре.

Память о Второй мировой войне в контексте современной геополитики

Ход и итоги войн нередко меняют вектор национально-государственного развития и радикально трансформируют судьбы и сознание целых наций. В этом смысле уникальное место занимает историческая память о Второй мировой войне, для нашей страны – о Великой Отечественной, поскольку именно ее ход и итоги на десятилетия предопределили авторитет и позиции СССР в системе международных отношений, соотношение сил в мире, да и сам облик современного мира. Постсоветская Россия – как наследница и правопреемник СССР – в не меньшей степени заинтересована в отражении в мировой исторической памяти правды о той войне, о вкладе в победу советского государства и советского народа, в объективном отражении действительной роли всех сторон-участников, как в целом, так и в деталях.

Новым крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войнах XX века явился рубеж 1980-х – 1990-х гг. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно – Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР, включая постсоветскую Россию.

Следует отметить, что исторический поворот конца 1980-х годов имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на разные страны и, соответственно, историческую память их народов. Во-первых, речь идет о капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества» со всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно подверглись инверсии: говоря упрощенно, знаки плюса и минуса поменялись местами. Так, в Российской Федерации во многом изменилась трактовка истории революции 1917 г. и Гражданской войны. Внесены были существенные коррективы и в оценку внешнеполитического курса советской эпохи, включая военные события, хотя здесь изменения были не столь радикальными. Аналогично в бывших соцстранах корректировалась их история, особенно периодов «революционных переходов» и связанных с ними или предшествовавших им военных событий.

Другой пласт перемен с конца 1980-х гг. затронул геополитические изменения на карте мира, соотношение сил между государствами и их коалициями. Соответственно, с одной стороны, победители в «холодной войне» получили явное преимущество и в текущей политике, и в возможности продвигать такие свои интересы, которые были нереальны в сложившейся исторически ранее системе международных отношений. С другой стороны, изменились или выявились скрывавшиеся прежде геополитические интересы стран – осколков «соцсодружества» и новых государств, возникших на развалинах СССР, что закономерно привело к попыткам ревизии многих исторических событий и вытекавших из них правовых следствий (в виде фиксированных международными нормами границ и т.д.). Продвижение НАТО на Восток явилось мощным фактором, подкрепляв-

шим эти претензии. Наконец, с третьей стороны, геополитический наследник СССР – Российская Федерация – оказалась в ситуации новых геополитических реалий и возможностей, существенно для нее урезанных. Одновременно она стала объектом и мощного давления со стороны стран Запада, навязывающего ей роль побежденной в «холодной войне» страны, и объектом разнообразных притязаний и претензий со стороны соседей, – как новых постсоветских государств, так и бывших союзников по «соцлагерю». И здесь интерес новой России во многом заключается в сохранении, возможно более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которая способствует обеспечению ее геополитической безопасности, а она исторически сформировалась именно в советскую эпоху, главным образом в результате Второй мировой войны.

В такой, очень непростой ситуации происходила и трансформация исторической памяти, в том числе и о войнах XX века в указанных категориях стран с очень разными «историческими» интересами.

Ревизии или «корректировке» в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростным атакам подверглись представления о Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамская система. Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире.

Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х годов, естественно, поставили под вопрос не только саму систему, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны не только основных побежденных стран и их союзников, но и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире.

Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется практика двойных стандартов. СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений, обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский сговор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» Пакт Молотова-Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на англо-саксонскую стратегию подталкивания фашистской Германии к походу на Восток. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом, причем в тот момент – в октябре 1939 г., то есть через два месяца после подписания протокола, получив Вильно, Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором».[13] Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды.

Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с фашистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на Восток, если та поддержит притязания Польши на Украину. Польша, которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, отнюдь не являлась таковой. Обвиняя сегодня СССР в «четвертом разделе Речи Посполитой», сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую область Силезии. Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и интервенции, включая агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И.В. Сталин был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее – прагматичен, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях агрессивной угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с Гитлером о разделе СССР.

Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х годов, так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, установка им памятников и проведение маршей ветеранов СС.

Особенно наглядно тенденции усиления профашистских настроений в Прибалтике прояви-

лись в год 60-летия окончания Второй мировой войны. Так, президенты Литвы и Эстонии отказались приехать в Москву на празднование Дня Победы. Несколькими месяцами ранее, в начале февраля 2005 г. президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга публично оскорбила ветеранов войны, заявив о том, что невозможно изменить сознание пожилых россиян, которые «…9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию»,[14] а 15 марта опубликовала официальное заявление, в котором призвала латышей воздержаться от празднования 9 мая. 16 марта при попустительстве президента в Латвии прошел нацистский митинг. В столице Эстонии 8 мая 2005 г. состоялось открытие мемориала гитлеровскому вермахту и эстонцам, воевавшим на стороне фашистской Германии, участникам «оборонительных боев против Красной Армии», причем на церемонии присутствовал премьер-министр страны Андрус Ансип.[15] В ночь на 9 мая в центре Таллинна был осквернен монумент советскому воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника вечный огонь.[16] Два года спустя, 27 апреля 2007 г. по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллинна. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой массовые волнения в Таллинне и других городах Эстонии.[17] При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова-Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку.

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. То, о чем при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-Потсдамской системы, открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники.[18] Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов. Яркий тому пример – позиция правящих кругов США в отношении Прибалтики. Так, 20 мая 2005 г., всего 11 дней спустя после празднования 60-летия Победы над фашизмом во Второй мировой войне, Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 годы прибалтийских стран – Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США.[19]

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30 %).[20] Причем многие респонденты подчеркивают, что это было «большое мировое столкновение», «война справедливая, в которой мы сражались и победили», и война значимая, которая вызвала «создание новой мировой структуры».[21] Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только абстрактный характер, но и всегда имело политическое значение.

Вместе с тем, в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. Теперь же, с конца 1980-х годов началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом предметом «переосмысления» оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ее ход, вклад участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Историческая память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Наиболее радикальные российские политики, публицисты, историки не только раскрывали «белые пятна», ставя запретные ранее вопросы и рассекречивая документы, но многие из них необоснованно переставляли акценты в оценках и даже откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии. Но дело в том, что в своей деятельности они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются далеко не только формально-идеологическими соображениями, но и собственными геополитическими интересами, враждебными интересам России как таковой, в том числе и «новой». И сегодня ей, для того чтобы отстоять свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Вместе с тем, российское историческое сознание демонстрирует весьма значительную устойчивость. Как и ранее, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX века признается Великая Отечественная война, занимая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. По данным репрезентативного обследования ВЦИОМ в 1989 г. самым выдающимся событием XX века ее назвали 77 %, а в 1994 г. – 73 % опрошенных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70 % молодежи в возрасте до 25 лет и 82 % людей старше 50 лет.[22] В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование «Великая Отечественная война в исторической памяти народа», в ходе которого более 90 % респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы 9 мая является для них праздником.[23] Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем у всех поколений россиян. В условиях ценностной и идейной дезориентации современного российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны.[24] Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая в деморализованном обществе фактором его единения и мобилизации моральных сил народа на выдвижение позитивного и конструктивного сценария будущего развития.

Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно массированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 год – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре РИА «Новости», подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось:

> *«Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие «темной стороны» освободительного подвига Красной Армии, которую якобы замалчивают в современной России».*[25]

Таким образом, сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освобо-

дительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить фашистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 80-х – 90-х годов».[26] При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления».[27]

Вторая мировая война глазами немцев и русских

Важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в теме «Война глазами победителей и побежденных». Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т.д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно отличались.

Память о войне весьма дифференцирована. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т.д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т.д.

Интересно то, как формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне. Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что:

> *«Большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение… За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. …На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о «юстиции победителей».*[28]

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики:

> *«…У разных народов существуют мало похожие друг на друга «альтернативные истории», и «причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям… является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем… Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего».*[29]

Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становится вполне объяснимым: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые

интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А.Г. Здравомыслов:

«Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей – средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение – фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот «рассказ» желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях «победителя» и «побежденного», палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления «фашизма» и «коммунизма». В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в «Черной книге коммунизма». Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов».[30]

Отношение к войне потерпевшими поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные – «исполняли приказ»), подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»), палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др. Однако наиболее объективные немецкие историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории».[31] Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентрировку оценок характерны и для профессиональных историков, и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне, выявленные А.Г. Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями:

«Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

– стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 20-е, и даже 30-е годы, при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;

– преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

– выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллаборационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;

– продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? – «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);

– интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;

– введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;

– признание вины за Холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения».[32]

Как отмечает А.Г. Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е годы преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х годов утвердилась концепция «коллективной ответственности нации».[33]

Проблема вины немцев за нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях:

> *«Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932 – 1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов – организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями… Наконец, третий уровень ответственности и вины – общенациональный, состоящий в вычленении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом».*[34]

Вместе с тем, в немецком обществе происходит смена поколений, а значит, и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. Поколенческие сдвиги, наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти побежденных и виновных». В этой связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Федеральным канцлером ФРГ г. Шрёдером в совместном интервью с Президентом России В.В.Путиным газете «Бильд» 7 мая 2005 г.:

> *«Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача – строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее – наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда».*[35]

Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А.Г. Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью германского канцлера. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, г. Шрёдер подчеркнул, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода».[36] Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника – как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы, – отмечает Р. Рюруп. – Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э. Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и «…как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой… Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие».[37]

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию

активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «…на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса «Армагеддон: Битва за Германию, 1944–1945», посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным «изнасилованием» целой нации».[38]

Однако мораль войны – совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. В апреле 1945 г. 16-летний житель Берлина записал в своем дневнике слова одного из солдат вермахта, обращенные к толпе беженцев:

> *«Прекратите нытье! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!».* [39]

Он знал, о чем говорил.

Но руководство Советской Армии принимало меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К. Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии.[40] Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу».[41]

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»,[42] тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным.

Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом:

> *«За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск».*[43]

Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы:

> *«Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся,*

если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец – абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».[44]

В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Например, в докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось:

«Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел».[45]

Особенно отличились американские негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками:

«Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства...».[46]

Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как отнюдь не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, – которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, – замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.А. Серова наркому внутренних дел Л.П. Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»,[47] а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что:

«За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах… Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления… Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами».[48]

Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских

солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам».[49]

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны».[50]

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». В XX веке мы дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами. Однако у русского народа восприятие немцев весьма существенно различалось после двух мировых войн: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте:

> *«Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...».*[51]

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос: «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» 53 % респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24 % – «ненависть ко всем немцам», 18 % – «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5 % затруднились ответить. На вопрос: «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» самый большой процент ответов – 58 % – был – «никаких», «ненависть» назвали 15 %, «сострадание» (!) – 17 %, «уважение» – 9 %, и только 1 % респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56 % участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13 % – отрицательно и 31 % затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили: «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15 % подтвердили, что желали бы такой встречи, 60 % ответили, что такого желания не имеют, и 25 % затруднились ответить на этот вопрос.[52]

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь личностно и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ господином Шрёдером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В.В. Путин сказал:

> *«Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призывало население не идентифицировать всех немцев с нацистами: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан… Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню… Но …ненависть и ожесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупированных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей, как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить… При этом в некоторых других странах мира… многие граждане к такому примирению так и не пришли».*

А канцлер Шредер подчеркнул, что «…ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом».[53]

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, – политики, идеологи, журналисты, ученые, – принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подходить к их оценке; с другой – существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

60-летие Победы и актуализация исторической памяти

60-летний юбилей Победы явился мощным информационным поводом для очередного обращения к исторической памяти о Второй мировой войне, для активизации дискуссий о прошлом и его оценке, для соотнесения образа войны с современными многообразными политическими и иными интересами. Официальное празднование Дня Победы в Российской Федерации с приглашением на торжества глав государств и политических лидеров многих стран еще более возбудило интерес мировой общественности к этому событию, заставив и средства массовой информации, и общественное мнение «сверить часы» в его освещении и оценке. Значимость этого юбилея подчеркивается еще и тем обстоятельством, что это был праздник, прежде всего, для ветеранов – для уходящего поколения, из которого мало кто сможет дожить до следующего юбилея. По существу, это последний юбилей, который отмечался при жизни непосредственных носителей памяти о той войне. Тот факт, что центр празднования этой даты находился в России, куда приехали лидеры почти всех крупнейших государств, подчеркнул определенную связь времен, связь исторической памяти с политической значимостью этого события в мировой истории даже сегодня. Он объективно подчеркнул и фактическое признание решающей роли СССР в разгроме немецкого фашизма, хотя ряд государств (прежде всего Прибалтийских) воспользовался этим поводом для того, чтобы подчеркнуть свое неприятие этого праздника и исторической роли Советского Союза во Второй мировой войне.

В связи с многочисленными попытками ревизии исторической правды о Второй мировой войне российскому руководству пришлось напоминать о ней и расставлять адекватные акценты в интерпретации хода событий, их причин и следствий, роли СССР в Победе, значении Освободительной миссии Красной Армии в Европе и многих других вопросов.[54]

Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий – на Тихом океане (при этом основные участники событий в этом регионе представляют их именно как отдельную войну, принципиально отличную от Европейского театра боевых действий), в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадкой англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Отсюда и откровенная ревизия Ялтинской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому сговору. В этой связи весьма показательно заявление Президента США Дж. Буша, произнесенное им на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 г.:

> *«Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты».*[55]

Тем самым, глава американского государства отождествил Ялтинскую систему с фашистской агрессией, а великого президента своей страны Ф. Рузвельта фактически поставил на одну доску не только с допустившими предательский Мюнхенский сговор лидерами Англии и Франции, но и с Гитлером.

Интересно и то, как в год 60-летия Победы оценивали Вторую мировую войну и роль в ней СССР лидеры ряда Европейских государств. Несмотря на мощную тенденцию на Западе к пересмотру характера и итогов войны, некоторые из них вполне объективны и считают необходимым предостеречь от попыток переписать историю, предупреж-

дают об опасности забвения ее уроков.[56] Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической памятью

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия

о войне Президент Чешской Республики В. Клаус, подчеркнувший, что «Победа над нацистской Германией была Великой и действительно исторической победой». Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. «Историю, по его словам, нельзя переписать или исправить». В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал:

> *«Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которая, вне всяких сомнений, означала освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы «гуманистически нейтрально» анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей «симметрии страданий». Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие «жесты примирений», которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами».*[57]

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом народов. Попытки умалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодны только тем силам, которые стремятся к разжиганию розни и конфронтации. В этом отношении гораздо более позитивной оказалась инициатива России и группы стран СНГ, к которым присоединились и другие государства, объявить 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. Генеральная ассамблея ООН без голосования приняла соответствующую резолюцию, где говорится, что историческая победа в мае 1945 г. создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий войны, и что отныне 8 и 9 мая будут отмечаться ежегодно как день памяти жертв Второй мировой войны.[58]

Празднование 60-летнего юбилея Победы внесло свой вклад в защиту исторической памяти, правды о Второй мировой войне, и вместе с тем обозначило все болевые точки по этому вопросу как в массовом, так и в политическом мировом сознании. ■

---

1 См.: **Дроздов В.В.** Сценарии экономических реформ в России в позднесоциалистический и постсоветский периоды (прогнозы западных аналитиков в ретроспективе) // Материалы Межд. науч. конф. «Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века». М., 2004. С. 142 – 150.

2 См.: Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991; **Полянский В.С.** Историческая память в этническом самосознании народов // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 11 – 20; **Тощенко Ж.Т.** Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3 – 6; он же. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3 и др.

3 См.: **Сенявская Е.С.** Война в массовом сознании и исторической памяти // Власть. 2001. № 7; она же. Образ войны как феномен общественного сознания // Этот противоречивый XX век. К 80-летию академика РАН

Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.; она же. Проблема героических символов в общественном сознании России: уроки истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2002. № 1; она же. Великая Отечественная война в исторической памяти и музейных экспозициях // Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. в музейном отражении. (Материалы научно-практической конференции музейных работников в г. Москве в 2003 г.). М., 2005; **Меркушин В.И.** Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58 – 60; и др.

4 Респонденты указывали несколько источников получения исторической информации – **Прим. авт.**

5 Поэма А.С. Пушкина «Полтава», стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино», роман «Война и мир» и «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого, роман «Петр Первый» А.Н. Толстого, и др.; картины В.М. Васнецова «Поединок Пересвета с Челубеем» и В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы»; опера М.И. Глинки «Иван Сусанин», песня «Варяг» и др.

6 См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Ф. Бомсдорфа и г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 15. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XXI, 2003. С. 45.

7 **Стапран Н.** Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005) / Под ред. Ф. Бомсдорфа и г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XXI, 2005. С. 202.

8 Там же.

9 Там же. С. 210.

10 Там же. С. 207.

11 Там же. С. 206 – 209.

12 См.: Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 12 – 24 декабря 1989 г. Т. IV. М., 1989. С. 432 – 454, 616.

13 **Нарочницкая Н.А.** За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36 – 37.

14 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно отдельных высказываний Президента Латвии В. Вике-Фрейберги. 03.02.2005 г. URL: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/0/BBA0F14BC6C1F9D4C3256F9D00567836 (дата обращения: 26.12.2009).

15 В Эстонии к 9 мая откроют памятник гитлеровскому вермахту. 26.04.2005 г. URL: http://top.rbc.ru/society/26/04/2005/90161.shtml (дата обращения: 26.12.2009).

16 Таллинн: осквернили монумент советскому солдату. 09.05. 2005 г. URL: http://www.proua.com/news/2005/05/09/142455.html (дата обращения: 26.12.2009).

17 См.: Википедия. Бронзовый солдат. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 26.12.2009).

18 **Нарочницкая Н.А.** Указ. соч. С. 66.

19 Цит. по: **Владимирский А.** Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова-Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XXI, 2005. С. 237.

20 **Г. Шуман**, **Ж. Скотт**. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 49.

21 Там же. С. 57.

22 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 12 – 13.

23 **Меркушин В.И.** Указ. соч. С. 58, 60.

24 **Тощенко Ж.Т.** Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.

25 «Зверства» Красной Армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6 – 19 апреля 2005 г. С. 9.

26 **Крестовский В.** Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XXI, 2005. С. 148, 158.

27 **Трубникова Н.** Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.

28 **Р. Рюруп.** Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.

29 Цит. по: **Владимирский А.** Указ. соч. С. 228.

30 **Здравомыслов А.Г.** Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М.: РОССПЭН, 2003. С. 485.

31 **Р. Рюруп**. Указ. соч. С. 79.

32 **Здравомыслов А.Г.** Указ. соч. С. 502 – 503.

33 Там же. С. 516.

34 Там же. С. 516 – 517.

35 Совместное интервью Президента России В.В. Путина с Федеральным канцлером ФРГ г. Шрёдером газете «Бильд». 7 мая 2005 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E (дата обращения: 26.12.2009).

36 Там же.

37 **Р. Рюруп**. Указ. соч. С. 80 – 81.

38 **Крестовский В.** Указ. соч. С. 148, 157 – 158.

[39] Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 255.

[40] См.: **Семиряга М.И.** Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. С. 314 – 315; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15 (4 – 5). Битва за Берлин. М.: Терра, 1995. С. 220.

[41] ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30 – 32.

[42] Приказ верховного командования вермахта от 06.06.1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р. Рюрупа. Berlin: Argon, 1992. С. 46.

[43] Там же. С. 45.

[44] **Рагинский М.Ю.** Нюрнберг: перед судом истории. М.: Политиздат, 1986. С. 5.

[45] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.

[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 99.

[47] **Жирнов Е.** Часть населения кончает жизнь самоубийством. Власть. 2000. № 6 (357). 15 фев. С. 47.

[48] РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 125, Д. 320, Л. 161 – 163.

[49] **Шерстяной Э.** Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.

[50] **Крестовский В.** Указ. соч. С. 148.

[51] **Медведев Р.А.** Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 15.

[52] **Кузнецов В.Н.**, **Иванов В.Н.**, **Сергеев В.К.** Юбилей Великой Победы. / Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М.: ИСПИ РАН, 2005. С. 36 – 37, 56 – 57.

[53] Совместное интервью Президента России В.В. Путина с Федеральным канцлером ФРГ г. Шрёдером газете «Бильд». 7 мая 2005 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E (дата обращения: 26.12.2009).

[54] Так, 7 мая 2005 г. во французской газете «Фигаро» была опубликована статья Президента России В.В. Путина. В тот же день В.В. Путин давал интервью газете «Бильд» и другим зарубежным СМИ. – **Прим. авт.** См.: Уроки победы над нацизмом: Через осмысление прошлого – к совместному строительству безопасного гуманного будущего. 8 мая 2005 г. URL: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/0/97B3AED890067D30C3256FFB0030159B (дата обращения: 26.12.2009); Совместное интервью Президента России В.В. Путина с Федеральным канцлером ФРГ г. Шрёдером газете «Бильд». 7 мая 2005 г.

[55] Цит. по: **Нарочницкая Н.А.** Указ. соч. С. 66.

[56] О юбилее Победы за рубежом. 7.05.2005 г. URL: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/0/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8 (дата обращения: 26.12.2009).

[57] Там же.

[58] ООН объявила 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. 23 ноября 2004 г. URL: http://www.from-ua.com/news/41a2f33b6e002 (дата обращения: 26.12.2009).

Проект фонда "Историческая память"

Издания серии
Актуальные страницы истории Восточной Европы. Документы и исследования

I. Александр Дюков. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике

II. Александр Дюков. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса»

III. Повседневность террора. Западная Украина, февраль-июнь 1945 года

IV. «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942-1944 гг.

V. Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 1

VI. Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2

Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование

Владимир Макарчук

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям

Готовятся к выходу

- **Владимир Никольский, “Репрессивная деятельность органов государственной безопасности СССР на Украине”**
- **Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. Исследования и документы**
- **Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти**

Публикации

Дерманская трагедия: преступления Службы безопасности ОУН Документы из украинских архивов

«Дермань! Знаєте Ви, що таке Дермань?... Ні, Ви не знаєте, що таке Дермань. Це дуже простора і дуже барвиста казка. Вже здалека розгортається вона цілими милями вправо і вліво. Вже здалеку цілими натовпами пруться зо всіх сторін краєвиди, і горе Вам, чоловіче, коли Ви не митець, не поет або, принаймні, звичайний фотоаматор. Зупиніться, знімайте капелюх і старанно вітайте цю царицю волинських сіл».

Так поэтически описывал село Дермань Ровенской области в середине 30-х годов её уроженец, известный кругах писатель Улас Самчук.

Через двадцать лет, в 1957 году, другой почитаемый представитель творческой интеллигенции, Дмытро Павлычко будет описывать «царицу волынских сёл» уже в других красках:

На Волині, у Дермані сталося:
Із землі просочилася кров!
Воронння ненаситне зліталося
До смутних нерозквітлих дібров.

Та здавалось мені, що не ворони,
А бандерівські хижі кати
Прилетіли в покинуті сторонни
Заховати криваві сліди.

Позмішати ту кров із землицею,
Щоб її не побачили ми…
Я стояв над страшною криницею,
Де джерела забиті кістьми

Я ридав над братами невинними,
Над нещастям народу ридав.
Ідучи за трьома домовинами
Я утричі сміливішим став

Ще не писане, ще не говорене
Розітнулось прокляття в мені
І від нього попадають ворони
І не встатуть в чужий стороні.

О событиях, так изменивших облик древнего села в годы войны и первые послевоенные годы, сегодня вспоминать не любят. Сведений о них не найти ни в справочниках, ни в красочных путеводителях, зазывающих туристов посетить эту жемчужину Волыни.

Но в 50-е годы о них знала и помнила вся Украина...

В марте 1957 расчищая один из заброшенных колодцев, колхозники села Устенское II (ранее носившего название «Дермань») обнаружили в нем заброманные камнями тела своих односельчан, убитых бандеровцами в 1944 – 1948 годах. Массовые захоронения жертв бандеровского террора находили в этом селе и раньше. Но лишь в конце 50-х годов удалось до конца выяснить причины Дерманской трагедии.

За полтора года до страшной находки в Дермани, в октябре 1955 года в Волынской области в результате длительной и сложной агентурно-оперативной комбинации была уничтожена последняя бандеровская группа нелегалов – бандбоёвка С.Линника -«Рыжего». Характерно, что, как и множество раз до этого, главаря банды ликвидировали не сотрудники органов, а его же собственные боевики. Захваченные в рамках операции бидоны с подпольными «архивами» позволили установить следующее: убийства гражданского населения с. Дермань носили не эпизодический и случайный характер, а были целенаправленной и спланированной акцией Службы безпеки ОУН.

Если для руководителей галичанского подполья основным местом базирования служил «особый» Рогатинский провод ОУН (Станиславская, ныне Ивано-Франковская обл.), то для руководителей подполья Волыни таким местом было с. Дермань Мизочского района Ровенской области. Некоторые националистические сайты прямо называют Дермань «повстанською столицею». Осталось уточнить, кто именно из повстанческих «сливок» сидел по схронам в этом селе. Это - командир УПА «Пивнич» Д.Клячкивский – «Клим Савур», его ближайший помощник Р.Волошин-«Горбенко», шеф всей СБ ОУН М.Арсенич - «Березовский», член ЦП и политреферент Я.Бусел – «Галына» и сам Васыль Степанович Кук – «Лемиш».

Кстати, именно в районе этого села 17-18 июля 1944 г., т.е. уже после освобождения Ровенской об-

ласти частями Красной Армии, вышепоименованные проводники организовали и провели I съезд т.н. НВРО (Народно-вызвольной революцийной организации). Учреждение НВРО было по сути неуклюжей попыткой сменить вывеску ОУН, изрядно перепачканную в глазах населения связью с немецами, и обвинить во всех грехах галичанское руководство во главе с Шухевичем, образовав отдельный от него Провод.

Добавим, что помимо резиденции главарей, в Дермани функционировала школа младших командиров УПА, мастерские по ремонту оружия и выпуску мин, и изготовлению одежды.

Понятно, что такая концентрация в одном районе высокопоставленных оуновских функционеров, плюс, наличие важных структур по обеспечению подполья требовали особых мер охраны. Однако с этим было не всё гладко. Как указывалось в одном из «Суспільно-політичних оглядів» по южным районам Ровенской области, в частности по с.Дермань, «найбільшою таки причиною, що таємниці наших сіл стають відомими ворогові, є слабе вироблення нашого населення, що ще не навчилося держати «язик за зубами».

В этой связи руководство Службы Безпеки предпринимает срочные меры и перебрасывает в район с.Дермань несколько боёвок СБ. Руководит «операцией» референт СБ Васыль Андрощук-«Вороный». Помимо охраны главарей в селе создаётся сетка из легальных членов ОУН для наблюдения за местным населением и выявления потенциальных «агентов НКВД». Васыль Кук, видимо оправдывая меры по охране собственной персоны, в одном из интервью заявлял: «Если ... это – агент, и выдаёт других людей, ясно, что вы его застрелите, потому что он ваш враг». «Врагов» набралось много, но о подробностях дерманской операции Васыль Степанович, понятное дело, предпочёл умолчать. Тем не менее, они стали известны.

На протяжении 1944-1948 года Службой Безпеки ОУН в с. Дермань было зверски уничтожено около 450 жителей. Из них лишь 28 были советскими военнослужащими, остальные – простые селяне, дети, старики, женщины.

В 1959 году в г. Дубно Ровенской области состоялся открытый судебный процесс, на котором организатор дерманской трагедии Андрощук - «Вороный» был полностью изобличён показаниями выживших очевидцев и подпольным «архивом» из молочных бидонов. При этом, как признал Андрощук, им лично было убито 73 человека.

Собирались привлечь к ответственности и человека, ради безопасности которого и была устроена Дерманская резня. Но арестованный к тому времени Васыль Степанович так усердно каялся и громил в печати и по радио своих подельников, что обвинительные материалы чекисты решили положить под сукно...

Публикуемые ниже материалы о Дерманской трагедии хранятся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Документы приводятся на языке оригинала. Публикация подготовлена Олегом Росовым (Днепропетровск).

1. Информация Ровенского обкома КПУ о похоронах останков жертв бандитского террора в себе Устенское П, Мизочского района, март 1957 года

СЕКРЕТАРЕВІ ЦК КП УКРАЇНИ
тов. КИРИЧЕНКУ О.І.

І Н Ф О Р М А Ц І Я

Після визволення Західної України від німецько-фашистських загарабників за роки радьянької влади в Ровенськоій області, як і в інших західних оболастях України, відбулися величезні зміни в розвитку економіки і культури.

На основі економічного зміцнения колгоспів значнозріс матеріальний і культурний рівень життя трудящих областиі, підвищилась грамотність і свідомість людей.

10 років тому, місцеве населення в своїй більшості, було пасивним, заляканим ворожими дітями українських буржуазних націоналістів, часто байдуже ставилось до багатьох подій, що відбувалися навкрги. Тепер воно стало невпізнаним, зросла його політична активність і творча енергія, особливо молоді.

Про зрослу політичну свідомість місцевого населеня яскраво свідчать події, які цими днями сталися в селі Устенське II Мізоцького району.

Розчищаючи одну з закинутих криниць, колгоспники цього села виявили закидані там камініям останки по-звірячому замучених своїх односельчан. Всього виявлено в криниці останки прибизно 16-ти чоловік, які були вбиті і вкинуті туди оунівськими бандитами в період 1944-1948 років.

Село Устенське II (раніше називалося с. Дермань), Мізоцького району під час німецької окупації і в перш і рокипісля визволення його від окупанті в Радянською Армією, було одним з Центриів українських буржуазних націоналістів. В селі булла розташована школа, яка готувала націоналістичні кадри, тут знаходився штаб оунівських банд.

Оунівські банди чинили тут, як і в інших селах нечувані звірства і злодіяння. Вони по-звірячому мучили, вбивали ні в чому не повинних людей І вкидали їх в криниці.

Про звірства оунівских бандитів свідчать такі факти: в піднятих з криниці останках людських трупів виявлено череп людин з забитим в нього залізним зубом з борони. Другий череп був пронизаний наскрізь шворнем. Знайдена петля з кабелю з закруткою-знаряддя, яким бандити душили людей.

В останках по прикметах були впізнані ряд жителів села. Так, ГОЛОБУРДА Надія визнала, що щелепа з двома стальними зубами і золотою коронкую її рідної сестри замученої бандитами в 1944 році. ЛИС Олена впізнала шерстяной світер в якому був схоплений ї ї чоловік, теж вбитий в 1944 році. Розслідуваниям установлено 8 осіб бувших мешканців села, які були вбиті і закинут в цю криницю. Всього в цьому селі за роки німецької окупації ш в перші роки після визволения села Радянскою Арміею оунівськими бандитами замучено і вбито понад 450 чоловік.

Обласний комітет партії наддав цьому факту політичне значення. Було вирішено використати цю подію для викриття звірств бандерівських банд, політичного викриття українських буржуазних націоналістів, використати все це для виховання масс в дусі гніву і ненависті до українських буржуазних націоналістів, використати все це для виховання масс в дусі гніву і ненависті до українських буржуазних націоналістів і їх ідеології.

10 березня буди організовані похорони останків жерт оунівських бунд. Нав сільскому кладовищі відбувся великий траурний мітинг, в якому взяло активну участь понад 2000 чоловік населення села Устенське II навколишніх сіл. Богато жінок і чоловіків було з дітьми. Траурний мітинг відкрив голова сільскої Ради депутаті в трудящих ШЕВЦОВ В.А.

На мітингу з короткими промовами виступили представники громадськості, вчителька Устенської середньої школои ШАВРОНСЬКА; тракторис ДОВБЕНКО рідні яких загинули від рук націоналістів та український письменик Юрій МЕЛЬНИЧУК.

Всі вони з гнівом і обуренням говорили про нечувані злодіяння українстких буржуазних націоналістів називаючи їх запроданцями, катами і зрадниками. Говорили про те, що український народ ніколи не йшов і не піде з цими вбивцями, запроданцями Батьківщини.

У виступах висловлювался щира подяка Комуністичній партії, Радянському Уряду, великому російському народу за визволення, за розгром націоналістичних банд. Виступаючі закликали самовіддано працювати дляя дальшого економічного зміцнення колгоспу.

Голова колгоспу місцевий селянин – ЛІЩУК-мешканець села Устенське П в виступі на траурному мітингу сказав:

> «Ми йдемо шляхо*м, який нам вказує Комуністична партія. Це едино правильний шлях тудящого людства, і ми з нього* ніколи не звернемо».

Вчителька Устенської середньої школи Євгенія ШАВРОНСЬКА, яка народилась і виросла в селі Устенському, завдяки радянській владі закінчила в рідному селі середню школу, Кременецький педагогічний інститут і тепер виховує своїх юних односельчан. В Євгенії ШАВРОНСЬКОЇ кати в оунівських банд замучили рідну сестру. Виступаючи на мітингу вона говорила:

> *«Багато з присутніх тут с живими свідками підлих дій націоналістичних бандитів. З сімей багатьох наших односельчан в они вирвали батьків і матерів, синів І дочок. Ми пам"ятаемо ті страшні роки, коли жодна ніч не проходила в селі спокійно. Вранці встаем і довідуемся: одного повісили, другого застрелили, третій зник. Де дівалися наші люди? Їх мордували, а потім ск*идали в колодязі і болота. А як наших рідних катували. Ми бачили знівечені черепи, порубані кістки тих, чиї останки ми сьогодні ховаемо.
>
> *Рідні матері! Я звертаюся до Вас: виховуйте своїх дітей так, щоб ніколи і нікому з Вас не довелося збирати вийняті з криниці потрощені черепи і кістки своїх близьких, обмивати їх своиїми гірки-*

ми слізами. Розказуйте своїм внукам і правнукам гірку правду про націоналістів. Хай у віках будуть прокляті ті, хто продавав і продае свою батьківщину. Ми знамо, що більше ніколи не повториться Устенська трагедія.

Ми вдячні рідній Комуністичній партії за те, що вона дала нам вільне, спокійне, щасливе життя».

Тракторист Олександр ДОВБЕНКО – син замученного першого голови Устенської сільської Ради, у виступі говорив:

«Сьогодні ми вшановуемо пам"ять тих, хто загинув від рук зграї агентів німецького фашизму, залишки якої агенті в німецького фашизму, залишки якої зараз служать американським імперіалістам. Я був малий, йшов мені лише дев"ятий рік, коли на моїх очах вивели бандит из хати батька, трьох братів, сестру І братову дружину з немовлям. Але я не забув про це. Ми з матір"ю своїми руками доставали з криниці і ховали трупи батька і брата Андрія… Мої брати вбиті за те, що відмовился служити бандеровцям… Я проклинаю українських буржуазних нацоналістів.»

Колишній офіцер Радянської Армії, участник Великої Вітчизняної війни Яків НЕСТЕРЧУК мешканець селе Устенське ІІ працює в колгоспі завідуючим фермою. У виступі на мітингу він закликав односельчан ще тісніше згуртуватися навколо Комуністичної партії і Радянського Уряду, ще активн ше працювати, щоб в пам"ять загиблих, для щастя живых, на зло врагам ще бурхливіше розквітав колгосп імені Горького.

Траурна процесія проходила в супроводі оркестру. На магилу були пакладені вінки від сільської Ради, правління колгоспу, учнів і учителів середньой школи, лікарів і працівникі в лікарні. Все це надавало похоронам великие виховне значення.

Настрій людей висловлюва в глибоке обурення злодіяннями націоналістичних бандитів. Під час промов на мітингу масса людей гірко плакала від гніву і болю в серцях. Звуки траурної мелодії зливалися з риданням людей.

Проведені з усіма почестями похорони і добре організований мітинг, влилися в ярку демонтрацію ненависті до українських буржуазних націоналістів і їх теперішних хазяїв-американських імперіалістів.

Місцеве населения з глибоким задоволенням сприйняло почесті і увагу, що були проявлені при організації похорон останків замучених жертв українських буржуазних націоналістів.

Виходячи з фактів, які мали місце в селі Устенське ІІ, Мізоцького району, обласний комітет партії прийшов до висновку про необхідність значного посилення політичної роботи на селі, спрямованої на боротьбу протии пережиткі в ідеології українського буржуазного націоналізму, особливо в селах, де в свій час мало місце засилля банд оунівського підпілля. З тим, щоб викликаючи у населеня ненависть до українських буржуазних націоналістів цим самим зміцнювати почуття дружби українського народу з великим російським народом, з усіма народами СРСР, виховувати трудящих в дусі радянського патріотизму та соціалістичного інтернаціоналізму.

З цією метою обласний комітет партії проводить таку роботу:

Обласна газета «Черновний прапор» в номері за 13 березня вмістила матеріал і фотоілюстації про похорони останків оунівського террору в селі Устенське ІІ під заголовком: «Це більше не повториться».

В сільских клубах, бібліотеках поряд з пропагандою рішень грудневого і лютневого Пленумів ЦК КПРС, рішень VI сесії Верховної Ради СРСР організовуеться читания лекцій і доповідей на теми:

- Українські буржуазні націоналісти – злійші вороги українського народу і якуц шкоду вони нанесли трудящим Ровенщини.

- Чого досягли трудящі Західних областей України за роки Радянської влади. Соціалістичні перетворения на Ровенщині.

- Дружба українського народу з великим російским народом і всіма народами СРСР – важливіша умова розквіту господарства і культури Радянської держави і дальше розшитення прав Радянських республік і інші.

В культурно-освітніх закладах організовуеться проведення бесід, читок художної літератури авторів українських, російських і др. народів СРСР, присвячених питанням викриття мерзенного лица українського буржуазного націоналізму, вихованню у людей радянського патріотизму і соціалістичного інтернаціоналізму.

Дубнівський пересувний драматичний театр підготовив і ставить в селах області виставку «Хуртовина», - Плахтіна, яка викриває запроданство українських буржуазних націоналістів, їх ворожість до українського народу. Вистава користується великим успіхом у колгоспників, робітників і службовців. Багато гуртків художньої самодіяльності теж присвячують свою роботу цим темам.

Намічено і проводиться ряд заходів по посиленню роботи по ідейно-політичному вихованню сільської інтелігенції, залученню ї ї до більш активної участі в громадсько-політичному житті на селі.

Всю цю нажливу роботу соціалістичному перевиховуванию трудящих партійні організації спрямовують на поліпшення роботи піднприемств, машинно-тракторних станцій, на дальше політичне і організаційно-господарське зміцнення колгоспів, на мобілізацію колгоспників і колгоспниць на виконання своїх зобов'язань колгоспів перед державою, піднесення добробуту і кулькури трудящих.

СЕКРЕТАР ОБКОМУ КП УКРАІНИ О. ДЕНИСЕНКО

ЦГАООУ. Ф. 1 Оп. 24. Д. 4532. Л. 3 - 9.

2. Информация УКГБ по Ровенской области о реагировании населения в связи с похоронами останков жертв бандитского террора, 14 марта 1957 года

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП УКРАИНЫ
Тов. КИРИЧЕНКО А.И.

Информация

о реагировании населения в связи с похоронами
останков жертв бандицуоо террора в
селе Устенское П, Мизочского района

Управлением КГБ при СМ УССР по Ровенской области в результате мероприятий «ПК» получены некоторые материалы со положительном реагировании населения по случаю похорон останков жертв, погибших от рук украинских националистов в селе Устенское II, Мизочского района.

Житель села Устенское II, Мизочского района ГАЛАБУРДА Терентий в письме к своему сыну Дмитрию, находящемуся в Советской Армии пишет:

«Дорогой сыночек, сообщаю тебе, что я сейчас пришел со второй Дермани с похорон. Митя, еще с тех пор, как возник мир, я думаю, что не было таких похорон как сегодня, народу было около 3-х тысяч, приходили люди из других сел посмотреть такие похороны и отдать честь отцам, матерям, сестрам и братьям.

Трупы были замучены тяжкой смертью. Во второй Дермани люди решили очистить колодец, но когда начали чистить, то стали доставать человеческие кости. Стояли врачи и определяли по кости какие люди: младенцы или старики. Тот, кто чистил колодец через каждую пару минут получал уколы, ибо тяжко было работать, был тяжелый воздух. Достали целых черепов 16, было так, что через глаз на другую сторону головы были проткнуты колов, а оплетенная коса была воткнута в рот женщине, а между ног воткнут кол. Дети малые также задушены. Дорогой сын, страшное событие было в то тяжелое время, а сегодня хоронили. Колхоз сделал три гроба, затем собрали кости, сложили в гробы и эти трупы находились в конторе во второй Дермани. В час дня со всех сторон сошлись люди, прибыл оркестр и проводили их на кладбище. Проводы были следующие: впереди шли две машины с трупами, за ним шел оркестр, за оркестром шли люди, а за людьми шли легковые машины 7 штук с корреспондентами, все снимали, то с крыш, то с бугров, то с деревьев, все время снимали, а когда пришли на кладбище, гробы поставили возле могилы, расположились родственники трупов,

с речами выступили пять человек. Сын убитого отца и брат восьмимесячного ребенка также убитого сказал: «Дорогой отец ты погиб от убийц, что тебя замучили тяжелой смертью, спи вечным сном».

С Залужья одна девушка (ШАВРОНСКАЯ – сестра замученной), говорила так хорошо, умно и складно, что все люди стали плакать. Затем выступил писатель, который сказал: «Дорогие братья, отцы, на нашу Украину нападали татары, турки, поляки, немцы, но никто так не издевался как украинские националисты, бандиты. Наши отцы рыли колодец, чтобы пить воду, а проклятые бандиты забросали из людьми. Пусть их никогда не принимает наша земля проклятых извергов».

Житель этого же села КОВАЛЬЧУК А.А. в письме своей сестре КОВАЛЬЧУК Ирине Тимофеевне пишет:

«…Сегодня мы ходили во вторую Дермань, к тестю и одновременно были на похоронах. Во II Дермани открыли колодец, из которого при расчистке было изъято 16 трупов, которые были замучены безбожными руками. На похороны собрались столько народа, что не было где стоять, не только на кладбище, но и даже на дороге, идущей к кладбищу. Были присутствующие районные руководители, а также представители области и Киева. Член союза писателей Украины с Киева произнес большую речь. Выступали также и дети тех, кто был жертвой насильства.

Вспоминали и тех душегубах, которые поприходили домой и за углами прячутся, считают себя большими богами. Безусловно таким, некоторым может и придется оставить дом, ибо сами люди заклюют их как негодяев…»

Житель с. Буща, Мизочского района АНТОНЮК Юрий в письме к Антонюк Александру сообщает:

«…У нас в деревни 10.III.57 г. из колодца достали 16 душ. Люди узнавали своих, которых достали. Очень хорошо хоронили, играл духовой оркестр, а тех, кто бросал в колодец, забрали и арестовали и вывезли. Вы сами будете читать в газетах об этом и в кино будете смотреть.

Я еще раз возвращусь к тем, которых обнаружили в колодце, у них был и колья во ртах, веревки на шее. Люди узнавали своих сестер, братьев, по зубам, по косам.

Даже в одной девушке были заплетены косы, а один мужчина стоял на ногах, а только прикоснулись к нему так он и посыпался…»

Житель с. Устенское, Мизочского района АТОМАНЕЦ А,Н, в письме к ШАВРОНСКОЙ Марии процессию похорон излагает следующим образом:

«…В Дермани произошло большое событие. Столько на похоронах было людей, что в мире никто не видел так много, были со всех сел района нашего и половина Здолбуновского и Острожского. Кости везли в 3-х гробах на 2-х колхозных грузовых машинах, а за машинами шел духовой оркестр из Мизоча, за оркестром школа несла венки, обмотанные черными лентами с надписями, за школою шли люди.

На это трагедии был какой-то писатель из Киева. Наверное будет писать книгу. Со всех концов людей и гробы фотографировали кинорепортеры и выступали 18 докладчиков, в т.ч. Женька ШЕПЕЛЬЧУК и некоторые потерпевшие и начальство. Когда Женька произносила речь, так люди так кричали, что в небе было слышно и она сама также плакала, рассказывала и о убийстве нашего Коли и своих сестер.

Вспоминали и о душегубах тех, что отпускали домой, все в списке есть и просили людей, чтобы следили за ними, чтобы они себя отправдали.

Один из выступающих говорил: «Россия воевала за то, чтобы люди были грамотные, зажиточные, за землю, , а за что воевали те, которые побрасали в колодец своих сынов, отцов? Отцы, говорит, старались добывали воду себе и сынам, сыны людей туда набросали» Не могу всего описать, возможно еще раз буду у Вас до пасхи, тогда расскажу…»

Кроме мероприятий «ПК» официальным и агентурным путем установлено, что колхозники села весьма положительно отзываются по отношению организованного органами советской власти торжественного погребения останков трупов.

По этому факту ряд жителей села заявляли председателю сельского Совета тов. ШЕВЦОВУ следующее:

«Только советская власть проявляет заботу о людях. Руководящие работники областных, районных и сельских организаций, прибыл в село Устенское-2, с почестью организовали торжественное погребение изъятых в колодце останков трупов советских граждан, зверски замученных бандитами ОУН».

Все население, как заявляет тов. ШЕВЦОВ, довольное организационной общественной траурной процессией, за исключением священника церкви ПАВЛЮКА Афиногена Максимовича, который по отношению к траурной процессии, организованной органами советской власти, отозвался отрицательно и заявил, что останки трупов надо было похоронить с церковным обрядом а не таким порядком.

Жители села Устенское-2 ЯСЕН Степан и ГНАТЮК Василий оперативному работнику органов КГБ заявили, что в убийстве советских граждан подозреваются бывшие участники ОУН ЛУКЬЯНЧУК Алексей и РУДЫЙ Андрей, проживающие в селе Устенское-2. В отношении этих лиц, как заявляют ЯСЕН и ГНАТЮК, со стороны населения имеются возмущения и презрения.

Колхозник РАТУШНЫЙ Нестер Тимофеевич и его жена ТУРЧИН Нина Степановна в беседе с оперативным работником проклинали подлые действия бандитов ОУН и высказывали свое недовольство возвращением из заключения бывших бандитов ОУН КОНДРАТЮК Андрея, СЕМЕНЮК Ивана, БУХАЛЬСКОГО Ивана, в отношении которых заявили: «им в селе не место, ибо они ранее творили гнусные дела – грабили и избивали население. И теперь никто не хочет на них смотреть».

Житель села Устенское-2 МАЦЮК Евгений Кирилович заявил, что пр изьятии из колодца останков трупов присутствовавшие там жители села сильно возмущались злодеяниями бандитов и высказывали:

«Пусть бы сюда пришел ШЕВЧУК Василий и на все это посмотрел, ибо убийство этих людей – дело его рук. Следовало бы чтобы он обо всем рассказал».

Далее МАЦЮК Евгений Кирилович заявил:

«Наш народ, в том числе и я лично, презираем бандитов в ОУН, чьи руки наложили петли на шеи наших братьев, сестер, матерей и детей. У меня от рук бандитов погибла дочь Мария с мужем. Оставшаяся внучка воспитывалась при мне. Теперь она имеет среднее образование и по комсомольской путевке выехала на работу в Донбасс, где одновременно и учится. Она благодарит нас за воспитание, она благодарит советскую власть, давшую ей возможность стать настоящим человеком.»

Некоторые граждане выражают стремление лично расправиться с ШЕВЧУК Василием Сидоровичем – одним из активных участников банды ОУН, вышедшим с повинной в июле месяце 1947 года.

Так, ВОЙКО Роман Васильевич, в беседе рассказал:

«Я был свидетелем, когда бандиты ОУН – мои односельчане ДЗЮБЕНКО Степан, АНДРОЩУК Роман и ШЕВЧУК Василий Сидорович забрали из-дому моих отца и мать, которых зверски убили, нанеся им неисчислимые ножевые раны в грудь. Когда я разыскал их трупы, встретивший меня бандит ШЕВЧУК Василий – «УСАТЫЙ» запретил мне их похоронить и грозил убийством если я нарушу его приказ.

После убийства матери и отца, ШЕВЧУК под силой оружия забрал у меня двух сыновей и обязал меня лично доставить их ему домой, что мной и было сделано. Через некоторое время он встретил меня в доме моей тети, где я гулял, и предложил следовать с ним. Заведя меня в чужой дом, ШЕВЧУК лично меня жестоко избил, нанеся более 50 ударов деревянной палкой.

Проживание ШЕВЧУКА в нашем селе и безнаказанность его за совершенные из злодеяния вызывают во мне глубокую ненависть к нему и возмущение к советской власти, которая прощает ШЕВЧУКУ и ему подобным такие поступки. Я прошу предоставить мне право лично возместить ШЕВЧУКУ за убийство моих родителей, за ограбления меня и жестокое издевательство надо мной. Проклиная ШЕВЧУКА и ему подобных, я выражаю желание чтобы ни одних не остался безнаказанным, а возвратившихся из заключения бывших участников ОУН необходимо удалить за пределы области, так как они не являются политически благонадежными и в любой трудный момент они все могут заняться кровавыми делами.»

Колхозница КРАВЧУК Ефросиния Тимофеевна, воспитавшая внучку СТАЩУК Галину, родители которой погибли от рук бандитов ОУН, заявляет, что органы советской власти по отношению к бывшим бандитам ОУН не принимают более жестоких мер. Этих бандитов, руки которых в крови, заявляет КРАВЧУК Е.Т., надо на куски рвать за их злодеяния. «Моя руга не дрогнет сделать это над теми, кто повинен в наше горе.»

Жена зверски убитого учителя Устенской средней школы КРАВЧУК Ивана Павловича – КРАВЧУК Текля Александровна рассказывает, что убийство ее мужа совершил бандит СУЛЬЖИН, из села Кунин, который лично стрелял в ее мужа.

Резко осуждая бандитов ОУН, КРАВЧУК заявляет, что есть еще и такие убийцы, которые до сего времени оставались вне поля зрения органов советской власти. Таких убийц надо найти, народ их должен знать».

О реагировании населения по фактам совершенных бандитами зверств агент «БЕДНЫЙ» и др. 10 марта 1957 года сообщил:

«После проведенного погребения останков трупов советских граждан, зверски замученных бандитами ОУН, жители села высказывают свои требования о том, чтобы органы советской власти убрали из села бывшего бандита – террориста ШЕВЧУК Василия Сидоровича, а также других бывших бандитов ОУН возвратившихся из заключения, как-то: БУХАЛЬСКОГО Ивана, СТАВИЦКОГО Ивана, ИЛЬЯШЕВИЧ Василия, КОНДРАТЮК Андрея».

Глубокие негодования населения к некоторым бывшим участникам банды ОУН дошли и до них, в силу чего ШЕВЧУК Василий Сидорович 12 марта 1957 года обратился с просьбой к председателю колхоза имени Горького т. ЛИЩУКУ С.Д. посоветовать ему, каким путем он может выезжать за пределы области. При этом он со слезами на глазах высказывал опасение, что односельчане его могут убить.

Некоторые возвратившиеся из заключения бывшие участники банды ОУН, как СТАВИЦКИЙ Иван Ефимович, БУХАЛЬСКИЙ Иван Наумович и КОНДРАТЮК Андрей Демьянович готовятся к выезду за пределы области.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ СМ УССР
ПО РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ АРНАУТЕНКО

ЦГАООУ. Ф. 1 Оп. 24. Д. 4532. Л. 10 – 17.

3. Фотодокументы о похоронах жертв националистического террора в селе Устенское II.

▲ Колодец в селе Устенское II (бывш. Дермань), в котором были найдены останки 16 трупов бывших жителей этого села, замученных бандеровцами.

▲ Дом, в котором размещалась оуновская Служба безпеки. В нем были замучены сотни советских граждан, трупы которых затем сбрасывались в колодцы. В ограде дома еще один колодец, в котором были найдены останки жертв бандеровского террора. Чтобы скрыть следы своих преступлений бандеровцы завалили колодец бревнами и камнями.

▲ Колодец на территории Дерманского монастыря, из которого ранее извлекали останки жителей села.

▲ Кусок телефонного кабеля, извлеченный из колодца вместе с останками трупов. Им была задушена одна из жертв.

▲ Комната в сельсовете, где были выставлены гробы с останками погибших.

▲ Колхозницы Лыс Олена Арсеньевна с внуком (справа), муж которой был опознан среди останков извлеченных из колодца трупов, и Довбенко Ульяна Семеновна (слева), в семье которой от рук оуновских бандитов погибло семь человек.

◀ Родные и близкие прощаются с останками жертв палачей украинского народа.

▲ Вынос гробов с останками погибших.

▲ Траурная похоронная процессия на главной улице села Дермань. 10 марта 1957 года.

▲ Траурная похоронная процессия на главной улице села Дермань. 10 марта 1957 года.

▲ Траурная похоронная процессия. Справа виден дом, разрушенный бандеровцами, в котором жили учителя дерманской средней школы.

На траурном митинге выступает жительница села – учительница средней школы Евгения Шавронская (Шепельчук), родная сестра которой погибла от рук ▼ бандеровцев.

▲ Дочь бывшего председателя Дерманского сельсовета, замученного бандитами, Довбенко Надя вместе с подругами несет венок на могилу погибших.

Тысячи колхозников, рабочих и интеллигенции Мизочского района на траурном митинге на сельском кладбище. ▼

▲ Дерманцы оплакивают односельчан, погибших от рук оуновских палачей.

◀ Обелиск, изготовленный для братской могилы жертв бандеровского террора.

Проект фонда "Историческая память"

Жертвы националистического террора в западных регионах СССР

На протяжении долгих лет история деятельности вооруженных националистических формирований на территории западных регионов Советского Союза оставалась запретной для исследователей темой. Наличие масштабного антисоветского вооруженного подполья в республиках Прибалтики, на Западной Украине и в Западной Белоруссии не укладывалось в прокрустово ложе официальной идеологии, оперировавшей понятиями единства советских народов и прогрессивности советского строя.

После распада Советского Союза история ожесточенной «войны после войны» в западных регионах СССР оказалась в центре внимания политической элиты независимых государств. Необходимость создания национальной мифологии с четко заданными антироссийскими параметрами повлекла за собой постройку нового пантеона национальных героев.

Фонд «Историческая память» считает подобное положение недопустимым. Мы уверены, что память невинных жертв националистического террора должна бережно сохраняться и увековечиваться – точно так же, как и память о невинных жертвах советских политических репрессий. Мы так же уверены, что делать это надо даже тогда, когда ответом на мемориализацию памяти жертв могут стать репрессии со стороны тех, кому милее убийцы. Мы убеждены, что только доскональное, основанное на серьезной источниковой базе, исследование всех аспектов деятельности антисоветских националистических формирований в западных регионах СССР позволит понять и преодолеть эту трагическую страницу нашей общей истории.

Сознавая, что проблема сохранения памяти о жертвах националистического террора актуальна для Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, России и Эстонии, фонд «Историческая память» начал реализацию проекта по созданию общедоступной электронной базы данных жертв националистического террора в западных регионах СССР.

Фонд "Историческая память" призывает всех, кому небезразлична память о невинных жертвах всевозможных "лесных братьев", поддержать реализацию проета

http://lists.historyfoundation.ru/

Рецензии

Станкерас Петрас
Литовские полицейские батальоны, 1941 – 1945 годы. М.: «Вече», 2009. 304 с.

Тематика коллаборационизма во Второй мировой войне остается одной из наиболее сложных сфер для приложения усилий историков различных стран, пытающихся разобраться в хитросплетениях этого явления. На исследовательской работе сказываются не только и не столько существенные пробелы в архивных материалах, сколько влияние политической конъюнктуры.

В прибалтийских государствах на смену советской историографии, сочетавшей множественные умолчания фактов с «целесообразными» трактовками и своеобразным пониманием принципа интернационализма в освещении «острых» вопросов, пришла национальная наука. С начала 1990-х годов под прямым влиянием балтийской эмигрантской публицистики и мемуаристики был дан старт череде «оправдательных» тезисов, высвечивающих «героизм» местных пособников нацистов в борьбе с «большевистской угрозой» и ретуширующих их роль в уничтожении мирного населения, в том числе по национальному признаку. При этом добровольное или вынужденное сотрудничество с оккупационным гитлеровским режимом стало трактоваться чуть ли не как форма сопротивления («резистенции») германской экспансии, «тихая» борьба за выживание в надежде на то, что немцы, а затем и англо-американские союзники вернут суверенитет и порядки, бытовавшие в регионе до середины июня 1940 года.

Наиболее многослойной проблема коллаборации с гитлеровскими структурами в период Второй мировой войны представляется в Литве, где на взаимодействие «патриотов» и приспособленцев с оккупационной немецкой администрацией (в т.ч. в уничтожении евреев, цыган, коммунистов, советских партизан и сочувствовавших им мирных жителей) накладывались острые литовско-польские противоречия, особенно в Вильнюсе и его окрестностях.

Самым значительным исследованием этой проблематики, опубликованным в последнее время на русском языке, стала книга литовского историка Пятраса Станкераса «Литовские полицейские батальоны. 1941 – 1945 годы». Автор предпринял попытку на основе доступных архивных фондов[1] и различных публикаций обобщить материалы и детализировать отдельные аспекты, касающиеся формирования и деятельности литовских полицейских структур, включая «строевые» батальоны. При этом П. Станкерас отмечает, что до сих пор в литовской научно-исторической литературе «основательно не рассмотрены и не освещены такие вопросы как организационная система управления Генеральной области Литвы во время Второй мировой войны, немецкая военная, полицейская и гражданская администрации, суды, состав и организационная структура литовской полиции, отношения между литовской полицией и немцами и ее место в системе немецких учреждений власти».[2]

Данная книга, по существу, является первой попыткой написания серьезной исторической монографии, посвященной деятельности литовских полицейских подразделений.[3] Ей предшествовали небольшие разделы в ряде изданий военно-исторического характера, научные статьи и публикации в периодической печати Литвы. В числе специалистов по теме литовской полиции военных лет автор называет историка Арунаса Бубниса, на которого нередко ссылается в ходе повествования.

Подобная картина прослеживается также в отечественной историографии и публицистике, причем с поправкой на «периферийность» темы и схематичность ее изложения. Литовский сюжет если и встречается в «общих» изданиях, то подается, как правило, в справочно-нарративном и научно-популярном ключе.[4] Вместе с тем, российский читатель мог в последнее время ознакомиться и с некоторыми аналитическими материалами, включающими в себя подробное цитирование литовских авторов и оценки эволюции прибалтийской историографии.[5] Вводились в научный оборот и новые документы из российских архивов, касающиеся преступной деятельности литовских пособников гитлеровского режима.[6]

Безусловным плюсом книги Станкераса является развернутый научно-справочный аппарат: более семисот концевых ссылок, включая комментарии к упоминаемым в тексте событиям, органам и персоналиям, а также таблицы, дающие представление о структуре, руководящем составе и дислокации литовской полиции на оккупированной гитлеровцами территории республики. К числу позитивных сторон данного исследования можно отнести попытку представить формирование полицейских батальонов в ряду других смежных структур и на фоне военно-политической обстановки в занятой немцами Литве. Малоизвестные подробности столкновений Армии Крайовой с

литовскими полицейскими, ее противоречивых «жестов» в адрес немцев и красных партизан содержатся в главе «Польские проблемы на литовской земле». Читателю предоставляется возможность окунуться в литуанизированную версию событий и обнаружить, например, следующий пассаж: «Польские партизаны были смелыми, потому что их опекала немецкая администрация».[7]

Вместе с тем, на наш взгляд, труду этого литовского автора, рассчитанному на русскоязычную аудиторию, присущи и некоторые изъяны. Представляется, что П. Станкерас излишне навязчиво рекламирует на страницах своей книги весьма спорные и политизированные тезисы официального Вильнюса относительно характера «всенародного антисоветского восстания» в июне 1941 года, организованного «Фронтом литовских активистов» (ФЛА) и статуса «Временного правительства Литвы» (ВПЛ) И. Амбразявичуса. При этом автор признает, что «правительство», поспешившее выразить благодарность «спасителю европейской культуры» Адольфу Гитлеру, немцы не стали сразу ликвидировать лишь потому, что смогли придать ему «функции подсобного органа немецкого военного руководства».[8]

Станкерас оговаривает тот факт, что «деятельность ФЛА неоднозначно оценивается историками», однако не перестает умиляться попытке «реинкарнации» отдельных элементов управления межвоенной Литвы: «И пусть ненадолго, но государственный аппарат был сформирован и действовал, как и до советской власти».[9] Также в тексте многократно используется более чем спорный термин «воссоздание литовской полиции», но при этом упоминается об организации уездной полиции по распоряжению немецких властей и не скрывается тот факт, что кадровый состав полиции был укомплектован лишь на 40 % бывшими профессионалами, а остальные 60 % «были юноши, ни теоретически, ни практически не подготовленные к работе в полиции».[10]

Присутствуют в книге и признаки безотчетной и даже в чем-то наивной героизации назначенного нацистами «первого генерального советника», генерал-лейтенанта Пятраса Кубилюнаса: «Хотя его сын Альгирдас и служил в частях СС, однако не приходилось слышать и читать, чтобы генерал заискивал перед немцами». Затем Станкерас прибегает и вовсе к мифотворчеству конспирологического толка, всерьез утверждая, что «такая позиция литовского генерала не нравилась немцам, но они до поры до времени терпели. Даже после войны немцы мстили генералу П. Кубилюнасу и, спасая свою шкуру, оговаривали его перед советским судом».[11]

Непреодолимая тяга автора к описанию «антилитовских заговоров» сыграла с ним злую шутку: на страницы книги была привнесена фальшивка, хорошо известная в кругах ученых-историков. Речь идет о так называемом «договоре о сотрудничестве НКВД и гестапо», якобы заключенном в Москве 11 ноября 1938 года. Впервые эта подделка появилась в антисемитском издании «Память» в 1999 году. Как отмечают российские историки, оформление и содержание этого «документа» явно свидетельствуют о его подложности. Достаточно сказать, что Генрих Мюллер, его «подписант» с германской стороны, обозначен как бригаденфюрер СС, тогда как в указанный срок он имел звание штандартенфюрера СС. И находился в Берлине, а не в Москве.[12] На основе этой фальсификации, грубо сработанной любителями «жареных» исторических сенсаций, П. Станкерас рисует фантасмагорическую картину «сотрудничества» советских и германских спецслужб в 1940 – 1941 гг.:

> *«Здесь можно выдвинуть предположение, что спецслужбы Германии решили проучить несговорчивых литовцев руками НКВД, предоставляя Москве информацию о возрастающем в Литве антибольшевистском подполье. Может, именно этим можно объяснить возрастающее число арестов патриотов Литвы?».*[13]

К негативным сторонам рецензируемой книги, как представляется, относится заметная диспропорция в изложении материала о различных видах литовской полиции при нацистах, вплоть до мельчайших «погонно-петличных» подробностей, в ущерб описанию и анализу деятельности собственно полицейских «schuma»-батальонов и подразделений «самообороны». Автор явно тяготеет к прорисовке «благоустройства» полицейской среды на территории самой Литвы по соизволению немецких властей и стараниями литовских коллаборационистов. При этом он крайне неохотно и схематично рисует пребывание этих батальонов за границами Литвы, не акцентируя внимание на их карательной деятельности. Более того, в оценках борьбы этих подразделений с советскими партизанами и боестолкновений с регулярными частями Красной Армии оправдательный пафос переполняется откровенно горделивыми нотками: «Большинство литовских полицейских батальонов, разбросанных по широким просторам России, храбро сражались вместе с немцами и солдатами других национальностей».[14] То, что именно «заграничные похождения» этих батальонов были основной их

деятельностью, признает и обильно цитируемый Станкерасом историк А. Бубнас:

«Во время советско-германской войны и нацистской оккупации Литвы было сформировано не меньше 26 литовских полицейских батальонов. Уже летом 1941 г. первые литовские батальоны были посланы исполнять разные задачи в тыловой зоне немецких войск за пределами Литвы. В основном литовские батальоны охраняли железные дороги, мосты и разные военные объекты, а также участвовали в операциях против партизан. Литовские батальоны дислоцировались по всей линии Восточного фронта от озера Ильмень на севере России до Азовского моря на Украине. Больше всего литовских батальонов действовало в Белоруссии, в северо-западной части России (Новгородская и Псковская области) и на Украине. Два литовских батальона (2-й и 252–й) охраняли концлагерь Майданек около Люблина в Польше. В конце августа 1942 г. в Литве служили 9 литовских батальонов, а за пределами Литвы – 11 батальонов (четыре батальона в Украине, три в Белоруссии, три в России и один в Польше».[15]

Судя по рецензируемому тексту, у П. Станкераса не было желания подробно исследовать вопрос участия литовских полицейских в Холокосте (эта тема никак не выделена в исследовании), зато подробно смакуется феномен создания и деятельности еврейской полиции в гетто Литвы, чему посвящена отдельная глава. Не заметны также попытки использовать в работе важные достижения историков-краеведов и архивистов из российских регионов, с Украины и Белоруссии.[16]

Завершая повествование, П. Станкерас признает, что деятельность литовской полиции в годы войны по многим позициям все еще остается «белым пятном» в истории, и рассчитывает на дальнейшие кропотливые исследования ученых. Можно согласиться с таким выводом, далеким по стилистике от иных прямолинейных трактовок, которые встречаются в этой книге. Остается лишь еще раз попенять автору за имморализм и элементы экзальтации в оценке создания и функционирования литовского «самоуправления» и сил «самообороны», находившихся в услужении гитлеровским захватчикам.

Владимир Симиндей

---

[1] В подготовке книги использованы фонды Центрального государственного архива Литвы, Архива общественных организаций Литвы, Особого архива Литвы и отдела рукописей Библиотеки Литовской академии наук. – **Прим. авт.**

[2] **Станкерас П**. Литовские полицейские батальоны. 1941 – 1945 годы. М.: Вече, 2009. С. 4.

[3] Русское издание представляет собой доработанный и переведенный с литовского языка вариант книги **П. Станкераса** «Полиция Литвы в 1941 – 1944 годах». – **Прим. авт.**

[4] См., например: **Дробязко С.И.**, **Каращук А.В.** Вторая мировая война 1939 – 1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: Аст, 2000. 46 с.; **Чуев С.Г.** Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М.: Эксмо, 2004. 576 с.; **Дробязко С.И.**, **Романько О.В.**, **Семенов К.К.** Иностранные формирования Третьего рейха / Под ред. **К.К. Семенова**. М.: АСТ; Астрель, 2009. 848 с.

[5] **Юсуповский А.М.** Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны / Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее. Вып. 2: Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006. № 24 (312).

[6] Трагедия Литвы: 1941 – 1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Изд-во «Европа», 2006. 400 с.

[7] **Станкерас П.** Указ. соч. С. 126.

[8] Там же. С. 18.

[9] Там же. С. 12.

[10] Там же. С. 129.

[11] Там же. С. 37.

[12] См.: **Дюков А.Р.** «The Soviet Story»: механизм лжи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2008. С. 20 – 25.

[13] **Станкерас П.** Указ. соч. С. 23, 24.

[14] Там же. С. 169.

[15] **Бубнис А.** Литовские полицейские батальоны в Латвии 1944 – 1945 гг. // Baltijas reģiona vēsture 20. gadsimta 40. – 80. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 24. sej.). Rīga, 2009. 481 lpp.

[16] См., например: **Винокурова Ф.** Литовская коллаборация в Украине в период нацистской оккупации (1941 – 1944 гг.) (на основании анализа документальных источников Государственного архива Винницкой области) // Голокост і сучасність. 2003. № 1 (7) и № 2 (8).

Рассекреченные документы архива СВР в изданиях МГИМО

25 августа 2009 г. Служба внешней разведки (СВР) России передала Московскому государственному институту международных отношений копии рассекреченных документов периода 30-х – 40-х годов XX века. Архив СВР по праву считается одним из наиболее закрытых ведомственных архивных учреждений России – самым закрытым и, одновременно, самым интересным для исследователей советской внешней политики. Нет необходимости подробно разъяснять, сколь важно знать, какая информация лежала на столе у кремлевского руководства на момент принятия тех или иных внешнеполитических решений. К настоящему времени опубликовано лишь несколько сборников из архива СВР[1] – и вот, наконец, в руки историков сразу передано более тысячи рассекреченных документов.[2] Это обещало стать настоящим научным событием. Тем более, что публикация полученных из СВР документов была предпринята МГИМО совместно с недавно созданной Комиссией при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России.[3] Комиссия, МГИМО и Архив СВР – кто бы из исследователей смог пройти мимо сборника документов, изданного под этими тремя грифами? Сборника, соединяющего уникальные документы архива СВР, высокопрофессиональные комментарии специалистов МГИМО с официальным статусом Комиссии при Президенте РФ?

Однако общей публикации переданных СВР документов так и не вышло; дело ограничилось тем, что отдельные их подборки были напечатаны в сборнике, посвященном 70-летию начала Второй мировой войны, в двух томах сборника, посвященного 65-летию Великой Победы и в двух номерах «Вестника МГИМО».[4] Более того: уровень подготовки этих публикаций оказался ниже всякой критики.

Начнем с формата публикации документов. Во всех пяти публикациях документы воспроизведены факсимильно. С одной стороны, это удобно: историк получает возможность не только ознакомиться с содержащейся в документе информацией, но и увидеть сам документ. С другой стороны, подобный подход серьезно затрудняет научное комментирование. Эта проблема была решена публикаторами радикально: документы не снабжены какими либо комментариями вообще. Кроме того, в соответствии с устоявшейся практикой[5], документы СВР были опубликованы без какой-либо архивной легенды.

Однако отсутствие комментариев и архивных легенд – далеко не самое печальное. По абсолютно непонятной причине публикации осуществлялись «россыпью»: документы не были упорядочены ни по тематическому, ни по хронологическому принципу. В разных публикациях издавались одни и те же документы, хаотически перемешанные, так что читатель не мог найти ответа даже на элементарный вопрос об общем количестве обнародованных документов. Более того: в рамках одной и той же публикации некоторые документы зачем-то дублировались.[6] В одном случае произошло что-то вообще невообразимое: сначала документ был воспроизведен полностью, а через несколько страниц был опубликован один-единственный третий лист этого документа.[7]

Абсолютно никакой критики не выдерживают и описания документов. Например, перехваченное НКВД СССР письмо германского посланника в Братиславе Г. Бернарда премьер-министру Словакии И. Тисо о вступлении германских войск на территорию республики описано следующим образом: «Письмо германского посланника Бернарда из Германского посольства Его превосходительству господину премьер-министру доктору Иосифу Тисо…»[8] Понять по этому описанию содержание документа абсолютно невозможно.

В ряде случаев описание вообще не соответствует содержанию документов. Так, например, документ, содержащий агентурную информацию НКВД СССР о попытках Германии предотвратить передачу Финляндией никелевых рудников в районе Петсамо в концессию СССР описан публикаторами как «сообщение о работе агентов Германии, Италии и Японии в Финляндии».[9] Но самый вопиющий пример – два документа лета 1939 года, описанные как «Сообщения МИД СССР».[10] Уж кому-кому, а сотрудникам МГИМО надо бы знать, что в 1939 году никакого Министерства иностранных дел попросту не существовало – советское внешнеполитическое ведомство именовалось Народным комиссариатом иностранных дел. А следовательно, документ лета 1939 г., в шапке которого стоит «Министерство иностранных дел» явно не советского происхождения, это добытая советской разведкой информационная записка МИД одной из европейских стран.

Таким образом, опубликованные в изданиях МГИМО рассекреченные документы архива СВР не могут рассматриваться как введенные в научный оборот. Хаотичность публикаций, отсутствие ка-

кой-либо систематизации документов, их адекватных описаний и научных комментариев не позволяют исследователю пользоваться документами без предварительной тяжелой и кропотливой работы по их обработке. Работы, которую вообще-то должны были проделать публикаторы. Целый комплекс ценных для понимания советской внешней политики документов оказывается в каком-то странном положении: вроде они и опубликованы, но воспользоваться ими исследователю крайне трудно. Весьма характерно, кстати, что эти документы до сих пор не использованы в каких-либо научных работах.

Мы попытались исправить это положение. Ниже публикуется упорядоченный по хронологическому принципу перечень опубликованных в изданиях МГИМО документов из архива СВР (всего документов оказалось 121) с описанием каждого документа, даты его создания и места публикации. Надеемся, что публикация этого перечня позволит, наконец, исследователям понять, что за документы были опубликованы и как они могут повлиять на наши представления о мотивах внешней политики Советского Союза. Нам же остается только надеяться, что однажды весь комплекс переданных МГИМО копий документов советской внешней разведки будет все-таки опубликован, и что это будет по-настоящему качественное научное издание.

Александр Дюков

Перечень документов из архива СВР, опубликованных в изданиях МГИМО

1. **Информация ОГПУ СССР о планах Германии по подготовке правительственного переворота в СССР, [1933 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 502.

2. **Информация 3-го отделения ИНО ОГПУ СССР о намерении Гитлера организовать «Восточное министерство», 9 апреля 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 598.

3. **Перехваченный ИНО ОГПУ СССР меморандум германскому правительству о необходимости поддерживать белогвардейские организации, 10 июня 1933 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 223 – 230.

4. **Спецсводка ИНО ОГПУ СССР от тайной работе Германии против СССР, 28 июня 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 510 – 515; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 406 – 411.

5. **Информация 3-го отделения ИНО ОГПУ СССР об антисоветских планах А. Гитлера, 29 июня 1933 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 222.

6. **Информация 3-го отделения ИНО ОГПУ СССР о возможном англо-германском сотрудничестве против СССР, 9 июля 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 503; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 401.

7. **Спецсообщение ИНО ОГПУ СССР о планах организации Германией правительственного переворота в СССР с участием белогвардейских организаций, 20 июля 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 509.

8. **Спецсводка ИНО ОГПУ СССР от тайной работе Германии против СССР, 21 июля 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 516 – 519; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 197 – 200.

9. **Докладная записка заместителя председателя ОГПУ СССР Я. Агранова и начальника ИНО ОГПУ СССР А. Артузова в ЦК ВКП(б) о секретном совещании у А. И. Гучкова, [не ранее июля 1933 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 231 – 232.

10. **Информация ОГПУ СССР о тайных предложениях Гитлера английскому правительству, [не ранее июля 1933 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 504 – 507; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 402 – 405.

11. **Информация ОГПУ СССР о планах Гитлера по превращению Белоруссии в немецкую колонию, 19 сентября 1933 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 508.

12. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса в МИД Великобритании о содержании беседы с А. Гитлером, 13 декабря 1935 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 187 – 189.

13. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса в МИД Великобритании о содержании беседы с А. Гитлером (продолжение) , 13 декабря 1935 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 190 – 196.

14. **Справка НКВД СССР об организационной структуре и руководстве судетско-немецкой партии, октябрь 1935 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 580 – 594.

15. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с текстом сообщения французского посла в Берлине в МИД Франции о итальяно-германских внешнеполитических планах, 26 января 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 197 – 198.

16. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с текстом сообщения государственного департамента США о англо-франко-итальянских переговорах по абиссинскому вопросу, 5 февраля 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 199; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 341.

17. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с текстом сообщения посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса о позиции А. Гитлера по вопросу германо-американских отношений, 5 февраля 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 200 – 201; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 342 – 343.

18. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с оценкой сроков развязывания А. Гитлером войны, [не ранее 9 февраля 1936 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 204; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 346.

19. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с текстом сообщения посла США в Берлине У. Додда о политической ситуации в Германии и болезни Гитлера, февраль 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 202 – 203; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 344 – 345.

20. **Перехваченная НКВД СССР запись из дневника члена американской делегации на морской конференции в Лондоне о высказываниях посла США Дж. Дэвиса по германскому вопросу, 8 марта 1938 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 205 – 206.

21. **Перехваченное НКВД СССР письмо Р. Аттертона государственному секретарю США о возможности развязывания Германией войны, 13 марта 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 207 – 214; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 347 – 354.

22. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса в МИД Великобритании о декларировании А. Гитлером «неприятия» тайной дипломатии, 26 марта 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 215 – 216.

23. **Перехваченная НКВД СССР докладная записка начальника Генеральной дирекции по охране общественной безопасности Австрии в министерство иностранных дел Австрии об усилении национал-социалистической пропаганды в стране, апрель 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 217 – 218.

24. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса с оценкой позиции А. Гитлера по австрийскому вопросу, 25 апреля 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 219 – 221.

25. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса в МИД Великобритании о внешнеполитических планах А. Гитлера, 5 мая 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С.254 – 256.

26. **Перехваченное НКВД СССР письмо посла Великобритании в Берлине Э. Фиппса в МИД Великобритании о заявлении министра иностранных дел Германии по «австрийскому вопросу», 6 мая 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 257.

27. **Информация ИНО ГУГБ НКВД СССР с агентурными сведениями о реакции Великобритании и Франции на введение германских войск в Рейнскую область, 15 мая 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 245 – 248; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 355 – 358.

28. **Информация НКВД СССР о внутриполитическом положении в Германии, 9 октября 1936 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 233 – 234.

29. **Информация НКВД СССР о позиции Германии в «испанском вопроса», [не ранее января 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 235 – 236.

30. **Информация НКВД СССР о политическом и военном завещании Х.фон Секта , 10 февраля 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 237 – 238.

31. **Информация НКВД СССР о содержании беседы А. Гитлера с румынским политиком Ж. Братиану, 16 февраля 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 239.

32. **Информация НКВД СССР о предоставлении А. Гитлером регенту Венгрии М. Хорти официальных заверений по поводу будущей политике Германии в Дунайском регионе, 18 марта 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 242.

33. **Информация НКВД СССР о польско-германских отношениях, март 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 240 – 241.

34. **Информация НКВД СССР об оценке послом Франции в Берлине Ф. Понсэ внешнеполитических планов Германии, 16 апреля 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 243 – 244.

35. **Информация НКВД СССР об оценке министром хозяйства Германии Я. Шахтом советско-германских экономических отношений, 16 апреля 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 249 – 253.

36. **Справка 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР о немецкой военной агентуре в СССР, 11 июня 1937 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 520 – 532.

37. **Информация НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о позиции Великобритании по отношению к Италии, [не ранее 12 октября 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 258 – 259.

38. **Информация НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о позиции Великобритании по вопросу снабжения республиканского правительства Испании, [не ранее 13 октября 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 260 – 261.

39. **Информация НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о позиции Италии по «испанскому вопросу», [не ранее 14 октября 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 262 – 263.

40. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом письма посла Польши в Вашингтоне Г. Потоцкого в МИД Польши с оценкой внешней политики США, [не ранее 8 ноября 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 233 – 238.

41. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом письма посла Польши в Белграде Р. Дембицкого в МИД Польши с оценкой внешней политики Югославии, [не ранее 8 ноября 1937 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 243 – 245.

42. **Спецсообщение 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР о поездке министра иностранных дел Франции И. Дельбоса по Восточной Европе, 23 декабря 1937 г.** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 246 – 247.

43. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о внешнеполитической позиции Румынии, [не ранее 5 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 248 – 250.

44. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о внешнеполитической позиции Японии, [не ранее 7 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 251 – 253.

45. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о внешнеполитической позиции короля Румынии Кароля II, [не ранее 10 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 254 – 255.

46. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о германо-польских переговорах, [не ранее 13 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 258 – 259.

47. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о югославско-германских отношениях, [не ранее 14 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 260 – 261.

48. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции о британско-французских и советско-французских отношениях, [не ранее 16 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 262 – 264.

49. **Информация ГУББ НКВД СССР с текстом докладной записки МИД Франции об отказе проекта франко-британской декларации и дипломатических действиях секретного характера в отношении ряда европейских стран, [не ранее 19 января 1938 г.]** // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 265 – 267.

50. **Перевод статьи «Секретное дело Гитлера для Лондона», опубликованной в газете «Дейли Геральд», 4 апреля 1938 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 359 – 360.

51. **Перехваченный НКВД СССР доклад начальника канцелярии посольства Финляндии в Лондоне Б. Кивикоски о беседе с послом Чехословакии в Лондоне Я. Масариком, 19 мая 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 464 – 466; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 363 – 365.

52. **Сообщение наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова в ЦК ВКП(б) с текстом информации МИД Италии об англо-французских переговорах, 23 мая 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 455 – 459; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 355 – 359.

53. **Сообщение 5-го отдела 1-го Управления НКВД СССР о планах германской агрессии против Чехословакии, [июль 1938 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 430 – 431; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 330 – 331.

54. **Спецсообщение 5-го отдела 1-го Управления НКВД СССР о распространении чиновниками МИД Италии информации о готовящемся нападении Германии на Чехословакию, 5 августа 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 451 – 452, 453 – 454; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 351 – 352, 353 – 354.

55. **Перехваченный НКВД СССР доклад посольства Финляндии в Берлине о прогнозируемых последствиях «чехословацкого кризиса», 28 августа 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 467 – 471; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 366 – 370.

56. **Перехваченные НКВД СССР документы МИД Италии о «чехословацком вопросе», сентябрь 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 432 – 450; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 332 – 350.

57. **Перехваченный НКВД СССР доклад посольства Финляндии в Берлине о германско-чехословацких отношениях, 2 сентября 1938 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 267 – 269.

58. **Перехваченный НКВД СССР доклад посольства Финляндии в Берлине о польско-германских отношениях, 12 сентября 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 472 – 478; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 371 – 377.

59. **Перехваченный НКВД СССР доклад посольства Финляндии в Риме о новейших событиях «чехословацкого кризиса» и их возможных последствиях, 16 сентября 1938 г.** // «Завтра может

быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 479 – 483; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 378 – 382.

60. **Информация НКВД СССР о действующей в Подкарпатской Руси организации «Русская Народная Национальная Автономная партия» и ее лидерах, 17 сентября 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 595 – 597.

61. **Перехваченный НКВД СССР доклад посольства Финляндии в Риге о внешнеполитических планах Латвии, 17 октября 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 484 – 492; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 383 – 391.

62. **Перехваченный НКВД СССР доклад посланника Чехословакии в Риге П. Борачека-Жанье о беседе с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, 17 октября 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 493 – 497; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 392 – 396.

63. **Перехваченный НКВД СССР доклад посланника Чехословакии в Риге П. Борачека-Жанье об изменении политической ориентации Литвы, 21 октября 1938 г.**[11] // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 270 – 272.

64. **Информация НКВД СССР для сводки ЦК ВКП(Б) о переговорах Муссолини с Гитлером, [не позднее 27 октября 1938 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 410 – 411; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 310 – 311; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 237 – 238.

65. **Перехваченный НКВД СССР доклад посланника Чехословакии в Каунасе Л. Скалицкого о развитии событий в Клайпеде, 29 октября 1938 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 273 – 277.

66. Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР о германо-итальянских переговорах в Риме и Вене, ноябрь 1938 г. // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 239 – 240.

67. **Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР по вопросам внешней политики Италии, 6 ноября 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 412 – 418; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 312 – 318; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 241 – 247.

68. **Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР о подготовке Германией нападения на Советскую Украину, позиции Румынии и планах германского давления на Польшу, 1 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 427; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 327.

69. **Перехваченный НКВД СССР доклад посланника Финляндии в Лондоне Г. Грипенберга о внешнеполитических планах Германии, 2 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 498 – 501; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 397 – 400.

70. **Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР с текстом доклада итальянского посланника в Эстонии об отношении Эстонии к Мюнхенским соглашениям и к СССР, 3 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 405 – 409, 422 – 426; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 322 – 326.

71. **Информация неизвестного французского источника о реакции французской прессы на визит в Париж министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа, 6 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 533 – 536; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 201 – 204.

72. **Информация неизвестного французского источника о переговорах министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа с министром иностранных дел Франции Ж. Боннэ, 9 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 537 – 542; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 205 – 210.

73. **Информация НКВД СССР о совещании руководства Германии в октябре 1938 г. и настроениях командования вермахта, [не ранее 17 декабря 1938 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 419 – 421; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 319 – 321.

74. **Сообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в ЦК ВКП(б) об оценке антисоветских планов руководство Германии источником в МИД Италии, 21 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 428 – 429; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 328 – 329.

75. **Сообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР об оценке антисоветских планов Германии финскими дипломатами, 21 декабря 1938 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 460 – 462; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 360 – 362.

76. **Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР о помощи Италии режиму Франко, 29 декабря 1938 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 248 – 249.

77. **Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР о военных приготовлениях Италии, 29 декабря 1938 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 250 – 252.

78. **Сообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с выдержками из доклада итальянского посла в Берлине о деятельности Германии по украинскому вопросу, [зима 1938 – 1939 гг.]** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 253 – 254.

79. **Спецсообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в ЦК ВКП(б) с агентурной информацией о подготовке гестапо провокации, направленной на разрыв советско-чехословацких дипломатических отношений, 17 января 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 278 – 279.

80. **Информация неизвестного французского источника об отношении французских депутатов к франко-советскому пакту, 18 января 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.:

МГИМО Университет, 2009. С. 543 – 550; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 211 – 218.

81. **Информация неизвестного французского источника о дискуссиях во французском парламенте во вопросу о «восточных пактах» и «украинской проблеме», 19 января 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 551 – 558.

82. **Агентурная информация НКВД СССР об уничтожении министерством внутренних дел Чехословакии дел с разработками деятельности разведывательной сети гестапо, 8 марта 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 280.

83. **Перехваченное НКВД СССР письмо неустановленного источника из Берлина о планах франко-германского сближения, 29 марта 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 559 – 561; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 219 – 221.

84. **Информация НКВД СССР о высказываниях политиков Великобритании по вопросу британско-советских отношений, 5 апреля 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 281 – 283.

85. **Перехваченное НКВД СССР письмо неустановленного источника из Берлина о планах Гитлера по сближению с Францией, 6 апреля 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 562 – 566; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 222 – 226.

86. **Информация НКВД СССР о германской пропаганде во Франции, 15 апреля 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 567 – 569.

87. **Сообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову о политике Англии и Франции в отношении СССР, июнь 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 570 – 571; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 227 – 228.

88. **Информация неустановленного источника о беседе представителя германского посольства в Париже с бывшим премьер-министром Франции П. Фланденом о «восточной проблеме», 6 июня 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 578 – 579; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 235 – 236.

89. **Перехваченная НКВД СССР информация МИД неустановленного государства о мобилизационных мероприятиях Германии и планах германского руководства, 16 июня 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 572; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 229.

90. **Перехваченная НКВД СССР информация МИД неустановленного государства о позиции правительства Великобритании по отношению к Италии, 19 июня 1939 г.** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 573; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 205 – 210.

91. **Перехваченное НКВД СССР письмо германского посланника в Братиславе Г. Бернарда премьер-министру Словакии И. Тисо о вступлении германских войск на территорию республики, 27 августа 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 284 – 286.

92. **Перехваченное НКВД СССР письмо премьер-министра Словакии И. Тисо германскому посланнику в Братиславе Г. Бернарду с согласием на размещение германских войск на территории республики, 28 августа 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 287 – 288.

93. **Перехваченное НКВД СССР донесение германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии о претензиях Словакии на территории, входящие в состав Польши, 28 августа 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 289 – 290.

94. Перехваченная НКВД СССР информация МИД неустановленного государства о германо-итальянских планах действий, [лето 1939 г.] // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 574 – 575; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 230 – 231.

95. **Перехваченная НКВД СССР информация МИД неустановленного государства об отношении правительства Великобритании к политике СССР по отношению к странам Прибалтики, [лето 1939 г.]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 576 – 577; 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 233 – 234.

96. **Перехваченная НКВД СССР телеграмма германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии с запросом о позиции Германии по вопросу претензий Словакии на территории, входящие в состав Польши, 4 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 293.

97. **Перехваченное НКВД СССР письмо министра без портфеля А. Зейсс-Инкварта статс-секретарю МИД Германии Э. фон Вейцзеккеру с просьбой о получении санкции А. Гитлера на публикацию словацкого закона о «возвращении» территорий, входящих в состав Польши, 4 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 312 – 314, 316.

98. **Перехваченная НКВД СССР шифрограмма МИД Германии германскому посланнику в Братиславе Г. Бернарду о нежелательности опубликования словацкого закона о «возвращении» территорий, входящих в состав Польши, 5 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 294.

99. **Перехваченная НКВД СССР телеграмма МИД Германии германскому посланнику в Братиславе Г. Бернарду о позиции Германии по вопросу претензий Словакии на территории, входящие в состав Польши, 6 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 291 – 292.

100. **Перехваченная НКВД СССР докладная записка германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии о ситуации, сложившейся в результате претензий Словакии на территории, входящие в состав Польши, 6 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 297 – 304.

101. **Перехваченная НКВД СССР записка статс-секретаря МИД Германии Э. фон Вейцзеккера министру иностранных дел Германии Й. Риббентропу с просьбой принять решение по вопросу претензий Словакии на территории, входящие в состав Польши, 7 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 309 – 311.

102. **Перехваченная НКВД СССР информация МИД Германии о территории Словакии, отошедшей в 1920 г. к Польше, 8 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 295 – 296.

103. **Перехваченная НКВД СССР записка руководителя секретариата министра иностранных дел Германии П. Шмидта статс-секретарю МИД Германии Э. фон Вейцзеккеру о нежелательности опубликования словацкого закона о «возвращении» территорий, входящих в состав Польши, 10 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 315, 317.

104. **Перехваченная НКВД СССР телеграмма германского посланника в Будапеште Эрдмансдорфа в МИД Германии с информацией об отказе Венгрии на просьбу Словакии осуществлять военные перевозки через территорию страны, 11 сентябре 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 305 – 306.

105. **Перехваченная НКВД СССР шифрограмма МИД Германии германскому посланнику в Братиславе Г. Бернарду о необходимости выразить удивления действиями руководства Словакии, 12 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 307 – 308.

106. **Перехваченная НКВД СССР записка начальника политического отдела МИД Германии Э. Вермана руководству министерства о встрече с послом Словакии, 13 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 318 – 319.

107. **Перехваченная НКВД СССР телеграмма германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии с уточнением позиции правительства Словакии по вопросу о территориях, входящих в состав Польши, 14 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 320.

108. **Перехваченное НКВД СССР письмо германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии по вопросу словацко-венгерских противоречий, 14 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 321 – 323.

109. **Перехваченный НКВД СССР меморандум правительства Словакии о решении вопроса о транспортировке словацких военных грузов через Венгрию, [не позднее 14 сентября 1939 г.]** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 324 – 327.

110. **Перехваченное НКВД СССР письмо министра экономики Германии В. Функа в МИД Германии о предстоящем соглашении со словацким правительством об использовании в Словакии военно-промышленных предприятий, 22 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 328 – 329.

111. **Перехваченное НКВД СССР сообщение статс-секретаря МИД Германии В. Кеплера о поддержке предложений министра экономики Германии, 28 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 330.

112. **Перехваченное НКВД СССР письмо МИД Германии в германское посольство в Словакии о необходимости включения в германо-словацкие соглашения пункта о металлургических заводах «Банска Быстрица». 28 сентября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 331

113. **Перехваченное НКВД СССР письмо германского посланника в Братиславе Г. Бернарда в МИД Германии о проекте соглашения по использованию военно-промышленных предприятий в Словакии, 4 октября 1939 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 332 – 334.

114. **Перехваченный НКВД СССР проект германо-словацкого соглашения по использованию военно-промышленных предприятий в Словакии, [не позднее 4 октября 1939 г.]** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 335 – 340.

115. **Агентурная информация НКВД СССР о попытках Германии предотвратить передачу Финляндией никелевых рудников в районе Петсамо в концессию СССР, [июль 1940 г. ?]** // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 463.

116. **Агентурная информация НКВД СССР об усилении агентурной работы стран «Оси» в Финляндии и ситуации вокруг никелевых рудников в районе Петсамо, [июль 1940 г. ?]** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 257 – 258.

117. А**гентурная информация НКГБ СССР о переговорах по вопросу военного союза между Финляндией и Швецией, 16 апреля 1941 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 261.

118. **Агентурная информация НКГБ СССР о высказываниях президента Финляндии Р. Рюти по вопросу войны между Германией и Советским Союзом, 28 мая 1941 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 262 – 266.

119. **Справка 4-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР с агентурной информацией о требованиях Германии устранения из Финляндии польских дипломатов и требовании финских политиков выхода Финляндии из Лиги Наций, 10 июня 1941 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 259 – 260.

120. **Справка НКГБ СССР с агентурными данными о позициях Г. Гиммлера и А. Гитлера по вопросу заключения мира с СССР, 25 июля 1944 г.** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 361.

121. С**пецсообщение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в ЦК ВКП(б) об усилении немецкого влияния в Финляндии, [дата неизвестна].** // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 255 – 256.

---

[1] Прибалтика и геополитика: Сборник документов (1935 – 1945) / Сост Л.Ф. Соцков. М.: Служба внешней разведки России, 2006. 401 с.; Секреты польской политики: Сборник документов (1935 – 1945) / Сост Л.Ф. Соцков. М.: Служба внешней разведки России, 2009. 381 с.

[2] Подберезкин А. Споры и факты о Второй мировой // Голос России, 28.08.2009.

[3] См., напр.: Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 185.

[4] Рассекречено // «Завтра может быть уже поздно…»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО Университет, 2009. С. 405 – 598; Рассекречено // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 185 – 263; Рассекреченные материалы Второй мировой войны // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6. С. 232 – 267; Рассекречено // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. IV. С. 310 – 411; Рассекречено // 65 лет Великой Победе. М.: МГИМО – Университет, 2010. Т. V. С. 197 – 361.
Помимо этого ряд документов был опубликован на сайте МГИМО в формате pdf.

[5] См. уже упомянутые сборники документов «Прибалтика и геополитика» и «Секреты польской политики».

[6] Напр.: Спецсообщение 5-го отдела 1-го Управления НКВД СССР о распространении чиновниками МИД Италии информации о готовящемся нападении Германии на Чехословакию, 5 августа 1938 г. // «Завтра может быть уже поздно…» С. 451 – 452, 453 454; 65 лет Великой Победе. Т. IV. С. 351 – 352, 353 – 354; Спецсообщение 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР с текстом доклада итальянского посланника в Эстонии об отношении Эстонии к Мюнхенским соглашениям и к СССР, 3 декабря 1938 г. // «Завтра может быть уже поздно…» С. 405 – 409, 422 – 426; 65 лет Великой Победе. Т. IV. С. 322 – 326; Перехваченная НКВД СССР записка руководителя секретариата министра иностранных дел

Германии П. Шмидта статс-секретарю МИД Германии Э. фон Вейцзеккеру о нежелательности опубликования словацкого закона о «возвращении» территорий, входящих в состав Польши, 10 сентября 1939 г. // 65 лет Великой Победе. Т. V. С. 315, 317.

7 Перехваченное НКВД СССР письмо министра без портфеля А. Зейсс-Инкварта статс-секретарю МИД Германии Э. фон Вейцзеккеру с просьбой о получении санкции А. Гитлера на публикацию словацкого закона о «возвращении» территорий, входящих в состав Польши, 4 сентября 1939 г. // 65 лет Великой Победе. Т. V. С. 312 – 314, 316.

8 65 лет Великой Победе. Т. V. С. 284 – 286

9 «Завтра может быть уже поздно…» С. 463.

10 Там же. С. 574 – 575, 576 – 577; 65 лет Великой Победе. Т. V. С. 230 – 231, 233 – 234.

11 В тексте документа опечатка: документ датируется 21 октября 1939 г. Об ошибочности этой датировки свидетельствуют упоминание в документе опасений Литвы лишиться Клайпеды. Как известно, Клайпеда была передана Литвою Германии в марте 1939 г.

ARTICLES PUBLICATIONS REVIEWS

ARTICLES

Viktor Kondrashin

Hunger in the Russian Federation (RSFSR) in 1932 - 1933

One of the burning and debatable problems of Russian modern history is hunger in 1932 – 1933. In recent years perception of this subject has changed from purely scientific into social and political. The thesis about exclusive character of hunger in Ukraine in 1932 – 1933 (the so-called hunger-pestilence) and its qualification as "genocide" of just the Ukrainians is beneath criticism if you study the records concerning condition of peasants in other Soviet regions. In the spotlight of the article there is hunger of 1932 – 1933 on the territory of former RSFSR, its reasons, regional peculiarities and demographic consequences. The author comes to a conclusion that "Soviet government headed by Stalin did not want the hunger to begin, but organized it by making mistakes and in some cases by committing crimes. As a result, millions of peasants died mostly in regions where crops were widespread as they became the main source for industrialization".

Vladimir Nikolsky

Falsification of Social Membership of Victims of Political Repression by NKVD in the SU in 1937 – 1938

The article is based on the documents of fund 42 Operative-Statistical Accountability of State Trade Archives of Ukrainian Security (US) and materials of Archives of Temporary Storing of Documents of US Administration in Donetsk and Lugansk regions. Analysis of the documents shows that in 1937 – 1938 central apparat of NKVD USSR and its local subdivisions systematically misrepresented in their accounts the social membership of victims of political repression (for example, quantity of practically arrested workers was understated). Falsifications were used to imitate the fact that repressions were aimed at "socially hostile groups" and to correct the "quotas" for repressions.

Vladimir Makarchuk

Problem of Borders of the Second Polish Republic (1918 – 1939): Aspects of International Law and European Security

According to Vyacheslav Molotov's assessment (in autumn 1939), between the two world wars Poland was humiliatingly characterized as "ugly offspring of Treaty of Versailles". However, if you abstract away from the cynical phrase of the Soviet narkom, you should admit that borders of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth were not indisputable. In 1919 – 1939 it consisted of Lithuanian (Vilnius and its neighbourhood), Western Ukrainian (Eastern Halychyna and Volhynia), some German ethnic and historical lands. Warsaw had in its turn territorial claims on Czechoslovakia (Teschen Silesia) and decided not to divide with Hungary trans-Carpathian Ukraine only in March 1939. From time to time plans of expansion to the territory of the SU (Ukraine etc.) were considered in Poland. Between the two world wars according to the international law changing of intergovernmental borders and active methods of pressure of the interested party on its contractor were allowed. In these conditions chauvinism and adventurism of Polish rulers and their desire not only to hold ethnically alien territories, but also to expand them at the expense of the neighbours turned out to be risky not only for Poland, but for European security in general.

Dmitry Surzhik

Word as a Weapon. Soviet Propaganda during the Great Patriotic War.

In the article the condition of Soviet special propaganda in the prewar period, its evolution in 1941 – 1945, methods and means of work are considered. So when the war started, Soviet propagandistic materials focused as before (during Civil War and fight against international intervention) on the fact that enemy soldiers were workers and peasants forced to take part in military operations. It means that under the influence of Soviet propaganda they will soon go over to the "state of labour people". However this approach turned to be ineffective and Moscow staked on antiwar agitation including involvement of those prisoners of war who disliked Nazis.

Alexander Dyukov

"Beria's Memoranda" and Problem of Credibility of Statistics of Soviet Repressions

From the point of view of source study it is necessary to criticize final certificates about repressive policy of NKVD-MGB more thoroughly than original materials. Generalizing documents were rather often prepared not for informative, but for political purposes that resulted in serious misrepresentation of real repressions. Some researchers (for example, Estonian historian Tyn Tanberg or his Russian colleague Yelena Zubkova) do not want to take this possibility into account and consequently use false data that in its turn brings into question the credibility of their conclusions. Comparing the documents the scientists have the author of the article comes to the following conclusion: in a complex of memoranda about the condition in Western republics of the USSR, prepared according to Beria's order in May – June 1953, there is a tendency to considerably overstate the statistics of repressions as one of the political "arguments" in struggle for power after Stalin's death.

Oleg Rosov

Operation Turning Point: Unknown Details of the Civil Conflict in Western Ukraine

In 1944 – 1945 Soviet party was interested in stopping the military resistance at its western borders as soon as possible and was ready not only to stop fights itself, but also to make great concessions to the underground, and the most important thing is that it was ready to involve the leaders of Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) into social and state life of the country. This is proved by the little known materials of Soviet special operation Turning Point that was aimed at organizing the negotiations with authorized representatives of OUN, sanctioned by Nikita Khrushchev, chairman of the Council of People's Commissars in Ukraine, in 1944. However, this operation was unsuccessful, because OUN's leaders preferred coming into close contact with British and American special services and resuming reconnaissance-subversive activity on the territory of the SU under the control of the West and not Nazis.

Anna Kolesnikova

Image of the Enemy in the Period of Cold War in detective-adventure films of 1950s – 1980s: Audience and Problems of Historical Memory

The problem of the image of the enemy is closely connected with cumulative effect engendered in the process of its presence in the informative-visual field and determines the phenomenon of historical memory, characterizing its meaningfulness for the mass consciousness. On the one hand the image of the enemy included features of product of ideology constructed by institution of power and helping the governing elite solve several strategic tasks at once without wasting many resources (maintenance and strengthening of power, mobilization of human resources of Soviet country, suppression of inner opposition etc.). On the other hand we can speak about mutual ideological and spontaneously mass conditionality of the image of the enemy in the period of cold war. That time it was not only a complex of ideas formed by the mass-media and long-term propaganda in the process of global political-ideological confrontation of the SU and the West, but also a historical and cultural heritage, "echo of war" that (with some structural changes, of course) stimulates the phenomenon of historical memory.

Alexandr Senyavsky, Yelena Senyavskaya

Historical Memory as a Battlefield. Military History of Russia of the 20s Century in the Context of a Psychological War and Modern Geopolitics.

The authors focus on the special meaning of memory about war history for Soviet and Russian society in particular, as wars, especially world ones, are a climax of nerve-straining and they put the countries and historical competence of the peoples and states to the test. Historical memory can not be "linear" and "static": "reminiscences of war" change with the time, accents are shifted, everything "inconvenient" for the national consciousness is "forgotten" and forced out from the memory. Political elite in power also has a great influence over historical memory and assessment of military actions of the past, as in its foreign policy it is oriented either at sticking to or at reconsidering the outcomes of the wars of the past. As a rule, in this process current geopolitical political, economical and other interests are involved.

PUBLICATIONS

Tragedy of Derman:
Crimes of the Security Service OUN. Documents from Ukrainian Archives.

According to the materials of the Ukrainian Social Units Central State Archive, killings of the civilians in village Derman in Rovenskaya region in Ukraine were not sporadic and accidental, but were a purposeful and planned action of the Security Service OUN. Publication of the records is prepared by Oleg Rosov (Dnepropetrovsk).

REVIEWS

Stankeras Petras. Lithuanian Police Battalions. 1941 – 1945. M.: "Veche", 2009. 304 pages.

Vladimir Simindey, the reviewer, points out positive features as well as grave shortcomings of the above-mentioned book that represents modern Lithuanian version of creation and activity of local militarized structures under Nazi command. He considers a full scientific-reference apparat of the book, an effort to represent the formation of police battalion among other closely-related structures and against a background of military-political situation in Lithuania occupied by Germans, and coverage of the little known details about fights between Polish Krayova army and Lithuanian collaborationists a positive feature. Negative features are detailed representation of "equipping with services and utilities" of the police on the territory of Lithuania itself with reluctant and schematic coverage of punitive expeditions of Lithuanian collaborationists outside Lithuania which was their main criminal activity when they served Nazis. Moreover, to justify the crimes of Lithuanian police battalions (which is immoral by itself), P. Stankeras uses a method that is intolerable in science showing a forged document famous in scientific environment and saying it was authentic – the so-called "agreement about cooperation of NKVD and Gestapo" that was supposedly signed in Moscow on the 11th of November, 1938.

Declassified Archival Documents of Russian Foreign Intelligence Service in Journals of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Alexandr Dyukov critically reviews facsimile publications of the archival materials of SVR in MGIMO's journals pointing out absence of systematization and adequate descriptions of the documents and comments on them. He says that "the whole complex of documents valuable for understanding Soviet foreign policy is in a strange position: on the one hand they are published, but on the other hand for a researcher it is very difficult to use them. By the way it is significant that these documents have not been used in any scientific papers yet". A. Dyukov tried to improve the situation and prepared the publication of chronologically ordered list consisting of 121 documents published in MGIMO's journals with a description of each document, date of its creation and place of publishing.

ОБ АВТОРАХ

Дюков Александр Решидеович
директор фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», Россия.

Колесникова Александра Геннадиевна
к.и.н., преподаватель кафедры новейшей истории России Российского государственного гуманитарного университета, Россия.

К**ондрашин Виктор Викторови**ч
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, Россия.

Макарчук Владимир Степанович
д.ю.н., профессор Львовского государственного университета внутренних дел МВД Украины, Украина.

Никольский Владимир Николаевич
д.и.н., профессор Донецкого национального университета, Украина.

Росов Олег Дмитриевич
историк, г. Днепропетровск, Украина.

Сенявская Елена Спартаковна
д.и.н., научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия.

Сенявский Александр Спартакович
д.и.н., научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия.

Симиндей Владимир Владимирович
руководитель исследовательских программ фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», Россия.

Суржик Дмитрий Викторович
аспирант Института всеобщей истории РАН, Россия.

О ФОНДЕ

Фонд «Историческая память» - некоммерческая общественная организация, созданная осенью 2008 года. Целью деятельности Фонда является содействие объективным научным исследованиям актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века.

Фондом осуществляется:

- изучение актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века;
- поддержка проведения исследований актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века;
- поддержка издания исследований по актуальным страницам российской и восточноевропейской истории XX века;
- проведение научных конференций и «круглых столов»;
- презентации результатов исследований по актуальным страницам российской и восточноевропейской истории XX века в средствах массовой информации;
- взаимодействие с федеральными и местными органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации в соответствии с целью и задачами Фонда;
- взаимодействие с российскими и зарубежными СМИ и НКО в рамках осуществления уставной деятельности; организация научных обменов с зарубежными исследовательскими центрами и институтами в соответствии с целями и задачами Фонда;
- собственная издательская, информационная, просветительская, лекционная деятельность.

Генеральным директором Фонда является историк Александр Дюков.

ABOUT FOUNDATION

"Historical Memory" Foundation is a non-profit organization created in autumn 2008. The Foundation's objective is to provide assistance for unbiased scientific researches of relevant issues of Russian and Eastern European history of the XXth century.

Our Activities:

- Topical subject research of Russian and Eastern European history of the XX century;
- Topical subject furtherance of researches of Russian and Eastern European history of the XX century and their publications;
- Conduction of science conferences and «round tables»;
- Mass media presentation of research results of relevant issues of Russian and Eastern European history of the XXth century ;
- cooperation with federal and local legislative and executive power authorities of the Russian Federation in accordance with the purpose and objectives of the Foundation;
- cooperation with Russian and foreign mass media and non-profit organizations within the framework of the Foundation's regulations activity;
- organization of scientific exchanges with foreign research centers and institutions in accordance with the purposes and objectives of the Foundation;
- Publishing, informational, educational and lecture activities (of the Foundation).

Director of the Foundation is a historian Alexander Dyukov.